

O 54/1416

Николай Белдыцкій.

ОЧЕРКИ ВИШЕРСКАГО КРАЯ.

Посвящаются Ю. И. Т.

ПЕРМЬ.
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.
1899.

Дозволено цензурою. Москва. Іюля 30-го дня 1899 года.

ОЧЕРКИ ВИШЕРСКАГО КРАЯ.

Посвящаются Ю. И. Т.

I.

Экскурсія въ область прошлаго.

> Трапперы американскихъ лѣсовъ вели суровую, исполненную всевозможныхъ лишеній, жизнь. Охота на дикихъ звѣрей составляла ихъ главный промыселъ.
>
> *Фениморъ Куперъ.*

Среди чудной панорамы горъ, скалъ и лѣсовъ мчитъ быстро кристальныя воды свои холодная красавица Вишера. Вытекая почти изъ самаго сердца Урала, она все время мчится «по дну изъ камней разноцвѣтныхъ», сопровождаемая то высокими лѣсистыми холмами, то обнаженными скалами, отвѣсной стѣной подступившими къ самой рѣкѣ. Воды ея необыкновенно чисты и прозрачны и позволяютъ на значительной глубинѣ различить каждый камушекъ, каждую песчинку. Шумящими водопадами впадаютъ въ нее многочисленные притоки съ такой-же кристальной и холодной водой. Чтобы видѣть Вишеру во всей ея красотѣ, нужно ѣхать туда въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда поднимаются травы, среди которыхъ разсыпаны красные піоны «Ивана да Марьи», когда прибрежныя березки одѣваются молодой, яркозеленой одеждой и когда солнце съ безоблачнаго неба щедро проливаетъ свое тепло на молчаливые хвойные лѣса въ долинахъ, а солнечные лучи отражаются въ снѣговыхъ вершинахъ каменныхъ гигантовъ.

Тогда осторожные лоси и олени, томимые жаромъ, тихонько пробираются къ рѣкѣ, гдѣ и спѣшатъ утолить свою жажду. Какъ красивы, какъ граціозны эти животныя! Особенно хороши громадные лоси со своими вѣтвистыми рогами и наклоненными къ землѣ головами. Они осторожно нюхаютъ каждый слѣдъ и обращаются въ бѣгство при малѣйшей опасности...

Пернатое царство въ это время совершенно замираетъ. Всѣ тетерева, глухари и рябчики забираются въ глубь темнаго лѣса, гдѣ въ прохладѣ и проводятъ жаркое время.

Даже рыба ищетъ себѣ болѣе низкой температуры. Кристальныя воды позволяютъ видѣть, какъ стаи благородныхъ харіузовъ спѣшатъ къ переборамъ, гдѣ воды холоднѣе и теченіе стремительнѣе.

А солнце съ безоблачнаго неба продолжаетъ посылать свои жгучіе лучи. Но чѣмъ ближе къ вечеру, тѣмъ становится прохладнѣе и, наконецъ, жаркій день смѣняется холодной бѣлой ночью. Съ блѣдноголубого неба льется на землю мягкій бѣлый свѣтъ и кладетъ свой отпечатокъ на окружающую природу. Бѣлые, нѣжные тона царствуютъ кругомъ. Обильная роса покрыла траву, а также и листья деревьевъ. Тихо. Лишь ласкающій шумъ воды на переборахъ, такъ гармонирующій со всей этой обстановкой, нарушаетъ торжественную тишину іюньской ночи. Какой чудный видъ открывается съ каждой прибрежной скалы! Внизу прихотливыми зигзагами вьется Вишера. Она то омываетъ отвѣсную скалу самой причудливой формы, то примыкаетъ къ крутой, лѣсистой горѣ, то разбѣгается среди небольшого луга. Съ верху видно, какъ рябитъ вода на переборахъ и какъ спокойно течетъ она по

тихому плесу. Со всѣхъ сторонъ Вишеру обступили громадныя горы, рельефно выдѣляющіяся на блѣдно-голубомъ небѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ острыми вершинами поднялись высоко къ верху, а другія похожи на круглыя гигантскія шапки. Можно различить, гдѣ кончается полоса лѣсовъ и начинается царство камня и мха. Бѣлый снѣгъ ярко выдѣляется полосами па сѣроватомъ фонѣ каменныхъ гигантовъ. А въ долинахъ темной массой стоятъ мрачные хвойные лѣса, среди которыхъ можно увидѣть серебряную извилистую ленточку—то вьется какой-нибудь притокъ Вишеры.

На верху уже почти ничего не нарушаетъ торжественной тишины. Развѣ порою съ сосѣдней скалы раздастся дикій хохотъ филина и опять надолго все смолкнетъ.

Взоръ зрителя всего больше приковываютъ къ себѣ вершины гигантскихъ камней, такъ гордо поднявшихся надъ землей. Не даромъ народная фантазія опоэтизировала ихъ, придала имъ жизнь. Каждый значительный камень на Вишерѣ имѣетъ свою легенду, свою исторію. Къ величайшему сожалѣнію, въ послѣднее время, подъ натискомъ ворвавшейся сюда цивилизаціи, наивныя преданія старины почти исчезли и рѣдко-рѣдко можно встрѣтить теперь такого вишерскаго аборигена, въ памяти котораго уцѣлѣло бы нѣсколько старинныхъ легендъ. А между тѣмъ, легенды эти очень любопытны и не лишены поэзіи и, по всей вѣроятности, историкъ могъ бы прочитать въ нихъ, сквозь ихъ сказочный элементъ, и историческую правду.

Давно, очень давно, еще «при старыхъ царяхъ»,—такъ гласитъ вишерская сага,—краемъ этимъ владѣлъ поганый чудской народъ. Не даромъ онъ названъ поганымъ, ибо происхожденіе его не чистое. Легенда о происхожденіи чудского народа, наивна, но въ высшей степени цинична... *)

Жилищъ себѣ чудь не строила разсказываетъ преданіе, аукрылавась въ пещерахъ. Потомъ въ этотъ край стали проникать русскіе люди и началась у нихъ ожесточенная война съ чудью. Но чуди было много, а русскихъ мало. Къ счастью, на помощь русскимъ явились богатыри. Въ памяти вишерскаго народа остались имена двухъ богатырей: Полюда и Пели; каждый изъ нихъ жилъ въ громадныхъ камняхъ, первый обиталъ въ камнѣ его-же имени—Полюдѣ, а другой въ Кваркушѣ. Камни эти росли вмѣстѣ съ богатырями.

Великое множество поганой чуди истребили богатыри. Кромѣ того, они помогали въ войнахъ русскимъ царямъ съ невѣрными народами. Промышляли богатыри охотой, особенно удачный охотникъ былъ Пеля. Захотѣлъ его русскій царь наградить за его великія услуги, призвалъ передъ свои свѣтлыя очи.—«Ну, Пеля, много ты мнѣ помогъ въ битвахъ съ невѣрными народами и хочу я тебя наградить. Проси, что пожелаешь, серебра-ли, золота-ли, камней-ли самоцвѣтныхъ, всего дамъ».—«Не надо мнѣ, надежа царь,—отвѣчаетъ ему Пеля,—ни золота ни серебра, ни камней самоцвѣтныхъ, куда я съ ними въ лѣсу дѣваюсь! А дай ты мнѣ, государь-батюшка, шелковыя тенета, чтобы соболей, да куницъ я могъ ими ловить и чтобы не рвались они». Подарилъ ему царь шелковыя тенета, крѣпкія, не рвучія и многое множество сталъ добывать богатырь всякой пушнины. А того больше стрѣлялъ онъ изъ лука сохатыхъ и медвѣдей. Не понравилось это лѣсному и задумалъ онъ погубить Пелю Но какъ это исполнить? Хотя и силенъ былъ лѣсной, а противъ Пели ему все-таки не устоять. У богатыря одна ступня была 7 четвертей! Кинуть за десять верстъ камень въ 100 пудовъ для него было простой забавой.. Гдѣ ужъ, тутъ бороться силой, надо пуститься на хитрости. Вотъ, лѣсной, разъ и спрашиваетъ у Пели: «Ты, Пеля, какъ спишь?» Смекнулъ богатырь, въ чемъ дѣло, но и виду не подалъ, что проникъ хитрый замыселъ лѣсного и добродушно отвѣчаетъ ему: «Сплю я, такъ у меня дымъ изо рта идетъ; а ты, лѣшій, какъ спишь?»—«Когда я сплю—хвоя съ деревьевъ валится! отвѣчалъ лѣшій. Послѣ этого разговора какъ-то бродили они въ лѣсу вмѣстѣ. Настала

*) Въ тѣ далекія времена гласитъ эта легенда въ одномъ селеніи жила дѣвица. Ея зазорный образъ жизни возмутилъ всѣхъ сосѣдей и рѣшено было прогнать ее изъ селенія. Стала она скитаться въ лѣсу, гдѣ и родился у ней сынъ. Устроила она логово и укрывалась въ немъ отъ непогодъ и холода со своимъ незаконнымъ дѣтищемъ. Между тѣмъ сынъ ростетъ не по днямъ, а

ночь; сдѣлали «нодью» и легли подлѣ огонька спать. Лѣшій скоро заснулъ и захрапѣлъ: хвоя съ деревьевъ посыпалась отъ этого храпа. Пеля хитеръ, Пеля не спитъ. Положилъ онъ подъ свой азямъ бревно, какъ есть богатырь спитъ; около изголовья головешку положилъ, дымится она. А самъ спрятался за большую сосну и ждетъ, что будетъ. Лѣшій проснулся, смотритъ туда, гдѣ богатырь лежать долженъ и видитъ, что изъ-подъ азяма дымокъ идетъ, значитъ, спитъ Пеля. Вотъ лѣшій тихонько поднялся и выстрѣлилъ прямо въ бревно. А Пеля изъ за сосны пустилъ въ лѣсного калену стрѣлу. Только ногами взмахнулъ лѣшій и повалился на землю, а Пеля подбѣжалъ къ нему и добилъ его. Долго послѣ того еще жилъ Пеля, охотился на звѣрей, билъ невѣрную чудь. Но, вотъ, начали переводиться на русской землѣ богатыри, отошла имъ пора и на Вишерѣ. Вошли вишерскіе богатыри въ свои камни и спрятались тамъ вмѣстѣ съ сокровищами разными. Тогда-же прекратился ростъ камней и остались они такими-же, какими ихъ можно видѣть и сейчасъ. Но богатыри живы; выйдутъ изъ камней они, когда зазвучитъ труба архангела и предстанутъ со всѣми людьми на страшный судъ Господень...

Таковы обрывки вишерскихъ «преданій старины глубокой».

Въ настоящей же главѣ своихъ очерковъ я коснусь того образа жизни, какой вели вишерскіе обитатели до развитія въ ихъ краѣ горной промышленности, т. е. десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Рѣка Вишера, одинъ изъ главныхъ притоковъ Камы, беретъ свое начало въ сѣверной части чердынскаго Урала, изъ подъ камня «Вишерскаго». Нѣсколько ключей образуютъ изъ себя быстрый холодный ручеекъ, принимающій въ себя еще нѣсколько такихъ же пѣнящихся ручейковъ и образующихъ уже рѣчку, все болѣе и болѣе увеличивающуюся на своемъ стремительномъ пути къ югу. Рѣчка прихотливо извивается среди громадныхъ утесовъ, среди горъ, шумитъ на переборахъ, страшно пѣнится на порогахъ и, наконецъ, принявъ въ себя достаточное количество притоковъ, обращается въ довольно солидную горную рѣку, хотя и съ быстрымъ, но уже болѣе спокойнымъ теченіемъ.

Всего Вишера имѣетъ протяженія около 500 верстъ. Изъ этого числа она 400 верстъ несется среди горъ и скалъ и только послѣднія сто верстъ передъ впаденіемъ въ Каму, принявъ въ себя притокъ р. Вижаиху, а потомъ рѣку Колву, оставляетъ скалы Урала и, какъ бы уставъ отъ своей бѣшеной скачки, спокойно течетъ среди обширныхъ луговъ и хвойныхъ лѣсовъ.

По теченію Вишеры расположились селенія четырехъ волостей: мошевской, пянтежской, морчанской и сыпучинской. Изъ нихъ двѣ первыя расположены уже послѣ впаденія Колвы и жители ихъ занимаются, главнымъ образомъ, хлѣбопашествомъ. Жители-же сыпучинской и морчанской волостей занимаются охотой и рыболовствомъ. Въ своихъ набросках я буду имѣть въ виду лишь жителей послѣднихъ двухъ волостей, а подъ именемъ «вишерскаго края» надо разумѣть бассейнъ Вишеры до впаденія въ нее Колвы. На этомъ протяженіи она принимаетъ въ себя четыре значительныхъ притока: Мойву, Велсъ, Улсъ и Язьву, берущихъ свое начало съ уральскаго хребта.

Первое селеніе морчанской волости д. Морчаны, отъ города Чердыни отстоятъ по прямому направленію верстахъ въ 30, а послѣднее селеніе сыпучинской волости въ верховьяхъ рѣки Усть Улсъ верстахъ въ 150. Слѣдовательно, еще оставалось верстъ 250 совершенно незаселеннаго берега рѣки. Всего въ морчанской и сыпучинской волостяхъ насчитывалось 33 селенія съ 4,000 душъ обоего пола. Изъ числа этихъ деревень только 19 расположены по берегамъ Вишеры, а остальныя въ боку.

Вишерскія селенія, большею частью, ютятся между холмами въ узкихъ долинахъ, а иногда взбираются и на верхъ холма. Избы разбросаны какъ попало, правильныхъ улицъ нѣтъ, да и нужды въ

по часамъ. Когда онъ подросъ, она соорудила ему лукъ и стрѣлы и сталъ сынокъ пострѣливать звѣрей и птицъ и тѣмъ прокармливать себя съ матерью. Мясо ѣли сырьемъ и совершенно озвѣрѣли они. Людей сынъ и не видалъ ни разу. Когда онъ пришелъ въ возрастъ, то матерью овладѣли похотливыя вожделѣнія... И вотъ велѣла она своему сыну придти въ извѣстное мѣсто, гдѣ

нихъ не ощущается. Типъ построекъ почти вездѣ одинъ и тотъ же: крытое крылечко наружу, а потомъ сѣни, отдѣляющія собой избу отъ клѣти; въ избѣ главное мѣсто отводится для русской печи, рядомъ съ которой настланы полати, играющія роль кроватей. Вдоль стѣнъ идутъ толстыя плахи лавокъ; въ переднемъ углу столъ; около-же печки устроена западня для спуска въ подвальное помѣщеніе, по мѣстному выраженію въ «голбецъ». Вотъ и вся обстановка. Клѣть — повтореніе избы, лишь съ тѣмъ отличіемъ, что тамъ пахнетъ совсѣмъ нежилымъ помѣщеніемъ, такъ какъ въ клѣть переселяются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ избѣ морозятъ таракановъ и клоповъ. При этомъ надо замѣтить, что чистотой помѣщенія не отличаются.

Съ задней стороны къ избѣ примыкаетъ скотный дворъ и сѣноволъ.

За селеніемъ идетъ небольшая полоска полей, а за ними тотчасъ же начинается темный хвойный лѣсъ.

Главныя занятія жителей вишерскаго края десять лѣтъ тому назадъ были охота и рыбная ловля.

Хлѣбопашествомъ здѣсь, по причинѣ суровости климата, занимались немного и рѣдко у кого хватало своего хлѣба на годъ. Кромѣ суровости климата успѣшному развитію хлѣбопашества мѣшали и почвенныя условія. Здѣсь изстари велось «подсѣчное» хозяйство. Поступали такъ: выбирали сухое мѣстечко, рубили лѣсъ, складывали его въ костры и зажигали; черезъ годъ это мѣсто вспахивали и засѣвали. Такая земля давала довольно хорошіе урожаи въ продолженіе четырехъ лѣтъ, а затѣмъ истощалась и такъ какъ удабривать ее было нечѣмъ, то она и забрасывалась и современемъ заростала березнякомъ. Конечно, подобное веденіе хозяйства гибельно отражалось на лѣсѣ; много его погибало на подсѣкахъ, но въ тысячу разъ большее количество истреблялось лѣсными пожарами, происходящими отъ тѣхъ-же подсѣкъ: часто огонь перебрасывался на цѣлый лѣсъ и гибли сотни десятинъ его.

Огородничество было развито слабо и садили, главнымъ образомъ, картофель, да и то далеко не всѣ. Не процвѣтало и скотоводство; въ среднемъ на каждый дворъ приходилось: лошадей 1—2, коровъ 1—3, овецъ 5—10, свиней 1—5, куръ 2—5. Сѣна ставили немного, расчищать покосы было некогда. Случалось, что кормили скотъ корой рябины.

При такихъ условіяхъ существованіе было-бы немыслимо, но вишерцевъ выручали рыболовство, охота и лѣсные промыслы.

Стремительное теченіе Вишеры, ея переборы, пороги потребовали созданія особаго типа лодокъ, которыя въ чердынскомъ краѣ носятъ названіе «вишерскихъ душегубокъ». Лодки эти отличаются необыкновенной длиной — бываютъ 10 и болѣе аршинъ, въ ширину же всего одинъ аршинъ, а иногда и менѣе. Дѣлаются онѣ изъ цѣльнаго ствола осины, изъ котораго внутренность выковыривается, а бока разгибаются, къ нимъ прикрѣпляются набои и лодка готова. На приготовленіе ея требуется дней 5—6. Управлять веслами въ такой лодкѣ, а главное, по такой быстрой водѣ, особенно противъ теченія,—нечего и думать, а потому для этой цѣли здѣсь существуютъ особые шесты, длиною до 2 саженъ. Пустой, ничѣмъ не нагруженной лодкой, свободно можетъ управлять одинъ человѣкъ, а если-же приходится что-нибудь везти, то необходимо двое. Одинъ изъ нихъ становится на корму, а другой на носъ и начинаютъ, какъ здѣсь говорятъ, «пехаться» шестами. При этомъ стараются одновременно упираться ими въ каменистое дно рѣки и отталкиваться; стоящій на кормѣ въ то-же время даетъ лодкѣ надлежащее направленіе. Благодаря своей длинѣ душегубки очень легки на ходу и свободно скользятъ на быстрыхъ переборахъ. Всѣ вишерцы, не исключая дѣтей и женщинъ, прекрасно управляютъ своими лодками и привыкаютъ по цѣлымъ днямъ дѣйствовать шестами. Но все-же не даромъ эти лодки получили названіе «душегубокъ»: даже умѣлые и опытные вишерцы не всегда, въ опасныхъ мѣстахъ, могутъ сохранить равновѣсіе и бывали случаи, что

онъ долженъ встрѣтить еще невиданнаго имъ звѣря, у котораго будутъ двѣ руки, двѣ ноги, а тѣло черное. Стрѣлять въ этого звѣря она крѣпко-на-крѣпко запретила, а, напротивъ велѣла дѣлать, что онъ прикажетъ. Сынъ послушался и пошелъ въ указанное ему мѣсто, а мать вымазалась сажей и явилась туда сама и развратила своего сына... Черезъ девять мѣсяцевъ родила она

во время половодья, когда теченіе Вишеры еще стремительнѣе, они теряли равновѣсіе и опрокидывались въ пѣнящійся потокъ, гдѣ и находили себѣ смерть. Малѣйшее невѣрное движеніе шестомъ на переборахъ можетъ имѣть весьма плачевныя послѣдствія и, вообще, лодки эти, при перемѣщеніи центра тяжести, обыкновенно перевертываются.

И вотъ, такія душегубки являлись единственнымъ средствомъ передвиженія по Вишерѣ и онѣ-же служили при рыбной ловлѣ.

Въ бассейнѣ рѣки Вишеры водится, главнымъ образомъ, одинъ сортъ рыбы—харіузъ, достигающій иногда вѣсу до трехъ фунтовъ. Кромѣ харіузовъ, въ небольшомъ количествѣ водятся налимы и лени; кромѣ того, масса мелкой рыбешки, извѣстной здѣсь подъ именемъ «вандышей», которые въ громадномъ количествѣ держатся около берега рѣки.

Рыболовный сезонъ начинался обыкновенно съ 1 іюля и кончался при заморозкахъ. Прежде, чѣмъ начать ловлю, вишерцы составляли артель, человѣкъ въ 20; въ составъ ея входили женщины и дѣвушки. Артели составлялись произвольно, иногда сговаривались жители разныхъ деревень. Передъ выступленіемъ на ловлю готовились сухари и хлѣбъ, а изъ кухонной посуды захватывали съ собой, главнымъ образомъ, котелокъ; чаю тогда не знали и въ чайникахъ нужды не было. Затѣмъ, когда все было готово, припасы и рыболовныя снасти складывались въ лодки, прикрывались сверху отъ дождя берестой и артель, лодкахъ на 15—20, съ молитвой пускалась въ верхъ по Вишерѣ. Забирались, обыкновенно, въ самыя ея верховья, а по пути, въ извѣстныхъ мѣстахъ, производили ловъ рыбы. Ловили двумя способами: сырпами и неводами. Сырпъ представляетъ изъ себя громадный сакъ, въ длину до 3 саженъ, концами прикрѣпленный къ двумъ длиннымъ шестамъ. Для ловли сырпомъ требуется 10—15 лодокъ; сначала выѣзжаютъ на двухъ лодкахъ и рыболовы въ нихъ втыкаютъ шесты сырпа въ дно и держатъ ихъ между лодками, перегораживая, такимъ образомъ, рѣку. Остальныя-же лодки поднимаются въ верхъ по рѣкѣ и саженяхъ въ ста отъ сырпа раздѣляются на два крыла и рыбаки начинаютъ колотить воду шестами и кричать, спускаясь въ то же время до сырпа. Харіузы, испуганные шумомъ, бросаются въ низъ по рѣкѣ и попадаютъ въ сырпъ, который, затѣмъ, осторожно вытаскиваютъ въ лодку. Ночной ловъ сырпами производился нѣсколько иначе, чѣмъ дневной, да и сырпы для ночного лова меньше и называются «сырпиками»; этотъ способъ ловли требовалъ всего двѣ лодки, между которыми растягивалась сѣть сырпа и шесты не втыкались въ дно, а лодка свободно плыла по теченію; харіузы сами натыкались въ темнотѣ на сѣть.

Для ловли неводомъ выбиралось тихое плесо, по большей части идущее за переборомъ, и по этому плесу полукругомъ закидывали его, причемъ концы невода приходились на берегу и за нихъ тихонько тянули всю снасть къ себѣ на берегъ.

Въ дневной сырпъ иногда заразъ попадало до 1½ пудовъ харіузовъ, а въ неводъ случалось и по 20 пудовъ.

Покончивъ ловлю, рыбаки приставали къ берегу, устраивали шалашъ, разводили огни, сушились, приготовляли себѣ обѣдъ, чистили пойманную рыбу. Для вычищенной рыбы они дѣлали изъ кедровъ бочки и оставляли ихъ въ кустахъ, а на обратномъ пути захватывали съ собой.

За весь рыболовный сезонъ на каждаго рыбака, въ среднемъ количествѣ, приходилось отъ 15 до 25 п. рыбы.

Рыбачили, такимъ образомъ, не по одной только Вишерѣ, но и по ея притокамъ: Велсу, Улсу, Кутиму и др.

Охота у вишерцевъ производилась два раза въ году—весной и осенью. Предметы охоты изъ звѣрей составляли: лоси, медвѣди, соболи, куницы, бѣлки, россомахи, горностаи; изъ птицъ-же, главнымъ образомъ, рябчики.

Около Покрова дня, передъ тѣмъ, какъ льды скуютъ стремительное теченіе Више-

громадное яйцо и велѣла сыну выстрѣлить въ него изъ лука. Сынъ пустилъ стрѣлу, яйцо лопнуло и высыпалось изъ него великое множество какихъ-то уродцевъ быстро разбѣжавшихся по разнымъ сторонамъ... Вотъ отъ этихъ-то поганыхъ существъ и произошелъ чудской народъ, жившій на подобіе дикихъ звѣрей.

ры, охотники составляли артели, на этотъ разъ меньшія, чѣмъ при рыболовствѣ: въ охотничью артель входило человѣкъ шесть, а иногда и всего двое; женщины, конечно, отсутствовали. Снова заготовлялись припасы, главнымъ образомъ, черные сухари, масло, крупы. Починивались лыжи, ружья, одежда и когда все было готово, въ лодкахъ поднимались къ верховьямъ рѣкъ, до куда только можно было пробраться. Къ тому времени нападалъ снѣгъ и охотники, въ сопровожденіи собакъ, на лыжахъ переваливали Уралъ и начинали свою охоту. Припасы и снаряды имъ приходилось тащить за собой на длинныхъ и узкихъ санкахъ, носящихъ названіе «нарты». Въ нарты багажу накладывалось до 8 пудовъ.

Въ лѣсу, въ извѣстныхъ мѣстахъ, они строили балаганы и начинали охотиться. Осенью больше всего стрѣляли рябчика бѣлку и пушнину. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода не замерзала и тамъ водились выдры, которыхъ охотники старались подкараулить. Самая трудная охота въ осенній сезонъ была на соболя; его выслѣживали и ставили тенета.

Осенью не забирались далеко въ горы и ограничивались большей частью лѣсами долинъ, главнымъ пристанищемъ рябчика и бѣлки. Къ 6 декабря старались возвратиться въ свои деревни и осенній промыселъ заканчивался. Въ среднемъ количествѣ осенній промыселъ давалъ на каждаго охотника: рябчиковъ 100—150 паръ, пушнины 3 пары, бѣлки 100—300 шт.

По возвращеніи домой вишерцы занимались своимъ несложнымъ хозяйствомъ: молотили хлѣбъ, мололи его, ѣздили за сѣномъ и вообще исправляли разную работу около дома.

Въ февралѣ же мѣсяцѣ готовились къ самой серьезной и трудной охотѣ на лосей, оленей и медвѣдей. Опять начинались сборы и по окончаніи ихъ на лошадяхъ отправлялись въ путь. Ѣхали опять же рѣкой, гдѣ снѣгъ не такъ глубокъ и старались добраться до оставленныхъ осенью лодокъ. Иногда вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ имъ сдѣлать этого не удавалось и они принуждены были оставлять лошадей, а сами на лыжахъ продолжать дальнѣйшій путь, волоча за собой тяжело нагруженныя нарты.

Къ концу зимы снѣга на восточномъ склонѣ Урала бываютъ гораздо глубже, чѣмъ на западномъ. Лоси и олени перекочевываютъ тогда на сторону болѣе мелкихъ снѣговъ и вишерскіе охотники, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, начинали свою охоту. На лыжахъ, при помощи собакъ, они разыскивали звѣрей по слѣдамъ и старались открыть ихъ присутствіе. Лоси, при видѣ охотника, стремительно бѣгутъ отъ него. Начинается погоня. Трудно приходится звѣрю: ноги проваливаются въ снѣгу, разъяренныя собаки кусаютъ его; онъ напрягаетъ всѣ свои силы и все свое спасеніе видитъ въ быстромъ бѣгѣ. А за нимъ скользитъ на своихъ лыжахъ Немвродъ чердынскихъ лѣсовъ—охотникъ-вишерецъ. Несмотря на страшный морозъ —жарко ему. Онъ на бѣгу скидываетъ съ себя свой «лузанъ», бросаетъ его на снѣгъ и мчится все впередъ и впередъ за убѣгающимъ звѣремъ Сорокъ градусовъ морозу, а потъ струится по лицу охотника, онъ весь мокрешенекъ отъ поту; опять на бѣгу растегиваетъ онъ свою «гуню» и въ снѣгъ ее; туда же летитъ мѣховая шапка; охотникъ мчится въ одной рубашкѣ. Пульсъ усиленно бьется, съ трудомъ переводится дыханіе; еще немного и преслѣдованіе станетъ невозможнымъ... Но и звѣрь утомился страшно, собаки еще яростнѣе одолѣваютъ его, разстояніе между нимъ и охотникомъ уменьшается. Выстрѣлъ. Какъ вкопанный останавливается звѣрь, валится на снѣгъ и бьется въ предсмертной агоніи. Подбѣгаетъ къ нему охотникъ и отъ усталости валится на свою добычу. Морозъ сразу леденитъ его мокрую рубашку и она дѣлается твердой, какъ кора. Но для желѣзной натуры вишерца-охотника это пустяки. Вскорѣ къ нему подбѣгаетъ его товарищъ, подобравшій на пути сброшенныя принадлежности туалета и охотникъ имѣетъ возможность вновь согрѣться.

Убитаго лося или оленя, конечно, немыслимо сразу доставить до временного кочевья охотниковъ и они его разрѣзали, обыкновенно, на 12 частей. Затѣмъ, возвозвращались къ своимъ становищамъ за нартами и при помощи ихъ перетаскивали свою добычу иногда за громадныя разстоянія. Трудна была эта перевозка, тѣмъ болѣе, что приходилось тащить тяжелыя нарты черезъ крутыя горы и черезъ лѣса

Но все преодолѣвали вишреские молодцы и часто съ восточнаго склона, куда убѣгалъ преслѣдуемый лось отъ охотника, его приходилось перетаскивать на западный.

Около становьевъ охотники устраивали, такъ называемые, «лабазы», это—помѣщенія на высокихъ столбахъ; въ эти помѣщенія клали шкуры и мясо добытыхъ звѣрей. На одномъ мѣстѣ охотники жили недолго; поохотившись въ окрестностяхъ стана, направлялись дальше къ сѣверо востоку. Такимъ образомъ, добыча ихъ оказывалась разбросанной въ разныхъ мѣстахъ. Къ концу охоты (въ серединѣ марта) предстояла трудная работа: изъ лабазовъ доставить добычу къ верховьямъ рѣкъ, гдѣ были оставлены лодки въ осеннюю охоту. Опять вишерцы запрягались въ нарты и тащили за 100—150 верстъ свою добычу по частямъ къ лодкамъ. Здѣсь для мяса и шкуръ устраивали особое помѣщеніе—«чамью», состоящую изъ деревяннаго сруба длиною около сажени, шириною аршина два и высотою сажень. Срубы эти ставились прямо на землю и въ нихъ, какъ въ ящикъ, клали мясо; сверху прикрывали чамью въ защиту отъ хищниковъ толстыми плахами.

Кромѣ оленей и лосей зимой добывали немного пушнины, россомахъ, рысей и медвѣдей. Но охота на послѣднихъ носила случайный характеръ. Обыкновенно гдѣнибудь въ лѣсной трущобѣ встрѣчали берлогу (которую легко отличить по закуржевѣвшему отъ дыханія звѣря снѣгу); охотники всякими способами тревожили соннаго Мишку и заставляли его вылѣзать на свѣтъ Божій, гдѣ и кончали съ нимъ.

Нерѣдко у вишерцевъ, во время ихъ охотничьихъ экскурсій, происходили встрѣчи съ вогулами и остяками, кочующими въ камняхъ Урала. Встрѣчи эти носили всегда мирный характеръ и даже доставляли выгоды обѣимъ сторонамъ, такъ какъ нерѣдко дикарь и вишерецъ соединялись вмѣстѣ для охоты на сохатыхъ. Дикари—прекрасные охотники и всегда давали вишерцамъ указанія относительно нахожденія лосей. Бывали случаи, что вишерцы, во время жестокихъ мятелей, находили себѣ пріютъ и спасеніе въ чумахъ кочевниковъ. Болѣе нежелательны для вишерцевъ были встрѣчи съ русскими охотниками верхотурскаго уѣзда, тѣмъ болѣе, что вишерцы частенько забирались въ районъ своихъ сосѣдей и тѣ требовали съ нихъ половину добычи, причемъ, иногда происходили серьезныя столкновенія.

Къ концу апрѣля вся добыча вишерцевъ доставлялась къ верховьямъ Вишеры или ея притоковъ. На лодки весь грузъ не помѣщался и охотники заранѣе устраивали себѣ плоты изъ бревенъ. Лѣсу кругомъ было множество и недостатка въ матеріалѣ не представлялось Вмѣстѣ съ весеннимъ льдомъ плыли и охотники, на сооруженныхъ ими плотахъ, къ своимъ пенатамъ. Къ Николину дню (9 мая) всѣ оказывались дома и охота прекращалась до осени.

Весенній промыселъ давалъ въ среднемъ количествѣ на каждаго охотника: лосей—3—5 штукъ, медвѣдей—½—1 шт., пушнины—2 пары, рысей—1—2 шт., оленей—3—5 шт.

Мясо сохатыхъ и оленей въ большинствѣ случаевъ солилось и истреблялось самими обитателями Вишеры, а шкуры звѣрей сдавались чердынскимъ купцамъ, отъ которыхъ вишерцы получали, въ свою очередь, охотничьи припасы и хлѣбъ. Обыкновенно мелкіе чердынскіе торговцы сами ѣздили на Вишеру для обмѣна товаровъ, а крупныя фирмы съ этой цѣлью посылали довѣренныхъ лицъ. Въ тѣ времена рѣдко Чердынь видала лузанъ вишерца на своихъ улицахъ, а еще того рѣже появлялись на Колвѣ вишерскія «душегубки». Вишерцы жили своей самобытной жизнью и многіе изъ нихъ, особенно изъ дальнихъ деревень, и понятія не имѣли о городской жизни. Да и въ продуктахъ цивилизаціи, за исключеніемъ боевыхъ припасовъ, они не имѣли никакой нужды. Одежду себѣ они приготовляли изъ самодѣльныхъ тканей, матеріаломъ для которыхъ служилъ ленъ и шерсть съ овецъ. Большинство тканей окрашивалось кубовой краской въ синій цвѣтъ. Обувь тоже была самодѣльная; матеріалъ для нея давали шкуры лосей и оленей; дѣлались на подобіе котовъ, къ нимъ пришивались голеница вершковъ въ шесть и такая обувь, на мѣстномъ языкѣ «порубни», прекрасно служила своему назначенію. Для зимнихъ охотъ шили «няры» изъ шкуры оленя. Няры напоминали лапти и были незамѣнимы при гонь-

бѣ за лосями на лыжахъ. Основную же одежду вишерцевъ составлялъ «лузанъ»; онъ служилъ и зимой и лѣтомъ. Лузанъ шился изъ самодѣльнаго сукна изъ овечьей шерсти и представлялъ изъ себя полотенце (съ поперечными черными и бѣлыми полосами), ширина котораго подгонялась къ ширинѣ плечъ охотника, а длина около трехъ аршинъ. Этотъ кусокъ сукна съ исподу подшивался толстымъ холстомъ, а въ серединѣ его дѣлалось отверстіе для головы; лузанъ подпоясывался поясомъ и за пазуху вишерецъ клалъ разные припасы иногда до пуда вѣсомъ.

Для чердынскихъ торговцевъ было весьма выгодно имѣть дѣло съ вишерцами, но сношенія затруднялись плохими путями сообщенія, а главное тѣмъ обстоятельствомъ, что купцы должны были сами доставлять для своихъ задатчиковъ хлѣбъ и припасы.

Въ сороковыхъ годахъ среди вишерцевъ явился свой торговый человѣкъ, уроженецъ деревни Колчима, нѣкто Терентій Б—въ. Смѣтливый и бойкій мужикъ, съ задатками заправскаго кулака, онъ сообразилъ, какъ выгодно явиться ему посредникомъ между чердынскими торговцами и вишерцами. Началъ онъ помаленьку скупать у вишерцевъ шкуры и сдавать ихъ чердынцамъ. Обороты его торговли увеличивались все болѣе и болѣе и кончилось тѣмъ, что купцы перестали показываться на Вишерѣ, имѣя дѣло исключительно съ однимъ Б., который въ концѣ концовъ закабалилъ в сь вишерскій край и получилъ названіе «вишерскаго князя». Не добрую память оставилъ по себѣ Б. Чѣмъ больше росло его благосостояніе тѣмъ жаднѣе становился онъ и тѣмъ сильнѣе притѣснялъ своихъ земляковъ-задатчиковъ. Вишерцы почти уже не показывались въ Чердынь, имѣя дѣло со своимъ кулакомъ, которому должны были сдавать всю добычу и получать взамѣнъ припасы, качество и количество которыхъ зависѣло отъ воли «князя». Страшная бѣда грозила тому дерзкому охотнику, который возмущался несправедливостью Б. и осмѣливался самъ доставлять свои продукты чердынскимъ купцамъ.

— Я тебя прижду, подлеца! обыкновенно говорилъ Б. И, дѣйствительно, «прождалъ» удобный случай и тогда былъ безпощаденъ. Всѣ вишерцы должны были исполнять у него домашнія работы безъ всякой платы.

— Привезешь этому живодеру,—разсказываютъ старики-вишерцы,—рыбу, али шкуры, али мясо и ждешь, колды тебя допустятъ до него. Иноілды по недѣлѣ живешь даромъ: все не принимать—некогда, говоритъ. А какое тутъ некогда, такъ ндравъ свой показыватъ. Заставитъ робить на своемъ сѣнокосѣ, ну, и робишь, хоша дома своя работа приспѣла. А принимать зачнетъ—каку цѣну назначитъ, ты и не прекословь. Жестокій былъ человѣкъ. А около господъ страсть какой былъ добродѣтельный и господа его руку держали. Гащивали у него въ хоромахъ большіе баре, самъ исправникъ бывалъ. А на кого осердится шибко и въ солдаты сдастъ не въ очередь, потому съ господами компанію велъ.

Дѣти Б. продолжали дѣло отца и оказались такими же кулаками. Въ настоящее время фамилія эта въ мужскомъ колѣнѣ вся вымерла и объ имени Б. въ памяти вишерцевъ остались одни тяжелыя воспоминанія.

Кромѣ охоты и рыболовства, вишерцы еще имѣли заработки и на лѣсномъ промыслѣ. Раньше, до заводовъ, лѣсопромышленники заготовляли лѣсъ строевой и для солеваренныхъ заводовъ на Вишерѣ, чѣмъ доставляли обитателямъ этого края небольшой заработокъ. Обыкновенно лѣса рубились зимой, а къ веснѣ доставлялись до сплавныхъ рѣкъ и соединялись въ плоты, которые крестьяне обязаны были выгонять большей частью до Усолья. По частенько плоты, особенно дровяные, разбивались, и тогда крестьянинъ лишался всего заработка, такъ какъ большая часть денегъ имъ выдавалась по доставкѣ лѣса.

Въ числѣ продуктовъ, добываемыхъ вишерцами, надо упомянуть и про кедровые орѣхи. Въ урожайные годы на долю каждаго сборщика приходилось 10—15 пудовъ орѣховъ. Къ сожалѣнію, крестьяне для сбора ихъ рубили столѣтніе кедры и обирали шишки на землѣ. Вообще къ лѣсу сѣверные жители относятся безпощадно. По ихъ понятіямъ, разъ Богъ наса-

дилъ деревья, Онъ же ихъ и выроститъ, а потому руби и жги сколько угодно.

Вишерцы до заводовъ отличались замѣчательной честностью и чистотой нравовъ. На всей Вишерѣ тогда и понятія не имѣли о замкахъ, такъ какъ воровства не было и въ поминѣ. Можно было съ спокойнымъ сердцемъ оставить на ночь безъ караула нагруженный возъ и къ утру все оказывалось въ цѣлости. Украсть у своего ближняго для вишерцевъ представлялось чѣмъ то несуразнымъ, дикимъ. Честность ихъ простиралась до того, что во время охоты, забредя въ чужую охотничью избушку, они оставляли тамъ деньги за истребленные припасы, а въ каждой избушкѣ всякій охотникъ оставлялъ крупу, соль, сухари... Вишерцы отличались также и гостепріимствомъ; правда, они были дики и суровы на видъ, какъ и ихъ природа, но подъ этой оболочкой скрывалась неподкупная честность и радушіе. Раскольниковъ на всей Вишерѣ не было ни одного человѣка, потому и нравы ихъ были строги, не то что у ихъ сосѣдей—колвинцевъ, гдѣ расколъ внесъ въ жизнь обитателей страшную распущенность ..

И вотъ въ этомъ дикомъ краѣ неожиданно развилось горное дѣло и вишерцы, неподготовленные и ошеломленные, оказались перенесенными въ обстановку, чуждую ихъ характеру, понятіямъ и образу жизни...

II.

Развитіе горнаго дѣла.

...«Берегись! сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ,
Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ,
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь»...

Лермонтовъ.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда чердынскій уѣздъ былъ объявленъ открытымъ для частной золотопромышленности, сюда нахлынула масса людей, жаждущихъ легкой наживы. Всѣ почему-то были увѣрены, что эта часть Урала представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ Эльдорадо, гдѣ золото валяется чуть не на поверхности. Но на первыхъ-же шагахъ рыцарей легкой наживы ожидали горькія разочарованія. Отдаленность края, отсутствіе путей сообщенія и опытныхъ рабочихъ—все это мало способствовало развитію золотого дѣла въ чердынскомъ Уралѣ. Большинство золотоискателей больше закопало своего золота, нежели нашло его. Немногимъ счастливцамъ удалось наткнуться на богатыя россыпи. Самое содержательное золото оказалось по рѣчкѣ Сайменкѣ, притокъ р. Кутима. Но описаніе золотопромышленности не входитъ въ программу настоящей главы, а потому ограничусь сообщеніемъ, что въ шестидесятые годы на Вишеру начали проникать золотопромышленники и нѣкоторые вишерцы стали работать на золотыхъ пріискахъ Но пріиски эти находились въ сторонѣ, рабочихъ требовалось немного и потому золотопромышленность мало отразилась на экономическомъ и общественномъ быту жителей вишерскаго края.

Въ эти годы одинъ изъ золотоискателей, нѣкто Леонидъ Поповъ, производившій шурфовку на золото по ручейку, впадающему въ рѣку Кутимъ, въ 5 верстахъ отъ впаденія послѣдняго въ Улсъ, случайно наткнулся на присутствіе въ этихъ мѣстахъ желѣзнаго блеска. Блестящій видъ этой руды, дотолѣ неизвѣстной на Уралѣ, поразилъ Попова и онъ показалъ ее нѣкоторымъ свѣдующимъ лицамъ; по ихъ совѣту онъ поставилъ въ той мѣстности столбы и сдѣлалъ заявку о своемъ открытіи уральскому горному правленію. По тогдашнимъ законамъ Поповъ обязанъ былъ, для сохраненія за собой объявленныхъ площадей, въ теченіе года произвести развѣдку на найденную руду и о результатахъ развѣдки донести горному правленію. Поповъ этого не сдѣлалъ и право его на собственность

площадей рушилось. Повидимому, Поповъ не придавалъ своему открытію практическаго значенія и, увлекшись золотомъ, забылъ о желѣзномъ блескѣ. Затѣмъ, потерпѣвши на золотѣ неудачу, онъ скрывается съ чердынскаго горизонта. Слухъ-же о богатой рудѣ достигъ нѣкоего Грана, довѣреннаго екатеринбургскихъ купцовъ Савостьяновыхъ. Черезъ два года. послѣ Попова, Гранъ дѣлаетъ на этомъ-же мѣстѣ болѣе подробныя развѣдки. Хотя коренного рудорожденія онъ не обнаружилъ, но встрѣтилъ богатые ея валуны и въ 1861 году поставилъ два столба. Во время развѣдки Гранъ держалъ при себѣ, въ качествѣ надсмотрщика надъ работами, чердынскаго мѣщанина Ивана Щеголихина. Савостьяновы открытіями своего довѣреннаго не заинтересовались, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ перешелъ на службу въ другое мѣсто и кутимская руда была вновь заброшена и оставлена безъ вниманія.

Въ то время на сѣверномъ Уралѣ гремѣло имя счастливаго золотопромышленника Колчина, почти сразу составившаго себѣ громадное состояніе открытіемъ богатыхъ залежей золота. Онъ велъ свое дѣло въ компаніи съ горнымъ инженеромъ Аносовымъ. Мѣщанинъ Щеголихинъ, послѣ неудачи Грана, поступилъ къ нимъ на службу. Случилось это въ началѣ 70-хъ годовъ. Своимъ новымъ хозяевамъ онъ показалъ образцы кутимской руды. Аносовъ, какъ горный инженеръ, сразу обратилъ на нее вниманіе, былъ пораженъ богатствомъ руды и объявилъ объ этомъ Колчину. Было рѣшено составить новую компанію, состоящую изъ трехъ лицъ: Колчина, Аносова и Щеголихина, а послѣднему поручено было ѣхать на Вишеру и сдѣлать пять заявокъ на рудной мѣстности. Въ 74 году Щеголихинъ исполнилъ данное ему порученіе, а черезъ четыре года, т. е. въ 78 году, изъ горнаго департамента компаніонамъ пришло разрѣшеніе и планы пяти рудниковъ по Кутиму, носящихъ названія: Александровскій, Ивановскій, Благодатный, Игнатьевскій и Родіоновскій. По полученіи плановъ компаніоны приступили къ дѣйствіямъ и начали производить детальныя развѣдки, давшія самыя блистательные результаты. Коренное мѣсторожденіе руды было найдено и опредѣлено его простираніе на пространствѣ цѣлой десятины. Количество руды оказалось настолько солидно, что безъ опасеній можно было ставить работы. Колчинъ въ то время владѣлъ капиталомъ около милліона рублей и рѣшилъ начать постройку небольшой доменной печи, для чего и была составлена смѣта, а въ Петербургъ компаніоны отправили человѣка для хлопотъ передъ правительствомъ объ отводѣ лѣсовъ. Правительство къ этому начинающемуся дѣлу въ дикомъ и пустынномъ краѣ отнеслось сочувственно и хлопоты компаніоновъ были уважены Оставалось только приступить къ работамъ; но и на этотъ разъ не суждено было развиться заводскому дѣлу на Вишерѣ: Колчинъ рѣшилъ почему-то прекратить всѣ свои дѣла и удалиться на покой. Его компаніоны одни не могли и думать вести заводское дѣло по недостатку средствъ Рудники рѣшили продать. Надо замѣтить что компаніоны владѣли площадями на слѣдующихъ законтрактованныхъ условіяхъ: Колчинъ не имѣлъ права продать рудниковъ безъ согласія Аносова и Щеголихина, а эти послѣдніе могли совершить продажу помимо Колчина. Въ 82 г. Аносовъ умеръ, оставивъ малолѣтнихъ наслѣдниковъ и Колчинъ съ Щеголихинымъ условились совершить продажу, хотя по смыслу контракта они не могли этого сдѣлать безъ согласія наслѣдниковъ Аносова, но, въ виду несовершеннолѣтія ихъ, компаніоны рѣшили выдать имъ,, неоффиціально, причитающуюся имъ часть.

Въ 85 году рудники возымѣлъ желаніе купить московскій купецъ Овсянниковъ, будущій герой скандальнаго процесса о сожженной мельницѣ. Онъ лѣтомъ прибылъ на Вишеру для осмотра площадей. Первое его посѣщеніе этого края вышло крайне неудачнымъ: въ тотъ годъ было сильное мелководіе и вишерцы въ своихъ душегубкахъ едва могли доставить до мѣста Овсянникова съ сопровождавшими его лицами. Вслѣдствіе засухъ тогда кругомъ свирѣпствовали лѣсные пожары; впечатлѣніе получилось до того удручающее, что Овсянниковъ даже не сталъ осматривать площадей и поспѣшно возвратился обратно. Но мысль о покупкѣ рудниковъ его не оставила и онъ въ слѣдующемъ году повторилъ свое посѣщеніе. На этотъ разъ

привѣтливо встрѣтила его Вишера. Стояли чудные лѣтніе дни и красота вишерской природы подѣйствовала самымъ ободряющимъ образомъ на московскаго негоціанта. Онъ рѣшилъ произвести пробныя работы, а также узнать. насколько возможенъ сплавъ руды по рѣкамъ Кутиму и Улсу. Сдѣланы были шитики и въ каждый нагрузили по 500 пудовъ руды. Руду благополучно сплавили до Вишеры, а шитики съ кладью оказалось возможнымъ поднять обратно до рудниковъ. Такимъ образомъ, благополучно разрѣшился важный вопросъ о возможности сплава. Запасъ-же руды оказался довольно богатымъ, именно въ 40 милліоновъ пудовъ. Овсянниковъ, доволь ный результатами своихъ развѣдокъ, рѣшилъ купить дѣло и давалъ компаніонамъ 40,000 руб. Но тѣ запросили сто тысячъ. Овсянниковъ дать такую сумму не согласился и опять кутимская руда осуждена была на забвеніе..

Изъ этого сухого перечня фактовъ читатель наглядно можетъ убѣдиться какъ вяло, какъ неумѣло ведутся на Руси дѣла, требующія частной иниціативы и нѣкотораго подъема энергіи.

Быть можетъ, долгіе и долгіе еще годы кутимская руда не подверглась-бы эксплоатаціи, но въ 1887 г. устраивается екатеринбургская выставка и Щеголихинъ экспонируетъ тамъ свою руду. На нее обращается всеобщее вниманіе. Тутъ-то московскій купецъ Шписъ увидалъ ее и такъ какъ онъ уже ранѣе мечталъ завести свое дѣло на Уралѣ, то, не мѣшкая долго, онъ въ то-же лѣто явился на Вишеру для осмотра рудниковъ. Онъ сразу сообразилъ. какихъ громадныхъ результатовъ можно достичь въ этомъ дѣлѣ и пріобрѣлъ его у компаніоновъ за 100 тысячъ рублей.

Человѣкъ энергіи и широкой иниціативы, Шписъ дѣятельно принялся за горнозавод ское дѣло. Въ ту-же зиму началась добы ча руды, къ веснѣ ее доставили до деревни Усть Улсъ на Вишеру и здѣсь про извели пробный сплавъ по этой рѣкѣ. Руду, въ количествѣ 50,000 пуд, нагрузили поровну въ двѣ барки и посредствомъ лотовъ сплавили сначала до рѣки Колвы, а потомъ и до Нижняго-Новгорода. Такимъ образомъ, на практикѣ убѣдились, что Вишера удовлетворяетъ требованіямъ сплавной рѣки и Шписъ рѣшилъ тогда приступить къ постройкѣ первой доменной печи. Заводъ рѣшено было поставить около рудорожденія по р. Кутиму, въ пяти верстахъ отъ впаденія ея въ Улсъ.

Шписъ, хотя и практическій человѣкъ, допустилъ большую ошибку. поставивъ заводъ на мѣстѣ рожденія руды, въ мѣстности, лишенной сплавныхъ рѣкъ для доставки дровъ на заводъ. Ошибка эта является, тѣмъ болѣе, странной, что пожары кругомъ истребили хорошіе лѣса и ясно было, что въ горючемъ матеріалѣ вскорѣ явится недостатокъ, могущій парализовать дальнѣйшую заводскую дѣятельность. Самымъ подходящимъ мѣстомъ для завода являлось селеніе Усть-Улсъ, куда по сплавнымъ рѣкамъ—притокамъ Вишеры—Улсу, Кутиму, Велсу—можно доставить лѣса въ громадномъ количествѣ. Руду-же можно было, какъ то доказалъ опытъ Овсянникова, доставлять по Улсу до Вишеры. Ошибка эта дала вскорѣ себя почувствовать: лѣса въ окрестностяхъ вскорѣ были истреблены и пришлось ихъ доставлять на лошадяхъ за большія разстоянія...

Постройка домны была вскорѣ окончена и 19-го мая 1890 года состоялся первый выпускъ чугуна изъ первой доменной печи въ вишерскомъ краѣ.

Расходы по устройству завода потребовали со стороны Шписа затраты всего капитала, которымъ онъ могъ располагать и Шписъ оказался въ весьма затруднительномъ положеніи. Оставался одинъ исходъ—пріискать богатыхъ компаніоновъ. Кромѣ того, онъ не зналъ объ условіи, какое было заключено между Аносовымъ, Колчинымъ и Щеголихинымъ относительно права продажи рудниковъ. Наслѣдники умершаго Аносова къ этому времени достигли совершеннолѣтія и подали на Шписа искъ. Положеніе его сдѣлалось весьма критическимъ... Въ Москвѣ ему удалось войти въ соглашеніе съ двумя тамошними тузами относительно составленія компаніи. Тузы въ качествѣ эксперта пригласили нѣкоего Г., поручивъ ему осмотрѣть заводъ и составить отчетъ о положеніи дѣла. Г., имѣвшій въ то время самъ небольшой гвоздедѣлательный заводъ и человѣкъ весьма свѣдующій въ заводскомъ дѣлѣ, не замедлилъ прибыть на Кутимъ. Здѣсь, въ

административномъ отношеніи, онъ засталъ большіе непорядки, особенно хромала бухгалтерія. Компаніоны ассигновали сумму на постановку правильной отчетности и послали опытнаго бухгалтера. Г. поразила также не подходящая мѣстность для завода по причинамъ, изложеннымъ выше. Направивъ бухгалтерію, онъ вернулся въ Москву.

У Шписа въ это время въ качествѣ развѣдчика рудорожденій служилъ нѣкто *N*, человѣкъ, вся жизнь котораго прошла на Уралѣ въ службѣ горному дѣлу. Его также засадили за отчетность. Привыкши больше находиться въ лѣсу, *N* былъ крайне не доволенъ такимъ оборотомъ дѣла и у него вышло серьезное столкновеніе съ хозяиномъ; онъ даже вынужденъ былъ оставить службу у Шписа Объ этомъ узналъ Г. и сообразилъ, что такого случая упускать не слѣдуетъ. Онъ немедленно телеграфировалъ *N*, чтобы тотъ явился въ Москву для переговоровъ. Въ Москвѣ Г. заключилъ съ *N* условіе, по которому тотъ долженъ дѣлать по Вишерѣ развѣдки на руду и ставить столбы. А такъ какъ Г. французъ, то развѣдки рѣшили дѣлать на имя нѣкоего Клейста. По возвращеніи на Вишеру *N* составилъ партію изъ опытныхъ уральскихъ развѣдчиковъ и принялся за поиски рудъ, неимовѣрное количество которой облегчило его задачу.

Вполнѣ понятно негодованіе Шписа при такомъ маневрѣ со стороны Г... И онъ пустилъ въ ходъ всѣ средства, какія считаются съ точки зрѣнія горнозаводской этики дозволительными, чтобы только подорвать кредитъ неожиданнаго конкурента. Чердынскому купечеству, у котораго происходилъ заборъ припасовъ для *N*-ской партіи, было внушено, что Г. простой авантюристъ, человѣкъ безъ всякихъ средствъ, ведущій дѣла на-авось. Но N, человѣкъ энергичный и опытный, продолжалъ дѣйствовать очень успѣшно. Онъ, во-первыхъ, научилъ нѣкоторыхъ вишерцевъ какъ слѣдуетъ замѣчать рудныя мѣста, какъ распознавать руду, а главное, внушилъ имъ такое довѣріе, что они несли ему показывать всякій замѣчательный камушекъ. За открытіе руды онъ платилъ имъ хорошія деньги и разжигалъ ихъ аппетиты. Тогда-то были открыты: Юбрышка, Чувалъ, Шудья, богатства которыхъ поразительны. Такой успѣхъ вскружилъ всѣмъ головы и на Вишерѣ началась знаменитая «желѣзная горячка». Не говоря о томъ, что почти всѣ вишерцы бросили свои дѣла и сдѣлались рудоискателями,—сюда нахлынула толпа постороннихъ лицъ, мечтавшихъ объ открытіяхъ въ родѣ Юбрышки. Рудоискателями сдѣлались совершенные профаны въ этомъ дѣлѣ. Сдѣланы были сотни заявокъ и вся Вишера обставилась заявочными столбами... Но достигнувъ своей кульминаціонной точки, «желѣзная горячка» начала быстро остывать и напрасные поиски большинства лицъ охладили и другихъ. Г. захватилъ въ свои руки всѣ важныя заявки и оказался единственнымъ хозяиномъ ихъ. Всего больше его вниманіе привлекла гора Юбрышка, гдѣ залеганіе магнитнаго желѣзняка оказалось громадно и запасъ руды можно считать сотнями милліоновъ пудовъ. Магнитный желѣзнякъ въ этой горѣ, возвышающейся надъ уровнемъ Велса на 300 саженъ, идетъ пластами отъ 1,5 до 6 саженъ толщины, хотя достоинство руды неособенно высоко, не свыше 45%, такъ какъ руда эта представляетъ изъ себя вкрапленность гнѣздъ магнитнаго желѣзняка въ габбро. Но положеніе Юбрышки между Велсомъ и Вишерой удобно для постройки завода. Кромѣ того, недалеко отъ Юбрышки, въ 9 верстахъ, обнаружены прекрасныя руды бураго желѣзняка съ содержаніемъ желѣза свыше 50%.

Всѣ эти обстоятельства утвердили Г. въ мысли построить заводъ именно при устьѣ Велса, или на Вишерѣ, недалеко отъ Юбрышки. Г. самъ не обладалъ достаточнымъ для такого дѣла капиталомъ и вступилъ въ компанію съ русскими негоціантами—Морозовымъ и Крестовниковымъ. Начались подготовительныя работы для постройки Велсинскаго завода. Тутъ пришлось считаться съ громадными затрудненіями отъ недостатка рабочихъ рукъ. Вишерцы были неспособны къ такимъ работамъ, а пришлые рабочіе находили себѣ заработокъ на заводѣ Шписа. Пришлось дѣлать вызовъ рабочихъ изъ другихъ губерній и платить имъ двойныя деньги. Но все-же у подножія Юбрышки со стороны р. Велса былъ выстроенъ цѣлый поселокъ, къ рѣкѣ про-

ведена прекрасная дорога, произведена осушка болотъ. Работы эти обошлись очень дорого, а потомъ, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, оказалось, что заводъ нужно ставить на другомъ мѣстѣ, именно на Вишерѣ, въ урочищѣ, носящемъ названіе „Бѣлые Мхи". Такимъ образомъ, громадныя затраты и работы оказались совершенно непроизводительными. Начали снова строиться на «Бѣлыхъ Мхахъ»... Но русскіе компаніоны испугались дальнѣйшихъ расходовъ и у нихъ вышла крупная размолвка съ Г., грозившая дойти до суда. Но дѣло покончили домашнимъ способомъ и компанія распалась. Г. снова остался единственнымъ владѣльцемъ рудниковъ...

Такъ отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть, «Общество привишерскихъ горныхъ заводовъ»...

Шписъ, между тѣмъ, продолжалъ свое дѣло. Въ 1895 году онъ пустилъ въ дѣйствіе вторую доменную печь, при которой была установлена отдѣльная горизонтальная двуцилиндровая паровая воздуходувная машина въ 160 силъ, съ двумя котлами, съ двумя воздухонагрѣвательными аппаратами и рудодробилкой. Обѣ доменныхъ печи даютъ въ сутки свыше 3,000 пудовъ чугуна Въ то-же время увеличивалось и заводское населеніе; на Кутимѣ уже насчитывалось 50 домовъ, не считая заводскихъ строеній. Отъ завода до рѣки Вишеры была устроена конная желѣзная дорога, на протяженіи 35 верстъ. Но, въ общемъ, дѣла Шписа шли далеко не блистательно; главное затрудненіе представлялъ вопросъ транспортный.

Оставленный компаніонами Г. убѣдился, что среди русскихъ капиталистовъ онъ не найдетъ поддержки замышляемому предпріятію, а потому отправился во Францію пропагандировать свое дѣло. Тамъ онъ нашелъ людей болѣе энергичныхъ и не боящихся приложить трудъ и капиталы на такое многообѣщающее предпріятіе. И вотъ въ Парижѣ составилось общество для эксплоатаціи вишерскихъ богатствъ. Общество образовалось на акціяхъ и получило оффиціальное названіе «Вишерско-волжское акціонерное общество металлургическихъ заводовъ». Русское правительство отнеслось къ нему сочувственно и, благодаря хлопотамъ Г., отпускъ лѣса для новыхъ заводовъ былъ облегченъ и дѣятельность ихъ была пріурочена къ положенію посессіонныхъ заводовъ на Уралѣ, что, конечно, на первыхъ-же шагахъ значительно упростило и удешевило постановку дѣла. Основной капиталъ общества составляетъ 18 милліоновъ рублей, раздѣленныхъ на три выпуска.

Кромѣ Вишеры рѣшено построить сталелитейный заводъ на Волгѣ, около Казани, куда желѣзо будетъ доставляться съ вишерскихъ заводовъ.

Шписъ, понятно, не могъ бы выдержать такой конкурренціи, а потому онъ продалъ свой кутимскій заводъ французамъ за 2.100,000 рублей; изъ этой суммы онъ 500,000 рублей получилъ за имѣющійся на лицо милліонъ пудовъ чугуна. Такимъ образомъ, французское общество оказалось полновластнымъ распорядителемъ всего вишерскаго края и его богатствъ.

Первымъ долгомъ французы начали пріискивать мѣсто, гдѣ можно было-бы поставить новый обширный заводъ, по возможности въ низовьяхъ Вишеры, чтобы захватить побольше сплавныхъ притоковъ, по которымъ сплавъ лѣса не имѣлъ-бы препятствій.

По ихъ соображеніямъ такимъ условіямъ удовлетворяла мѣстность при устьѣ рѣки Вижаихи, противъ деревни Бахарей, отъ Чердыни по прямому направленію въ 28 верстахъ. Тотчасъ-же начались дѣятельныя работы и постройка завода быстро подвигается.

Теперь невольно является вопросъ: какъ отнеслись къ условіямъ новой жизни и какъ она отразилась на аборигенахъ вишерскаго края? Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, я предлагаю вамъ, читатель, пропутешествовать вмѣстѣ со мной по вишерскому краю и взглянуть воочію на ту картину, какую въ настоящее время представляетъ этотъ край. Путешествіе будетъ не изъ легкихъ и намъ предвидятся всевозможныя затрудненія. Но пусть насъ не устрашитъ — ни перспектива возможной голодовки, ни встрѣча съ лѣсными звѣрями, ни быстрота Вишеры, и что всего опаснѣе, не устрашимся подозрѣнія, что принадлежимъ къ числу корреспондентовъ, этихъ вреднѣйшихъ микробовъ современной жизни... Итакъ — руку, читатель, и въ путь!

III.

На пароходѣ.

Пароходъ тронулся и мимо насъ замелькали берега пустынной рѣки съ признаками пробуждающейся здѣсь жизни.
Изъ дневника туриста.

На землю спускались сумерки, тѣ майскіе сѣверные сумерки, которые являются предшественниками бѣлой ночи. Я ѣхалъ чистенькими улицами Чердыни, этой древней столицы Біарміи, а нынѣ просто уѣзднаго города пермской губерніи. Онъ былъ видѣнъ весь, какъ на ладони. Съ юга онъ замыкался тюрьмой, съ сѣвера кладбищемъ, съ запада небольшой полоской полей, а дальше темнымъ лѣсомъ, съ восточной же стороны рѣка Колва тихо катила свои воды. Несмотря на довольно еще раннюю пору, на улицахъ не было замѣтно никакого признака жизни. Ворота купеческихъ домовъ были заперты крѣпкими засовами, а изъ дворовъ, при малѣйшемъ шорохѣ, раздавался хриплый лай цѣпныхъ собакъ. Съ улицы видно, что во всѣхъ углахъ домовъ благочестивыхъ обитателей Чердыни горѣли лампадки, свѣтъ которыхъ расплывался въ сумеркахъ бѣлой ночи. Среди этой торжественной тишины какимъ-то диссонансомъ раздавались звуки духовой музыки, несущіеся изъ самаго центра города. Жиденькій оркестръ старался исполнить какую то польку, а раздраженные псы, въ болѣе чувствительныхъ мѣстахъ, аккомпанировали ей протяжнымъ завываніемъ.

— И выдумаютъ-же эти баре, чтобы имъ пусто было, по ночамъ на музыкѣ наяривать, добрымъ людямъ спать не даютъ! сердито промолвилъ мой ямщикъ и даже плюнулъ въ сторону. Онъ, видимо, не понималъ духовой музыки и не понималъ того, что она составляетъ гордость мѣстныхъ клубистовъ...

Я мысленно перенесся въ садъ, гдѣ теперь происходитъ „гулянье". Тамъ на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ саженъ интеллигентный или, вѣрнѣе, бюрократическій элементъ общества съ сознаніемъ собственнаго достоинства прогуливается по аллеямъ. Шесть человѣкъ доморощенныхъ музыкантовъ напрягаютъ всѣ усилія, чтобы угодить господамъ. Для подкрѣпленія силъ своихъ они частенько прибѣгаютъ къ возліяніямъ и часамъ къ 12 становятся неспособными издать никакихъ звуковъ и „гулянье" заканчивается. Болѣе важные бюрократы удаляются въ клубное помѣщеніе и здѣсь, за винтомъ, глубокомысленно проводятъ время до утра. Есть и буфетъ, но, впрочемъ, читатель эти «родныя» картинки такъ хорошо извѣстны, что всего лучше не останавливаться на нихъ, а продолжать начатое повѣствованіе.

Сопровождаемый звуками польки, я проѣхалъ улицы и приблизился къ спуску на Колву. Съ высоты холмистаго берега передо мной развернулся настоящій сѣверный пейзажъ, во всей его дикой красотѣ. Внизу, прихотливо извиваясь, текла Колва; за ней шли луга, среди которыхъ, подобно кускамъ зеркала, блестѣли озера; дальше шелъ темный, хвойный лѣсъ до самой линіи горизонта; а тамъ, гордо поднявшись кверху, высился отрогъ Урала—Полюдовъ камень, синій, синій при свѣтѣ бѣлой ночи... Какъ уроженецъ сѣвера, я люблю нашу сѣверную, суровую въ своемъ однообразіи, природу. Не блеститъ она обиліемъ красокъ, не подавляетъ богатствомъ ландшафта, но за то все въ ней такъ спокойно, такъ величаво-безпредѣльно; тутъ чуется несокрушимая сила и невольно передается она человѣку, кладется въ основу характера сѣверянина, помогая ему вести тяжелую борьбу за существованіе...

Пристань оказалась болѣе оживленной, чѣмъ сонный городъ. У Ржевинской пристани стоялъ одинъ изъ пассажирскихъ пароходовъ, совершающихъ рейсы между Чердынью и Пермью. Электричество работало и изъ оконъ освѣщенной рубки вырывались на свѣжій воздухъ голоса и слышался порою звонъ стекла; тамъ нѣкоторые изъ чердынцевъ, рѣшившіе «провести эту ночь веселѣй», выпивали и закусывали къ великому неудовольствію заспаннаго офиціанта.

Конторка французскихъ заводовъ оказалась тутъ-же по близости. Небольшой чистенькій пароходикъ «Василій», составляющій собственность Василія Васильевича Черныхъ, разводилъ пары и готовился къ путешествію на Вишеру. Шла дѣятельная

нагрузка товаровъ. Кладь была всевозможныхъ родовъ, особенно много какихъ то желѣзныхъ трубъ, очевидно для заводской надобности. «Василій» поведетъ за собой двѣ баржи съ заводскими товарами и небольшой шитикъ золотопромышленника Алина съ съѣстными припасами на пріискъ. Уже по одному этому можно было судить о томъ оживленіи, какое теперь царитъ на Вишерѣ. Капитанъ, онъ же и хозяинъ, сообщилъ мнѣ, что его пароходъ совершаетъ теперь рейсы до Усть-Улса и будетъ ихъ совершать до тѣхъ поръ, пока позволитъ вода; Василій Васильевичъ очень доволенъ своимъ пароходомъ, построеннымъ этой зимой.

— Хорошій работникъ оказался, какъ разъ для такой рѣки. Вотъ говорили, что по Вишерѣ нельзя быть правильному судоходству, а я два раза сходилъ до Усть-Улса, да еще съ двумя баржами и буду ходить до куда можно. Заводскіе меня очень одобряютъ и обѣщаютъ не оставлять безъ клади.

Пассажировъ до Вижаихи въ третьемъ классѣ набралось очень много; это были большей частью, все рабочіе изъ татаръ казанской губерніи. Многіе пришли сюда безъ гроша денегъ и теперь не могутъ заплатить за проѣздъ. Вотъ кучка ихъ, снявши шапки, подошла къ капитану съ просьбой о скидкѣ. Вас. Вас. благодушно приказалъ ихъ пропустить и осчастливленные бѣдняки разсыпались въ благодарностяхъ. Въ первомъ классѣ насъ оказалось всего два пассажира. Спутникъ мой лѣсопромышленникъ, ѣхалъ только до Вижаихи. Кажется еврейскаго происхожденія, это былъ типичный представитель лѣсныхъ хищниковъ, опустошавшихъ наши сѣверные лѣса. Онъ жаловался, что на Вишерѣ частной лѣсопромышленности наступилъ конецъ и что французы прибрали все къ своимъ рукамъ.

— А любопытные лѣсочки есть тамъ! вздыхалъ онъ.

Грузка кончилась Пароходъ забуксировалъ свои баржи, что при небольшой ширинѣ Колвы было дѣломъ, требующимъ большой сноровки и осторожности. Раздался свистокъ на молитву.

— Молись Богу! по обычаю властно крикнулъ капитанъ.

Еще прощальный свистокъ—и мы понеслись по теченію Колвы.

Бѣлая ночь была такъ тепла, что, несмотря на позднюю пору, мнѣ не хотѣлось сходить съ трапа. Я слѣдилъ какъ постепенно отдалялся отъ насъ городъ, раскинувшійся на семи холмахъ. Мы шли между низменными луговыми берегами и скоро миновали село Серегово, въ 3-хъ верстахъ отъ Чердыни Еще черезъ версту показалась Вишера. Нѣкоторое разстояніе обѣ рѣки текутъ почти параллельно, раздѣленныя узкой полосой берега. Сдѣлали заворотъ и вошли въ Вишеру. Вверхъ по теченію пошли, конечно, не съ такой быстротой. Характеръ береговъ напоминаетъ Колву и я зналъ, что вплоть до Вижаихи ничего интереснаго не встрѣтится и что видъ будетъ одинъ и тотъ-же: рѣка, катящаяся между невысокими лѣсистыми берегами, а потому удалился спать.

Часовъ въ семь утра, освѣженный сномъ, я опять вышелъ на верхъ. Великолѣпное майское солнце сіяло въ небесной синевѣ. Хвойные лѣса, стѣной подошедшіе къ берегу, выглядѣли гораздо привѣтливѣе, чѣмъ ночью. Пароходъ бодро разсѣкалъ кристальныя воды Вишеры. Воздухъ былъ чистъ и живителенъ.

На трапѣ сидѣли капитанъ и лѣсопромышленникъ.

— Посмотрите-ка,—обратился ко мнѣ капитанъ,—Полюдъ-то гдѣ!

Въ самомъ дѣлѣ, Полюдъ, вмѣсто того, чтобы быть впереди насъ, оказался позади. Теперь онъ принялъ иную форму, чѣмъ въ Чердыни Онъ напоминаетъ гигантскую копну сѣна; вся его поверхность покрыта лѣсомъ.

— Вы спали,—продолжалъ Василій Вас., —а онъ тутъ все время передъ нами вертѣлся, то сзади покажется, то спереди, а то съ боковъ.. Страсть, какъ Вишера извилиста.

Вскорѣ показалась первая пристань французскихъ заводовъ—«Черная», расположенная на правомъ берегу рѣки. Здѣсь грузятъ чугунъ, доставляемый изъ Усть-Улса въ вишерскихъ шитикахъ; сюда-же доставляется изъ Чердыни часть товаровъ, которые накладываются въ пустые шитики и поднимаются вверхъ по Вишерѣ. Около берега стояло нѣсколько такихъ посудинъ

и рабочіе вытаскивали куски чугуна на берегъ, гдѣ складывали его въ видѣ полѣнницъ.

Отъ Черной до Вижаихи всего 5 верстъ и черезъ часъ передъ нами предсталъ этотъ вновь строющійся заводъ.

Говорить о Вижаихѣ мнѣ еще будетъ представляться случай, а потому на этотъ разъ я ограничусь немногими фразами.

Если слова «американская дѣятельность» составляютъ синонимъ словъ «кипучая» дѣятельность, то лучшаго выраженія для характеристики теперешней Вижаихи не подъискать. Воистину здѣсь свирѣпствуетъ американская дѣятельность. Заводскія зданія растутъ съ поразительной быстротой; дымъ отъ обжиганія извести, голоса тысячи рабочихъ—русскихъ, татаръ, зырянъ, носятся въ воздухѣ... Рѣка особенно оживлена. Десятки шитиковъ, баржъ, нѣсколько пароходовъ придаютъ оживленный видъ недавно пустынной Вишерѣ, черезъ которую нынче французы перекинули телефонную проволоку.

Пролавировавъ среди разныхъ судовъ, мы подошли къ вижаихинской конторкѣ, покрытой массой народа. Тутъ находились заводскіе служащіе и рабочіе для выгрузки клади. Всѣ страшно суетились, кричали. Какія лица тутъ были!.. Болѣе важные служащіе первымъ долгомъ справились у капитана на счетъ буфета.

— Погодите господа! умолялъ осажденный Вас. Вас., въ слѣдующій рейсъ обязательно съ буфетомъ явлюсь, нынче не успѣлъ еще...

Сдавши кладь, мы намѣревались продолжать наше путешествіе, какъ вдругъ прибѣжалъ запыхавшійся служащій и объявилъ, что съ нами поѣдутъ французы до Усть-Улса. Пришлось подождать. Вскорѣ показалась телѣга, до верху нагруженная чемоданами; то былъ багажъ французовъ. А вотъ и сами хозяева вишерскаго края. Три господина, въ черныхъ круглыхъ шляпахъ, въ изящныхъ, но простыхъ костюмахъ, спускались по сходнямъ конторки, на которой мгновенно воцарилась тишина и самъ собою очистился широкій проходъ. Какой-то мужчина, съ лицомъ итальянскаго браво, до того времени осыпавшій рабочихъ нецензурными ругательствами, теперь быстро застегнулся на всѣ пуговицы, изобразилъ на лицѣ своемъ подобострастную улыбку, подошелъ къ французамъ и сообщилъ, что багажъ внесенъ въ каюту.

Раздались звуки французскаго языка и три джентльмена обмѣнялись рукопожатіями. Одинъ изъ нихъ—monsieur R., управляющій Вижаихинскаго завода, не ѣхалъ съ нами, а только провожалъ своихъ товарищей: главноуправляющаго заводами m. P., и, кажется, инженера m. *N*.

Мы тронулись. Ясная погода позволяла оставаться на верху и любоваться видами. Мѣстность около Вижаихи довольно заселена. Мы прошли мимо деревни Морчана, съ волостнымъ правленіемъ, на противоположномъ берегу (лѣвомъ) раскинулось село Бахари, немного дальше деревни Пичкова и Митрокова.

Видъ Полюдова камня, находящагося въ шести верстахъ отъ Морчанъ, возбудилъ толки между пассажирами 3-го класса.

— Вотъ, братцы мои,—говорилъ одинъ изъ рабочихъ своимъ товарищамъ,—въ эфтой самой горѣ великанъ, сказываютъ, жилъ. И спряталъ онъ, братцы вы мои, кладъ и найти его никакъ нельзя, слово надо знать. А про это мнѣ сказывалъ старикъ-вишерецъ, вѣрный человѣкъ.

— Ну, французы, тѣ и безъ словъ найдутъ, потому дошлый народъ! вмѣшался другой рабочій.

— Нѣтъ, братъ, врешь! Хитры они, а кладъ-то хитрѣе ихъ: они рыть будутъ, а онъ все въ землю уходитъ и ништо тутъ не подѣлашь, это ужъ вишерцы такъ говорятъ.

— Этимъ подлецамъ вишерцамъ слова нельзя вѣрить! прервалъ разглагольствованія рабочаго какой-то «спинжакъ», очевидно мелкій заводскій служащій,—ихъ всѣхъ перевѣшать слѣдоваетъ, потому—мошенники, особливо бахаревцы! Они каждаго проѣзжаго человѣка ободрать готовы, какъ липку; теперь вотъ господа хорошіе на Полюдъ ѣздятъ, любопытствуютъ, потому видъ тамъ хорошій, природа, значитъ, любознательная, такъ сколько денегъ они переплачиваютъ бахаревцамъ зря, такъ за показъ дороги. Свиньи они неблагодарныя: заводъ имъ благодѣяніе дѣлаетъ, а они заводскихъ служащихъ нисколько не уважаютъ. Мнѣ вотъ нужно было изъ Баха-

рей на Вижаиху попасть, всего версты три въ лодкѣ сдѣлать, такъ эти стервецы два рубля съ меня сдули, чтобы имъ пусто было! Теперь вотъ пароходы зачали до Усть-Улса бѣгать, за три рубля отъ Чердыни ѣдешь, а раньше въ лодкахъ 15—20 рублей надо припасать...

Дѣйствительно, развитіе пароходства лишило вишерцевъ выгоднаго заработка—перевоза пассажировъ въ душегубкахъ. Зарабатывали же этимъ путемъ они не мало, такъ какъ съ развитіемъ заводской дѣятельности, конечно, усиливалось и движеніе. Рѣка Вишера раньше считалась судоходной на очень незначительномъ протяженіи, но въ послѣдніе годы инженеръ Великановъ на средства, ассигнованныя правительствомъ и отчасти заводомъ, настолько улучшилъ ея русло, что въ настоящее время пароходы могутъ безпрепятственно доходить до Усть-Улса, т. е. 200 верстъ отъ Чердыни. Надо отдать полную справедливость дѣйствіямъ г. Великанова: тамъ, гдѣ прежде съ трудомъ проходили душегубки, теперь проходятъ большія суда съ кладью. Для улучшенія русла онъ употреблялъ двѣ мѣры: взрывы и устройство дамбъ. Главнымъ препятствіемъ пароходству служили громадные подводные камни, о которые вода разбивалась съ страшной силой, пѣнилась и образовывала настоящій водоворотъ; бѣда для судна наскочить на такой камень! При помощи динамита въ настоящее время всѣ опасные камни уничтожены. Искусно же сооруженныя многочисленныя дамбы подняли уровень воды въ мелкихъ мѣстахъ на должную высоту и Вишера можетъ теперь красоваться въ учебникахъ географіи въ числѣ судоходныхъ рѣкъ, причемъ протяженіе ея судоходности подвигается, благодаря работамъ г. Великанова, все выше и выше.

Начиная съ Бахарей, рѣка принимаетъ настоящій горный характеръ. Какъ красива эта кристальная вода, позволяющая различить дно, устланное разноцвѣтными камнями, какъ красивы эти прибрежныя скалы и эти одинокія деревца, Богъ вѣсть, какъ забравшіяся на выступы скалъ!.. Но всеразрушающая рука человѣка коснулась даже этихъ гигантскихъ камней: много ихъ разрушено и куски известняка сложены на берегу въ правильныя кубическія массы, которыя потомъ грузятся на барки и плавятся до Вижаихи.

Между тѣмъ, небо обложилось тучами, заморосилъ мелкій дождикъ; пришлось удалиться въ рубку. Тамъ нашъ любезный капитанъ приказалъ сервировать обѣдъ, что для нашихъ проголодавшихся желудковъ оказалось весьма кстати. Оживленнаго разговора за столомъ завязаться не могло: французы почти не говорили по-русски; но это нисколько не препятствовало обѣимъ сторонамъ обмѣниваться мелкими услугами и чувствовать себя вполнѣ непринужденно. Оба француза оказались европейцами въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова. Особенно привлекателенъ былъ monsieur P. Сильный брюнетъ, съ черными ласковыми глазами и роскошными усами, онъ при своемъ богатырскомъ сложеніи и высокомъ ростѣ производитъ неотразимое впечатлѣніе. Голосъ его, съ легкимъ грассированіемъ въ выговорѣ, чрезвычайно музыкаленъ. Особенно хорошъ m. P. бываетъ когда смѣется, видя, что его «русскаго» языка не понимаютъ. Тогда онъ такъ мило улыбается, его черные глаза такъ искрятся, что вы невольно поддаетесь очарованію этой симпатичной личности... Воображаю, какое впечатлѣніе онъ долженъ производить на женщинъ...

Другой французъ хотя и не обладалъ физическими данными m P., но его карія глаза, въ которыхъ свѣтится грусть, быть можетъ о покинутой Франціи, располагаютъ въ его пользу. Оба француза все время усердно изучаютъ русскій языкъ и изъ ихъ кармановъ постоянно выглядываетъ франко-русскій словарь.

Съ собой они везутъ большой запасъ краснаго вина, безъ котораго почти не могутъ существовать.

Послѣ обѣда капитанъ, чердынскій чиновникъ, сѣвшій также на Вижаихѣ и monsieur P. начали играть въ винтъ, сопровождаемый массой недоразумѣній самаго комическаго характера. Monsieur P. передъ игрой вынулъ изъ кармана изящную книжечку, а изъ нея листокъ бумаги, аккуратно разграфленный и записанный русской терминологіей винта. Конечно, при такихъ обстоятельствахъ игра не могла идти съ желательной скоростью и партнеры вскорѣ прекратили ее.

Чѣмъ выше поднимался нашъ пароходъ по Вишерѣ, тѣмъ переборы становились чаще и теченіе стремительнѣе. Но пароходъ, казалось, былъ приспособленъ для такой воды и несмотря на двѣ баржи, которыя онъ тянулъ на буксирѣ, мы шли со скоростью семи верстъ въ часъ. Вас. Вас. имѣлъ полное право гордиться своей новинкой. Пароходъ ему обошелся всего въ 28 тысячъ рублей, а между тѣмъ, этой-же зимой французы заказали на заводъ Любимова спеціальный пароходъ для Вишеры по своимъ чертежамъ и обошедшійся имъ, кажется, въ 70 тысячъ. Пароходъ носилъ названіе «Боецъ» по имени самаго опаснаго здѣсь перебора, но при первомъ же рейсѣ потерпѣлъ полное фіаско: онъ не могъ поднять даже самъ себя по этой быстрой рѣкѣ. А между тѣмъ, представлялъ изъ себя послѣднее слово науки и построенъ былъ по образцу пароходовъ, которые работаютъ на порогахъ Нила. Но какъ «хлѣбъ русскій на англійскій манеръ не родится», такъ и для русской рѣки оказалась непригодной пароходная система Нила... Пришлось французамъ отдать свой пароходъ для передѣлки его на обыкновенный типъ нашихъ буксирныхъ пароходиковъ.

Въ настоящее время заводы владѣютъ тремя пароходами: «Велсомъ», «Александромъ Невскимъ» и «Сормово», но такъ какъ ихъ не хватаетъ для работъ, то заводы еще арендуютъ и другіе. Черныхъ, учрежденіемъ постояннаго сообщенія между Чердынью и Усть-Улсомъ, оказалъ большую услугу не только заводу, но и всему краю, попасть въ который раньше зависѣло отъ тысячи случайностей. Теперь-же при урегулированномъ движеніи можно вполнѣ располагать своимъ временемъ. Отъ Чердыни до Усть-Улса и обратно пароходъ «Василій» употребляетъ всего трое сутокъ. Отъ Чердыни до Вижаихи то-же установилось правильное движеніе: тамъ работаетъ пароходъ купца Юрганова «Обвинецъ». Такимъ образомъ, вишерскій край въ настоящее время, благодаря правильно установленному судоходству, примкнулъ къ остальной культурной Россіи, тогда какъ всего два года тому назадъ попасть сюда можно было съ большими затрудненіями. По всей вѣроятности, заводъ обратитъ должное вниманіе на дѣятельность г. Черныхъ и поощритъ его, какъ піонера судоходнаго дѣла по Вишерѣ.

Несмотря на дождь, я до самой ночи, закутавшись въ кожанный плащъ проводилъ время на верху и любовался картинами вишерской природы. Рѣка замѣчательно извилиста, течетъ среди высокихъ скалъ, покрытыхъ лѣсомъ. Деревень очень мало. Мы прошли мимо величественнаго «Говорливовскаго» камня, стѣной подошедшаго къ самой водѣ. Голова кружится, когда смотришь снизу на этотъ каменный массивъ. Въ ясную погоду здѣсь раздается замѣчательное эхо, особенно на зарѣ. Замѣчателенъ также «Сыпучій» камень своей конструкціей; онъ весь состоитъ изъ нѣсколькихъ, рельефно обрисовывающихся пластовъ, идущихъ дугообразно. Песчаникъ, изъ котораго онъ состоитъ, постоянно осыпается и мелкія гальки летятъ въ воду. А вотъ громадный, въ видѣ стѣны крѣпости, «Писаный» камень, со своими таинственными іероглифами.

Въ одной деревнѣ мы остановились для грузки дровъ. Толпа мужиковъ въ своихъ характерныхъ лузанахъ и бабъ въ платьяхъ домашняго синяго холста высыпала на берегъ.

— Вотъ она чучь (чудь) непросвѣщенная!—съ ироніей воскликнулъ «спинжакъ», врагъ вишерцевъ,—ровно дикари глаза вытаращили.

Печально созерцали прежніе хозяева Вишеры пароходъ, отбившій у нихъ заработокъ

— Принимай чалку! властно крикнулъ капитанъ.

Нѣсколько вишерцевъ съ покорностью бросились къ чалкѣ, но по неопытности не могли съ ней справиться. Градомъ посыпались на нихъ ругательства. «Спинжакъ» страшно возмущался: «вотъ чучь безтолковая!». Наконецъ, кое-какъ прикрѣпили буксиръ.

Пассажиры высыпали на берегъ для закупки съѣстныхъ припасовъ Нѣсколько бабъ принесли по десятку яицъ и онѣ въ мигъ были раскуплены. Больше ничего не оказалось въ деревнѣ и пассажиры роптали.

Я подошелъ къ кучкѣ бабъ, среди которыхъ одна пассажирка третьяго класса что-то жалобно говорила.

— Такъ и потерялся онъ,—услышалъ я протяжныя слова,—ушелъ на заводъ изъ Покчи и слухъ объ емъ пропалъ. Не видали ли вы его, голубоньки?

— А испивалъ онъ у тебя? спросила одна изъ бабъ.

— Ой, испивалъ бабоньки, страсть какъ испивалъ! Раньше не такъ пилъ, а какъ пошли эти заводы, да сталъ онъ на ихъ робить и бѣда зачалъ пьянствовать. А теперь вотъ и пропалъ совсѣмъ.

— Нѣтъ, бабонька, не видали мы твоего сынка, много у насъ нонича чужестраннаго народа ходитъ, гдѣ всѣхъ упомнить! И страсть какъ нонича одурѣлъ народъ! Всѣ мужики таперича, щепица имъ въ хайло, всѣ пьютъ не по Божьему... По гибель наша приходитъ...

Вечеромъ добрѣйшій капитанъ угостилъ насъ ужиномъ. Проведенный вмѣстѣ день сблизилъ наше разнородное общество и мы чувствовали себя еще лучше, чѣмъ за обѣдомъ. Василій Васильевичъ принесъ нѣсколько бутылокъ и обратился къ французамъ:

— Вотъ не хотите-ли, это водка; вод—ка, еще разъ повторилъ онъ членораздѣльно для пущаго вразумленія.

— Вод—ка! улыбнулся monsieur P и. подставивъ рюмку, прибавилъ: «пошалюста!» Онъ началъ ее смаковать, какъ ликеръ заѣдая хлѣбомъ. Но нашъ отечественный «ликеръ» не по вкусу пришелся французу и сморщился онъ, къ великому удовольствію Вас. Вас. Предложили другому французу.

— Ему можна: онъ моледа шалевѣкъ! шутилъ monsieur P. Но «моледа шалевѣкъ» предпочелъ свое красное вино нашему національному напитку.

Утромъ слѣдующаго дня мы достигли большой деревни Акчима (36 дворовъ), противъ которой построены заводскія зданія. Здѣсь живетъ завѣдующій развѣдочной партіей г. *N*, къ которому французы имѣли дѣло. Заводскія строенія расположились на мысѣ, образовавшемся отъ впаденія р Акчимъ въ Вишеру. Видимо, что мѣстность недавно только освобождена отъ лѣса, о чемъ свидѣтельствуютъ торчащіе всюду пни. N живетъ въ прекрасномъ помѣстительномъ домѣ. Тутъ же находятся нѣсколько строеній для рабочихъ и домъ для таксаторской партіи, производящей отводъ лѣсовъ заводамъ. Акчимъ стоитъ почти въ серединѣ заводской территоріи и г. **N** удобно дѣлать отсюда поѣздки во всѣ концы.

Онъ дожидался пріѣзда французовъ и встрѣтилъ насъ на берегу. Скажу нѣсколько словъ объ этой замѣчательной личности.

Человѣкъ энергичный, несомнѣнно умный, незамѣнимый горный ищейка, онъ представляетъ изъ себя типъ штегерей старой школы, тѣхъ штегерей, которые создавались на Уралѣ во время крѣпостничества; типъ этотъ въ настоящее время исчезаетъ и *N* является, быть можетъ, «послѣднимъ изъ могиканъ» этой породы закаленныхъ людей. Вся жизнь его прошла въ горахъ и лѣсахъ Урала въ поискахъ разныхъ рудорожденій. При своей опытности онъ человѣкъ незамѣнимый для заводовъ. Всѣ вишерскія открытія обязаны, главнымъ образомъ, его умѣнію оріентироваться, его выносливости, а главное, его уму и глубокому знанію практической стороны дѣла. Недаромъ получилъ онъ прозвище «горнаго духа», прозвища, всего болѣе подходящаго къ нему. Самая его наружность замѣчательна: массивный старикъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами и бородой, съ ясными голубыми проницательными глазами, тѣми глазами, которые, по народному выраженію, «на три аршина въ землю видятъ», онъ своей наружностью вполнѣ оправдываетъ данное ему прозвище.

Одѣтый въ простой азямъ, подпоясанный поясомъ, въ длинныхъ сапогахъ, стоялъ передъ нами этотъ «горный духъ», любезно приглашая насъ въ домъ, гдѣ мы и провели нѣсколько времени за веселымъ завтракомъ. Французы начали дѣловой разговоръ съ N. Разговоръ этотъ едва-ли привелъ къ какимъ-либо практическимъ результатамъ: обѣ стороны говорили на разныхъ языкахъ... Вообще, дѣло много проигрываетъ отъ незнанія французами языка народа, среди котораго они ведутъ свое грандіозное предпріятіе...

N. нужно было показать вновь открытую имъ руду французамъ и онъ отправился съ нами на пароходъ.

Въ этотъ день мы прошли «Боецъ», самый сильный изъ всѣхъ переборовъ. На пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ саженъ вода съ страшной силой бурлитъ, пѣнится и образуетъ настоящій водопадъ. Шумъ отъ этого перебора слышенъ за версту. Теперь, при большой водѣ, теченіе было еще стремительнѣе. «Боецъ» до Великановскихъ работъ былъ гораздо опаснѣе и часто суда здѣсь разбивались совершенно о подводные камни.

Мы на этомъ переборѣ промаялись нѣсколько часовъ, но въ концѣ-концовъ побѣдоносно одолѣли его. Конечно, пароходу немыслимо было вести заразъ обѣ баржи и ихъ провели по одиночкѣ. Ночь застигла насъ ужъ за переборомъ и мы, въ виду густого тумана, непроницаемой пеленой окутавшаго всю окрестность, бросили якорья и заночевали у какой то скалы.

Утро слѣдующаго дня было отвратительно: холодъ, туманъ и дождь на половину со снѣгомъ не позволяли намъ высунуть носа изъ рубки, гдѣ мы и протомились вплоть до прибытія въ Усть Улсъ.

IV.

Усть-Улсъ.

Vae victis!

Направо—горы и рѣка,
Налѣво—темный лѣсъ...

Невольно пришли мнѣ на память слова поэта, когда я увидалъ Усть-Улсъ, послѣднюю деревню въ верховьяхъ Вишеры. Я зналъ, что это деревня осѣдлыхъ вогулъ, которые совершенно ассимилировались съ русскимъ населеніемъ и утратили свои природныя черты. Слышалъ я мелькомъ, что усть-улсинскіе вогулы есть истинные аборигены края и его законные владѣльцы, что подтверждено грамотами «старыхъ царей» и что эти грамоты имѣются въ рукахъ вогулъ и въ настоящее время. Съ любопытствомъ, вполнѣ понятнымъ, смотрѣлъ я на деревню и ея окрестности.

Передо мной раскинулась мрачная, подавляющая картина! Низкія, свинцовыя тучи темнымъ флеромъ окутали весь небосклонъ и спрятали отъ любопытныхъ взоровъ верхушки обнаженныхъ горъ. Мокрый снѣгъ хлопьями валилъ на землю. На правомъ берегу пѣнящейся отъ переборовъ рѣки, по склону высокаго холма, разбросаны въ хаотическомъ безпорядкѣ жалкіе домишки. У самаго берега стоитъ нѣсколько новыхъ зданій, построенныхъ недавно поселившимися здѣсь торговцами. Мрачный, хвойный лѣсъ обступилъ деревню съ трехъ сторонъ, перекинулся черезъ холмъ и ушелъ въ даль, взбираясь опять на холмы и горы... На противоположномъ берегу заводскія строенія расположились на узкомъ пространствѣ, какое осталось отъ лѣсистаго холма съ одной стороны и рѣки съ другой. Дымъ отъ массы углежечныхъ печей виситъ въ воздухѣ; порою, когда онъ разсѣевается, въ туманной дали на минуту открывается видъ на верхушки обнаженныхъ горъ съ полосами снѣга...

Но жизнь кипитъ вокругъ. У заводскаго берега рѣки стоитъ нѣсколько десятковъ шитиковъ, на которые рабочіе съ пѣснями таскаютъ чугунъ. Несмотря на отвратительную погоду слышно пиликанье гармоникъ, и разноязычный говоръ татаръ, зырянъ, русскихъ не умолкаетъ ни на минуту.

Усть-улсинская пристань играетъ весьма важную роль въ дѣятельности вишерскихъ заводовъ. Отъ этой пристани всего 35 верстъ до Кутимскаго завода, на который отсюда ведетъ конная желѣзная дорога, почти все время идущая по берегу Улса, а потомъ Кутима. Постройка этой дороги стоила не малыхъ трудовъ и обошлась въ 150 тысячъ рублей. Все время дорога лѣпится къ крутымъ скаламъ, которыя приходилось выравнивать, взрывать. Съ одной стороны передъ глазами путника крутая, отвѣсная стѣна, а съ другой пропасть, на днѣ которой бѣшено клокочетъ Улсъ. У непривычнаго человѣка голова закружится отъ такого зрѣлища. А тутъ еще вагонетки постоянно соскакиваютъ со сквернѣйшихъ рельсовъ, или-же нарочно приходится опрокидываться, чтобы пропустить поѣздъ съ углемъ или чугуномъ...

Самая пристань растянулась по берегу Вишеры на протяженіи цѣлой версты. На этомъ пространствѣ помѣстились амбары,

казармы рабочихъ, контора, домики служащихъ, углежечныя печи; въ концѣ-же пристани отведено мѣсто для чугуна, который складывается здѣсь въ видѣ полѣнницъ и до котораго проведены рельсы конки.

Вся кладь, идущая на Кутимскій заводъ или съ него, первоначально складывается здѣсь и потомъ уже слѣдуетъ далѣе, вслѣдствіе чего на пристани царствуетъ постоянное оживленіе. Нѣсколько сотъ рабочихъ, большей частью татаръ, заняты перегрузкой товаровъ. Весь транспортъ доставляется сюда на шитикахъ. которые поднимаютъ по Вишерѣ съ помощью лошадей. Въ обратный путь они спускаются съ грузомъ чугуна.

Коренные обитатели вишерскаго края, главнымъ образомъ, заняты въ настоящее время доставкой этихъ шитиковъ до Усть-Улса отъ пристани Черной и обратно. Работа эта хорошо оплачивается и имѣя одну лошадь, исправный рабочій зарабатываетъ до 300 рублей въ лѣто, а безъ лошади, въ качествѣ простого рабочаго, до 100 рублей. На спеціально-же заводскихъ работахъ вишерцы не привились и тамъ дѣйствуетъ, главнымъ образомъ, пришлый элементъ, особенно татары, преобладаніе которыхъ бросается въ глаза и въ послѣднее время здѣсь назрѣваетъ «татарскій» вопросъ, все болѣе обостряющійся, такъ какъ татары гораздо выносливѣе русскихъ и болѣе способны къ «огненной» работѣ...

Имѣютъ вишерцы еще заработокъ на лѣсной работѣ, т. е., на доставкѣ лѣса и дровъ, но въ послѣднее время и здѣсь имъ приходится отступать на задній планъ такъ какъ они не могутъ конкуррировать съ нахлынувшими сюда зырянами, спеціалистами во всякомъ лѣсномъ дѣлѣ.

— Да и избаловались таперича вишерцы! жаловался мнѣ одинъ изъ чердынскихъ торговцевъ, имѣющій постоянныя дѣла съ заводомъ, и такіе подлецы стали. что только и норовятъ какъ бы кого обмануть И все не въ прокъ имъ идетъ: что заработаютъ, сейчасъ пропьютъ. Особливо усть улсинцы. Эти вогулы и бабъ своихъ пропили!..

Въ первый день своего пріѣзда въ Усть-Улсъ я изъ-за отвратительной погоды остался на заводскомъ берегу и отложилъ осмотръ деревни.

— Ничего любопытнаго вы не встрѣтите въ этой деревушкѣ,—говорили мнѣ заводскіе служащіе,—только пьянство одно, да развратъ; можете еще и непріятность получить отъ зимогоръ, а ихъ теперь съ пріисковъ вернулось очень много и страсть какъ дебоширятъ..

А одинъ изъ частныхъ подрядчиковъ далъ еще болѣе интересную характеристику обитателей Усть-Улса именуя ихъ «самыми подлыми людьми во всемъ свѣтѣ».

— Безъ рубля ихъ таперича изъ дому не выманишь, а то подавай два или три въ день; съ голодухи, окаянные, будутъ пропадать, а на работу не пойдутъ. Вѣдь они, подлецы и пашню совсѣмъ забросили, всѣ поля у нихъ деревьями давно поросли и охотой не занимаются, а когда-то были первые охотники по Вишерѣ. Совсѣмъ пропащій народъ сдѣлался, кругомъ заработки большіе, а они и домовъ поправить не могутъ, живутъ среди лѣса, а избы рѣшето-рѣшетомъ. Только и знаютъ, что зимогоръ облапошивать!..

— А это зимогоры кто такіе? спросилъ я.

— Это ужъ совсѣмъ пропащій народъ. Это, значитъ, горные рабочіе, которые совсѣмъ отъ дому отбились. Примѣрно сказать и справный человѣкъ можетъ зимогоромъ сдѣлаться если слабость характера имѣетъ. Пойдетъ, значитъ, человѣкъ робить на заводы, робитъ робитъ, а потомъ заработокъ пропьетъ и опять безъ всего останется и опять робитъ, а тамъ ужъ пьянство такъ его затянетъ, што онъ норовитъ всякій заработокъ скорѣй пропить, только для водки и робитъ. И забудетъ такой человѣкъ, што на родинѣ у него имѣется семья, домъ, все забудетъ и дѣлается настоящимъ зимогоромъ, значитъ зимы въ горахъ проводитъ... И вѣдь до того допьется, што все съ себя спуститъ, чуть не голый ходитъ и когда ужъ совсѣмъ до тюки дойдетъ, опять робить зачнетъ; да ужъ на заводахъ-то плохая ему цѣна, потому знаютъ тамока, што такое зимогоры есть... А вотъ эти проклятые усть-улсинцы все около зимогоръ околачиваются.

— Какимъ-же это образомъ?

— А вотъ какимъ: заробитъ зимогоръ копѣйку гдѣ нибудь на Кутимѣ, али на прiискахъ и является въ Усть-Улсъ, потому миновать ему этого мѣста никакъ нельзя. А усть улсинцы и рады гостю; сейчасъ его на фатеру къ себѣ тащутъ, виномъ угощаютъ. Ну, человѣкъ и одурѣетъ Робилъ, значитъ, цѣлу зиму, мерзъ, голодалъ и за человѣка его тамъ не считали, а тутъ такое раздолье, ну и закутитъ. Въ одну недѣлю весь годовой заработокъ спускаютъ А вогулишки-хозяева его облапошиваютъ всячески и сами съ нимъ пируютъ и всячески угождаютъ, женъ, дочерей своихъ даютъ безчестить... А черезъ недѣлю у зимогора гроша не остается, бывали случаи рублей по полтораста спускали; рожа вся распухнетъ, а пить до смерти охота, ну одежду, обуй спуститъ, а потомъ хозяева увидятъ, што у гостя ничего, какъ есть, не осталось—турятъ на улицу... Побродитъ бѣдный зимогоръ, изголодается весь и пойдетъ куды-ко за безцѣнокъ на прiиски, али на заводъ и за каторжный трудъ получитъ гроши и опять явится въ Усть-Улсъ пропивать, а потомъ и сгинетъ, какъ собака...

Улучивъ ясный день, что въ Усть Улсѣ большая рѣдкость, я отправился посмотрѣть деревню. Для этого мнѣ нужно было переѣхать Вишеру. Пройдя выше заводскихъ строенiй, я достигъ мѣста, съ котораго усть-улсинскiе ребятишки перевозятъ въ душегубкахъ заводскихъ служащихъ въ деревню. Желающихъ переѣхать и теперь было много. Не малое количество возвращалось и изъ Усть-Улса такъ что тричетыре лодки находились въ непрерывномъ движенiи. Всѣ возвращавшiеся съ того берега были пьяны и, въ большинствѣ случаевъ, держали въ рукахъ бутылки съ водкой и разныя закупки. Вотъ кучка татаръ, одѣтыхъ въ невообразимыя лохмотья, съ исхудалыми, блѣдными лицами, вылѣзаетъ изъ лодокъ и пьяной походкой идутъ къ пристани.

— Куда, знакомы, идете? окликаетъ ихъ какой то оборванецъ зимогоръ.

— На прiискъ къ Шайдурову пойдемъ, говорятъ, работа есть.

— А што мало гостили?

— Деньга кунчалъ!

Перевозчики-ребятишки, завидѣвъ меня, на перебой стали приглашать каждый въ свою лодку.

— Ко мнѣ, баринъ, иди ко мнѣ! кричали они.

Я сѣлъ въ одну изъ лодокъ. Двое мальчиковъ лѣтъ, 11—12, стоя на ногахъ въ носу и кормѣ, начали работать шестами. Дѣло было для нихъ, видимо, привычное и стремительное теченiе Вишеры быстро ими одолѣвалось.

— А много ли, ребята, вы въ день зарабатываете? спросилъ я во время переправы.

— По рублю, а то и по полтора приходится!

— И каждый день такъ?

— Ежиденъ. А въ праздники и по три заробливамъ. Толды пьяныхъ больше, по пятаку платятъ.

— Куда-же вы деньги дѣваете?

— А ты куда дѣвашь?—нагло спросилъ меня малецъ,—знамо дѣло проѣдамъ, а то и пропивамъ.

— Не ладно дѣлаете, лучше-бы родителямъ отдавали.

— А ножъ имъ въ хайло! Мы будемъ робить, а родители на наши деньги пировать! Мы и сами сумѣмъ!..

Чѣмъ больше бесѣдовалъ я со своими юными лодочниками, тѣмъ наглѣе обнаруживался ихъ цинизмъ, ихъ развращенность до мозга костей. Да «гнилая цивилизацiя» уже отразилась роковымъ образомъ на этихъ несчастныхъ существахъ. Какое будущее ихъ ожидаетъ! Быть можетъ, мнѣ не прiйдется увидать разцвѣтъ этого «племени младого и незнакомаго», но легко могу предсказать, что «разцвѣтъ» этотъ будетъ очень и очень печальнымъ..

Но вотъ и самый Усть Улсъ. На берегу красуются солидныя постройки чердынскихъ торговцевъ, бойко ведущихъ здѣсь свои торговыя операцiи. Три или четыре лавки настежъ открыты. Я зашелъ въ одну изъ нихъ. Настоящая американская универсальная лавка. Тутъ было все: предметы первой необходимости и предметы роскоши. Кучка покупателей толпилась около прилавка. Какiя тутъ были лица, костюмы! Вонъ нѣсколько зимогоръ, оборванныхъ, босыхъ, съ распухшими отъ пьянства лицами. На нѣсколько копѣекъ они покупаютъ себѣ какую-то тухлую рыбу. А вонъ

и конторскій франтъ, прибывшій изъ за рѣки Этотъ больше налегаетъ на пряники, конфекты и прочіе деликатесы, «для барышенъ», какъ объясняетъ онъ съ шикомъ выкидывая на прилавокъ золотой. Протискались къ прилавку и мои лодочники.

— Дайко ся на пятакъ махорки, фабрики Феникса!—охрипшимъ дискантикомъ кричитъ одинъ изъ нихъ,—да вотъ ешшо изюму на гривенникъ!

Грязными руками кладутъ они купленный изюмъ въ карманы, свертываютъ себѣ «цыгарки» и закуривъ ихъ, съ важнымъ видомъ удаляются изъ лавки, не возбудивъ ни въ комъ удивленія. Только братъ лавочника, молодой еще человѣкъ, съ презрѣніемъ обругалъ ихъ «сопляками». Я завязалъ съ нимъ разговоръ объ обитателяхъ Усть-Улса.

— Страсть, какъ развратился здѣшній народъ,—охотно отвѣчалъ онъ,—вонъ, на что малые парнишки, и тѣ водку лачатъ и табачище курятъ. А про большихъ и говорить нечего, всѣ пропились. Вотъ, пройдетесь по нашему селенію, увидите, каковъ есть Усть-Улсъ.

Я вышелъ изъ лавки и принялся обозрѣвать деревню.

Усть-Улсъ расположился по скату крутого холма и только позднѣйшія постройки торговыхъ людей стоятъ на берегу Вишеры.

Тутъ-же находится и винная лавочка, около которой, главнымъ образомъ, и сосредоточивается жизнь. Мнѣ сообщили, что въ прошломъ году изъ этой лавочки вина было выпито на 28,000 рублей! И это въ селеніи, состоящемъ всего изъ 34 лачугъ! Здѣсь пропиваются деньги зимогорами и рабочими, идущими съ золотыхъ пріисковъ.

Странное дѣло! Вѣдь этотъ кабакъ возникъ благодаря заводу, а, между тѣмъ, онъ находится не на той сторонѣ рѣки, не на заводской территоріи, а въ деревнѣ, которая, благодаря ему, спилась и развратилась окончательно. Заводоуправленіе умываетъ себѣ руки: пьянствуютъ усть-улсинцы и это его не касается: не можетъ-же заводъ отвѣчать за нравственность обитателей края!.

Около лавочки я увидалъ кучки пьяныхъ зимогоръ; о костюмахъ ихъ не говорю, тутъ скорѣе было полное отсутствіе всякихъ костюмовъ Зимогоры горланили безобразныя пѣсни, пили водку прямо изъ бутылокъ, угощали ею обитательницъ Усть-Улса, находящихся тутъ же. Циничные разговоры, пьяныя пѣсни, гармоники производили такой шумъ, что я почелъ за лучшее убраться по добру по здорову.

По крутой тропинкѣ добрался я до усть-улсинскихъ избъ. Боже, какія жалкія, полуразвалившіяся лачуги! И это въ краѣ, гдѣ строевого лѣса не оберешься! гдѣ въ настоящее время можно зарабатывать до 40 рублей въ мѣсяцъ! Съ перваго-же взгляда видѣнъ во всемъ упадокъ. Огороды воздѣланы кое-какъ, а большинство изъ нихъ и совсѣмъ не засажены и поросли бурьяномъ. За деревней идутъ заросшія деревцами поля Вотъ ужъ лѣтъ пять, какъ усть-улсинцы бросили хлѣбопашество, бросили охоту, а было время, когда они считались первыми охотниками по Вишерѣ. Теперь ихъ сохи заброшены далеко ружья, если не пропиты, то ржавѣютъ безъ употребленія гдѣнибудь на сараяхъ, а сами хозяева спились окончательно... Вотъ во что обратились смѣлые немвроды чердынскихъ лѣсовъ! Sic transit gloria mundi!..

У одной избы я встрѣтилъ сильно охмѣлѣвшую дѣвку; она, съ пустой четвертью въ рукахъ, быстро бѣжала по направленію къ кабаку; на встрѣчу ей попадается другая обитательница Усть-Улса въ такомъ-же состояніи. Между ними начался разговоръ.

— Ты куда это, стерва полосатая, летишь?

— Въ кабакъ, милая, въ кабакъ. У насъ Митрошка вятской бѣды расходился!

— Эфто который съ пріисковъ-то пришелъ?

— Че ино!

— Счастье вамъ, косорылымъ, Господь послалъ.

— Да ты, курва, слушай, што только онъ творитъ то у насъ: онъ у насъ трое сутокъ живетъ, 70 чайковыхъ пропилъ. Пѣсни поетъ, скачетъ, страсть!.. Вчера онъ Ванькѣ зимогору баетъ: «вези меня на себѣ въ кабакъ, я-де енералъ!» Слышь ты! Ванька и повезъ! Сколько смѣху было! Такъ на себѣ и повезъ! А седни стоитъ передъ имъ четвертуха, почитай полная, только стаканъ изъ ее отпили, а онъ и

кричитъ: тутока протухлое вино, не хочу пить! да какъ чикнетъ ее, четвертуху-то, только звякнетъ она, вся разлетѣлась! вотъ за новой бѣгу! Больно баско!—и дѣвка помчалась дальше.

Зашелъ я въ избу одного ссыльнаго поляка, Курэлайтыса, живущаго въ Усть-Улсѣ больше 30 лѣтъ. Онъ здѣсь женился на вогулкѣ и сроднился совершенно съ новой своей отчизной. Мнѣ еще раньше про него говорили. Изба его нисколько не отличается отъ другихъ избъ, пожалуй, еще хуже. Я былъ пораженъ грязью, какая царствовала въ избѣ. Жена Курэлайтыса, пьяная баба, ругалась съ двумя зимогорами, лежащими на полу. Она требовала съ нихъ водки. На грязномъ столѣ двѣ дочери ея грязными руками дѣлали сочни для пельменей. Тутъ-же на лавкѣ лежалъ сынъ Курэлайтыса, мальчишка лѣтъ 14, совершенно пьяный. Изможденное лицо его носило на себѣ отпечатокъ окончательнаго вырожденія и страшной распущенности. Глава этой милой семейки лежалъ на печкѣ и при моемъ входѣ слѣзъ съ нея. Это былъ старикъ лѣтъ 70, худощавый, но еще сохранившійся Говорилъ онъ съ польскимъ акцентомъ. Странное впечатлѣніе производилъ этотъ представитель культурной расы, опустившійся теперь почти до животнаго состоянія.. Мы разговорились. О своемъ прошломъ онъ мало говорилъ и я могъ только узнать, что онъ крестьянинъ, кажется, виленской губерніи и почти совершенно забылъ теперь свой родной языкъ. Вишерскій край знаетъ хорошо и считаетъ, что теперь началось его возрожденіе.

— А прежде, что было! Такъ, тьма невѣжества. Жили, какъ звѣри. Занимались охотой, рыболовствомъ. На деревню въ годъ добывали до 6,000 паръ рябковъ, сохатыхъ до 40, ну-да пушнины. А теперь охоту бросили: потому звѣрь и птица ушли далеко; народъ вездѣ въ лѣсу, испугали ихъ. Прежде сколько лѣсныхъ избушекъ было, а теперь всѣ онѣ гніютъ. Хлѣбопашество то же бросили, а теперь настоящимъ дѣломъ занялись на заводахъ; вонъ какіе заработки. За заводскихъ вишерцы Бога должны молить, потому свѣтъ теперь увидали; лапти бросили, сапоги надѣли, а вмѣсто лузановъ въ спинжаки одѣлись. Кто съ умомъ—теперь можетъ деньги нажить. Вотъ я собираюсь завтра въ контору сходить: руду открылъ очень хорошую. А вы, баринъ, не золото-ли копать прибыли?—неожиданно спросилъ онъ меня, сверкнувъ хитрыми своими глазками,—да вы сказывайте правду, я одно мѣсто знаю, такъ тамъ самородки, какъ тараканы въ избѣ, богатство...

Въ это время съ шумомъ ввалилась кучка зимогоръ и Кур. началъ прислуживать имъ. Онъ исключительно пропитывается около зимогоръ и въ домѣ его царитъ страшный развратъ. . Я поспѣшилъ уйти.

Посѣтилъ я мѣстнаго аборигена Петра Сысоича Усанина Семья его считалась раньше, до заводовъ самой зажиточной а самъ онъ однимъ изъ славныхъ вишерскихъ охотниковъ. Слѣды былой зажиточности видны и въ настоящее время въ хозяйственныхъ постройкахъ Усанина, но вѣяніе новаго времени наложило на все свою разрушающую печать и видимо, что хозяева не озабочены поддержаніемъ дома въ должномъ порядкѣ. Самъ Усанинъ крѣпкій старикъ 90 лѣтъ; онъ сохранилъ свою память, глаза его ясны; вообще, изъ себя онъ являетъ типъ вишерца-охотника, типъ къ сожалѣнію, быстро исчезающій

У Усанина сидѣли гости: мѣстный вогулъ Данило, горькій пьяница, съ опухшимъ лицомъ и нѣсколько мелкихъ заводскихъ служащихъ. Меня Усанинъ принялъ за конторщика, пришедшаго въ деревню изъ-за рѣки «погулять», какъ это здѣсь водится. Старикъ, какъ и слѣдовало ожидать оказался ярымъ консерваторомъ, защитникомъ старыхъ порядковъ, и съ умиленіемъ вспоминалъ о прошлой жизни:

— Прежде, до заводовъ, лучше было, занимались охотой и хлѣбъ сіяли. А какъ настали заводы—народъ пустился пьянствовать и поперишалъ (обѣднѣлъ). Хлѣбопашество бросили промыслы то-же и всѣ пируютъ... Че заробятъ —все пропьютъ!

— Ты много-то не болтай!—крикнулъ вдругъ Данило-вогулъ,—ты вогъ ему болташь, а намъ вреда отъ этого выйти можетъ! Богъ его знатъ, што онъ за человѣкъ такой! Ты што старо то время хвалишь. Таперича гли (гляди), каки заработки! Допрежъ того мы какъ звѣри, жили, а теперь мы бѣлый хлѣбъ ѣдимъ, чай пьемъ; гли—въ кажномъ домѣ самоваръ!..

— А кака тресья въ самоварахъ-то! сказалъ старикъ и смолкъ.

Тутъ началось угощеніе Заводскіе служащіе пили сами и подносили присутствующимъ. Данило вогулъ хмѣлѣлъ все болѣе и болѣе; вдругъ онъ заплакалъ.

— Продалъ я курьинскій лугъ, не видать мнѣ его больше!—жалобнымъ голосомъ сквозь слезы говорилъ онъ, растягивая слова,—продалъ N за 18 рублевъ въ годъ. А лугъ-то какой, братцы мои, верста съ лишнимъ. Сѣна-то, сѣна двѣ тысячи пудовъ тамока ставится... Сирота я горе горькая!.

— Дуракъ ты, дуракъ!—захмѣлѣвшимъ голосомъ упрекнулъ его старикъ,—ты-бы съ семьей своей сытъ былъ эфтимъ-то лугомъ па вѣки-вѣковъ. А онъ, нако-ся, што сдѣлалъ...

— Зачѣмъ же ты его отдалъ? спросилъ я Данилу.

— Нужда пришла, деньги занадобились шибко.

— Пропилъ онъ его,— вмѣшался одинъ изъ заводскихъ служащихъ,—они, вѣдь, здѣсь напьются, отца родного продадутъ Тутъ, у нихъ, торговцы-то наѣзжіе, всѣ луга законтрактовали а сѣно имъ выгодно на заводъ по 50. а то и по 70 копѣекъ пудъ ставятъ, а эти дураки имъ-же за водку и скосятъ его. Ловко ихъ тутъ обънегорили. Совсѣмъ стервецы, спились. Теперь почти безъ всего остались, только на зимогорахъ и выѣзжаютъ. А вѣдь по правдѣ-то, если разобрать, то эти самые вогулишки и есть настоящіе здѣсь хозяева.

— Знамо дѣло хозява!—ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ Данила,—эфто супротивъ закона у насъ землю отобрали. Все наше. Мы управу найдемъ. Намъ матушка Екатерина царица жертвовала всю землю отъ Полюдова камня до верховьевъ Вишеры, все въ нашу пользу, а насъ таперича тѣснятъ. Мы найдемъ управу, у насъ старая гумага есть; мы докажемъ...

— А ты знаешь, какимъ образомъ вамъ дарована эта земля? спросилъ я.

— А то какино. У насъ допрежъ того былъ свой князь, его, значитъ мы слушались. Только у князя такой былъ обвычай: если я, значитъ, женюсь, то перву ночь князь съ моей женой спитъ, такой, значитъ, обвычай. Вотъ одинъ вогулъ въ та поры женился. Князь послалъ за его бабой; па утро князь положилъ свою голову на колѣни къ вогулкѣ и велитъ вшей искать А мужу-то не въ терпежъ это пришлось, онъ схватилъ ножъ и пырнулъ князя. Потомъ вогулы и передались русскимъ. Екатерина царица и дала намъ эту землю Вотъ какъ было дѣло. Только толды не всѣ вогулы покорились русскимъ; много семей ушло за камень въ Березовъ, а здѣся осталось мало.

Во время нашей бесѣды гости выпивали да выпивали и, наконецъ, совершенно опьянѣли; началась руготня, нескладныя пѣсни и я вышелъ на улицу. Наткнулся на хороводъ. Нѣсколько дѣвушекъ играли кругомъ и пѣли фабричныя пѣсни циничнаго содержанія, занесенныя сюда зимогорами. Во время перерыва грызли кедровые орѣхи, ѣли конфекты и вели откровенные разговоры. Одѣты были всѣ въ ситцевыя платья, а на одной было даже какое-то подобіе шляпки.

— Глико ся, дѣвки!—воскликнула одна изъ дѣвицъ,—Ванька съ Микиткой идутъ, да—пья—яные! Вотъ смѣхота-то! Отъ земли парнишекъ не видно, а они, налакались, ровно большіе!

Въ самомъ дѣлѣ къ хороводу подвигались два мальчика, въ которыхъ я безъ труда узналъ моихъ лодочниковъ. Въ какомъ они видѣ! Оба шли пошатываясь. Визитки у нихъ были накинуты на одно плечо, въ зубахъ «цыгарки». Они всячески старались показать, что пьяны до послѣдней степени. Шатались изъ стороны въ сторону, икали, дѣлали видъ, что имъ дурно, ругались самымъ площаднымъ языкомъ, словомъ, продѣлывали всѣ манипуляціи, какія продѣлываютъ заправскія пьяницы.

Хороводъ встрѣтилъ ихъ веселыми восклицаніями и юнцы, подпѣвая циничной пѣсни, пошли съ кругомъ.

Грустно стало послѣ такой сцены и я пошелъ къ перевозу. Но мнѣ суждено было еще разъ наткнуться на безобразную картину. Проходя мимо одного огорода, я увидалъ совершенно пьяную старуху, которая во весь голосъ горланила: «Кругомъ я такъ осиротѣла!»...

— Хорошо-ли я пою?—обратилась она ко мнѣ, прерывая свою пѣсню,—это всѣ

гряды мои, я лукъ хочу рѣзать, а тамъ Медвѣдихи гряды, она сволочь!.. А ты, конторской, иди ко мнѣ, за виномъ сбѣгаю, деньги дай... У меня дочь есть!.. Хорошая дѣвка! баская! Она тебя разуважитъ... Иди...

Я спѣшилъ скрыться, старуха пришла въ ярость.

— Подлецъ ты, конторской! Всѣ вы подлецы, споили насъ. Перебить васъ надо, стервецовъ!..

Довольно, читатель! Прошу прощенія за описанныя сцены. Что-же дѣлать, если такова дѣйствительность, если такъ сложилась жизнь, а закрывать на нее глаза едва-ли разумно, а главное—едва-ли гуманно...

Еще нѣсколько разъ послѣ этого посѣтилъ я Усть-Улсъ. Мнѣ хотѣлось увидать вогульскія грамоты, о которыхъ они такъ много говорятъ и на которыя съ дѣтскимъ легковѣріемъ возлагаютъ фантастическія надежды. Но до грамотъ было трудно добраться. Сами вогулы не знали, у кого въ настоящую минуту хранятся бумаги и при безшабашномъ пьянствѣ, ни на минуту не прекращающемся, трудно было добиться какого-нибудь толку. Наконецъ, я рѣшилъ обратиться къ своему знакомцу Данилѣ. Зашелъ къ нему утромъ и засталъ его въ мукахъ жестокаго похмѣлья. Онъ мрачно поѣдалъ какую-то тюрю изъ кваса и хлѣба. Въ его маленькой избушкѣ было грязно и дымно. Нѣсколько ребятишекъ играли на полу; слѣпая старуха-мать качала въ люлькѣ ребенка.

— Да, у тебя, Данило, большая семья, заговорилъ я.

— Много, батюшка, у Данилы насъ на хлѣбахъ живетъ, только вотъ хлѣбушка нѣту, отвѣтила за него мать.

Данило мрачно молчалъ.

Я понялъ, что для достиженія моей цѣли надо разогнать эту мрачность болѣе дѣйствительнымъ средствомъ.

Немного погодя съ повеселѣвшимъ Данилой я началъ обходить вогульскіе дворы въ поискахъ за грамотами; не легкое это было дѣло. Грамоты куда-то запропали. Наконецъ, пришли въ избу къ какому-то Федору Соловарову, гдѣ сидѣла пьяная компанія. Грамоты оказались тутъ. Хозяинъ приказалъ своей женѣ принести ихъ; она пошла въ «голбецъ» и вынесла деревянную шкатулку, въ которой безпорядочной кучей лежали разныя бумаги. Я принялся ихъ разсматривать. Присутствующіе вогулы заинтересовались моими поисками и пьяными голосами упрашивали меня:

— Ты ужъ похлопочи за насъ! Мы тебѣ заплатимъ!..

Настоящихъ документовъ тутъ не оказалось: были копіи и притомъ самаго сомнительнаго качества. Видимо, что онѣ нѣсколько разъ переписывались и смыслъ ихъ постоянно искажался. Такъ, напримѣръ, тутъ находился одинъ длинный свитокъ, съ потеряннымъ концомъ, переписанный не раньше 30-хъ годовъ нашего столѣтія. Это была челобитная на имя государей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и Софьи Алексѣевны (sic). Въ ней били челомъ «нищія бѣдныя сироты чердынскаго уѣзда вишерскіе и верхъ-печерскіе ясашные вогуличишки сотникъ Ивашко Тулковъ, десятникъ Самсонко Дѣйковъ съ товарищи на обиды, чинимыя имъ русскими низовьевъ Вишеры». Въ челобитной указывалось, что раньше вогулы ясакъ свой, состоящій «изъ четырехъ сорока семи соболей въ годъ», они платили аккуратно. Но нынче настали тяжелыя времена: «въ чердынскихъ вогульскихъ ясашныхъ угодьяхъ звѣря и рыбы стало меньше; сверхъ того, въ тѣ ясашныя старыя угодья русскіе люди учинились ходить для звѣриной добычи за Кваркушъ и за Березовскій камень и для рыбной ловли отъ Морчану по Вишерѣ рѣкѣ до вершинъ и въ тѣхъ ясашныхъ угодьяхъ почали рыбу вылавливать большими неводами и отъ тѣхъ, государи, неводовъ въ рѣкѣ Вишерѣ стало безрыбно и мы, сироты, отъ русскихъ людей въ томъ стали изобижены и голодны»...; далѣе сообщалось, что «раньше этого не было и по писцовымъ книгамъ мѣста эти значатся за вогулами, а теперь стало совсѣмъ плохо и мы задолжали сибирскимъ вогуличамъ большими неоплатными долгами звѣри ушли отъ насъ за камень въ пармовыя мѣста, многія собаки у насъ померли и промышлять стало нечѣмъ»...

Придавать этой челобитной какую-либо историческую цѣнность—рисковано. Она вся переполнена анахронизмами: помѣчено, что писана въ 1775 году, а обращена къ

государямъ Іоанну, Петри Алексѣевичами и Софіи Алекс. (!?)...

Другой-же документъ имѣетъ болѣе цѣнности и достовѣрности. Такъ какъ вогулы имъ очень дорожатъ и на основаніи его считаютъ себя собственниками края, то я привожу его цѣликомъ:

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ соликамской воеводской канцеляріи. Чердынскаго уѣзда ясашные новокрещенные вогулы сотникъ Егоръ Андреевъ Соловаровъ и Кондратій Семеновъ Бахтіаровъ съ товарищи сего мая, поданнымъ въ соликамскую канцелярію вы доношеніемъ представили прошлаго-де 1774 года августа 3 дня во время бытности въ жительствѣ вашемъ села Верхъ-Язьвы Рождественской церкви священника Іосифа Собянина для исправленія подлежащихъ по духовности и для крестьянъ потребъ, отдали вы ему, священнику, имѣющуюся у васъ жалованную въ давнихъ годахъ грамоту и просили его, священника, чтобъ совершенно за ветхостью съ оной списать вамъ точную копію, который для списыванія и увезъ въ домъ свой, а въ томъ мѣсяцѣ онаго священника домъ со всѣмъ строеніемъ и пожитками невѣдомо какимъ случаемъ сгорѣлъ и какъ вы ту жалованную грамоту у него, священника, стали требовать, онъ вамъ объявилъ, что и реченная ваша грамота въ тотъ случившійся пожаръ сгорѣла и для подлинной въ томъ вѣроятности далъ вамъ за своею рукою объявленіе, которое вы на разсмотрѣніе приложили при томъ доношеніи и просили, чтобы о владѣніи показанными уже въ данномъ отъ священника Собянина объявленіи вогулитцкими звѣриными промыслами и чтобы паче чаянія не могъ кто посторонній оными завладѣть дать вамъ отъ здѣшней канцеляріи письменное позволеніе также и данное отъ вышереченнаго священника объявленіе подлиное или съ него съ засвидѣтельствомъ канцеляріи точную копію, дабы вы, въ случаѣ какихъ-либо въ тѣхъ угодьяхъ съ кѣмъ споровъ, могли себя оправдать: справедливо въ ономъ приложенномъ объявленіи показано, что та грамота дана была просителямъ Рычкову да Ивану Елесину въ ней упомянуты были вогулитцкимъ владѣньемъ съ востоку по вершинамъ рѣкъ: Лозьвы, Койвы и Картвы, съ полудня въ низъ по Лозьвѣ отъ деревни Якшины до Половинной и деревни Квасовой верхотурскаго вѣдомства на Удыль и Черной горѣ по Шелегуру, отъ Усть-Чурка къ Шагалтану по Сосьвенской гривѣ въ верхъ Колышки до Усть-Оленьи рѣчки по верхнему озеру на Турью и Какву, съ западу: по язьвинскимъ вершинамъ по Кваркашу и Помяненному камню, съ сѣверу: съ Усть-Банной рѣчки до вершины Печеры, того ради по указу Ея Императорскаго Величества и по резолюціи соликамской воеводской канцеляріи велѣно вамъ —сотнику Соловарову съ товарищи съ прописаніемъ вышеписаннаго дать указъ, чего ради сей по означенному отъ священника Собянина засвидѣтельствованію съ прописаніемъ вышеписаннаго и данъ, съ тѣмъ, что, ежели въ оныя дачи кто будетъ вступаться, то вамъ съ тѣми ступальщиками ссоръ и дракъ отнюдь не чинить подъ жестокимъ наказаніемъ, а просить на тѣхъ вступальщиковъ въ соликамской канцеляріи, почему всякое законное удовольствіе вы получите, ибо вамъ сей указъ опредѣлено дать, такъ и съ явочныхъ челобитенъ копіи даются по единому засвидѣтельству отъ священника. Мая 19 дня 1775 года. Воевода Алексѣй Борисовъ.

Изъ разспросовъ у стариковъ мнѣ удалось выяснить слѣдующее.

Лѣтъ 60 тому назадъ Усть-Улсъ населяли исключительно осѣдлые вогулы. Но потомъ къ нимъ начали переселяться русскіе охотники изъ деревень Акчима и Писаной. Вогулы стали смѣшиваться съ русскими, утратили свой языкъ, свои національныя черты и совершенно ассимилировались съ пришельцами, которыхъ потомъ оказалось большее количество. Въ настоящее время вогульскихъ дворовъ числится всего 12, а всѣхъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ вогулъ, не болѣе 100—120 человѣкъ. Потомки вогулъ отличаются отъ русскихъ большей красотой. Это все брюнеты съ прекраснымъ цвѣтомъ лица. О вогульскомъ ихъ происхожденіи свидѣтельствуютъ широкій носъ и выдающіяся скулы. Но теперь, когда все вишерцы сдѣлались злостными алкоголиками, племя это быстро вырождается. Въ особенности замѣтно вырожденіе на молодомъ поколѣніи, возбуждающемъ самыя грустныя мысли...

Вообще, усть-улсинцы народъ обреченный. Только два могучихъ фактора могли-бы реставрировать народную нравственность, вывести ихъ изъ скотскаго состоянія, въ какомъ они теперь обрѣтаются. Факторы эти: церковь и школа. Но не воздвигается ни того, ни другого. За то процвѣтаетъ кабакъ, дающій годового дохода около тридцати тысячъ!.. Да, усть-улсинцы обречены на погибель.. Жили они до сихъ поръ тихо, смирно, занимались охотой, хлѣбопашествомъ, не знали роскоши и считали себя счастливыми людьми. Но вотъ цивилизація внезапно врывается въ ихъ дикій край, коверкаетъ и ломаетъ жизнь обитателей, развращаетъ ихъ, понемногу стираетъ съ лица земли.. Бѣдные дикари ошеломлены, они не понимаютъ, что такое творится вокругъ нихъ: они видятъ только приманки цивилизаціи: богатую поденьщину, самовары, бѣлый хлѣбъ, ситцы и водку, водку, водку... Они жадно бросаются на эти приманки и гибнутъ отъ нихъ.. Таковъ неумолимый законъ природы и vae victis!..

V.

На шитикѣ съ зимогорами.

> — Однако, братъ, насчетъ сквернословія-то у васъ здѣсь свободно! обращаюсь я къ одному изъ обозчиковъ.
> — Отъ самаго Селижарова и вплоть до Астрахани у насъ эта рѣчь идетъ!
> — И понимаете другъ друга?
> — Въ лучшемъ видѣ!..
>
> *Н. Щедринъ.*

24-го мая.

— Да будетъ вамъ ругаться-то, черти вы этакіе! не выдержалъ, наконецъ, Андрей Ивановичъ.

Но голосъ его оказался «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Зимогоры, оборванные, грязные, пьяные, продолжали осыпать другъ друга самыми отборными ругательствами. Они вошли въ азартъ и едва ли сами ясно сознавали кого и за что ругаютъ; но потребность, хоть въ сквернословіяхъ, вылить всю накопившуюся горечь въ ихъ душахъ заставляла ихъ производить весь этотъ невообразимый шумъ.

— Ну, и народецъ! Что ты тутъ съ нимъ подѣлаешь! разводилъ руками Андрей Ивановичъ.

Два слова о герояхъ этой сцены.

Андрей Ивановичъ Ф. уроженецъ торговаго села Покчи и служитъ у крупныхъ чердынскихъ купцовъ — Алиныхъ Какъ большинство зажиточныхъ покчинцевъ, онъ очень степененъ и всякое дѣло совершаетъ обдумавши, а главное, съ молитвой. У него масса примѣтъ и онъ имъ свято вѣритъ. Какъ служащій—незамѣнимъ: преданъ хозяевамъ и свято стоитъ за ихъ интересы. Онъ носитъ широкую окладистую бороду, въ глазахъ его свѣтится умъ и веселость; особенно нравится мнѣ его добродушная улыбка Одѣвается онъ въ простой мѣщанскій костюмъ. Разговоры его интересны и показываютъ бывалаго, наблюдательнаго человѣка.

Въ настоящее время купцы Алины занялись, между прочимъ, золотопромышленностью. Ихъ пріиски находятся на одномъ изъ притоковъ Велса, въ 100 верстахъ слишкомъ отъ Усть-Улса. Андрей Ивановичъ обязанъ доставить туда съѣстные припасы. Порученіе это, благодаря отдаленности края и отсутствію дорогъ, не изъ легкихъ. До Усть-Улса припасы на шитикѣ были доставлены пароходомъ, теперь-же надлежало двигать ихъ дальше пока возможно на шитикѣ, а потомъ на болѣе легкой лодкѣ Главное затрудненіе состояло въ отысканіи рабочихъ. Два дня бился Андрей Ивановичъ и кое-какъ подрядилъ 12 человѣкъ зимогоръ. Не легкое это было дѣло! Объясненія приходилось вести съ пьяными людьми, которые едва-ли отдавали себѣ въ чемъ нибудь отчетъ.

И вотъ, назначенный для отвала день наступилъ, а зимогоры все еще плохо собирались. Да и собравшіеся—въ какомъ видѣ предстали! Я видалъ такъ называемыхъ «золоторотцевъ» въ большихъ городахъ, но тѣ имѣли болѣе человѣческіе облики и были франтами сравнительно съ вишерскими зимогорами... Босые, въ изорванныхъ

рубахахъ, съ распухшими отъ пьянства лицами, они производили ужасающее впечатлѣніе. Главное, поразительно было полное отсутствіе теплаго платья и это въ климатѣ, гдѣ снѣгъ даже въ іюнѣ мѣсяцѣ обычное явленіе!.. Но зимогоры все пропили и, благодаря этому, вновь должны приняться за тяжелую работу, а заработанныя деньги, конечно, вновь пропить

— Да скоро ли, черти этакіе, соберетесь? Еще троихъ не хватаетъ! волновался Андрей Ивановичъ.

— А ты што нами командуешь!—вдругъ накинулся на него одинъ изъ болѣе пьяныхъ зимогоръ,—ты думашь нанялъ насъ, такъ мы рабы твои стали, нѣтъ, врешь! Ты честью проси, такой-сякой, и посыпался цѣлый залпъ отборныхъ ругательствъ.

— Ну, вотъ, что съ ними подѣлаешь! повторялъ Андрей Ивановичъ. Онъ видимо боялся, что зимогоры разбѣгутся и пока мирволилъ имъ.

А время шло. Нашъ шитикъ неподвижно стоялъ у берега около деревни, а рабочіе все еще не всѣ собрались. Наконецъ, двоихъ выволокли съ сосѣдняго сѣновала, гдѣ они прикурнули, а третьяго привели въ самомъ растерзанномъ видѣ Андрей Ивановичъ торопился отправленіемъ. Но какъ истый покчинецъ онъ не могъ безъ обряда совершить это. Онъ въ носу шитика прикрѣпилъ икону, которая все время пути находилась тутъ, и крикнулъ зимогорамъ:

— Молитесь Богу!

Но призывъ его затерялся среди несмолкавшихъ ни на одну минуту ругательствъ, которыми зимогоры осыпали другъ друга. Нѣкоторые изъ нихъ что-то варили на берегу, а другіе опрокинули это варево и подняли страшный шумъ.

Андрей Ивановичъ выходилъ изъ себя. Безъ общей молитвы онъ ни за что не рѣшался тронуться въ путь. Наконецъ, съ большимъ трудомъ удалось ему усадить въ шитикъ зимогоръ и водворить минутное молчаніе, послѣ чего было совершено молитвословіе. Намъ надо было переправиться на ту сторону Вишеры и идти послѣ бечевой. Поднялась страшная суматоха. Всѣ схватили шесты и безъ толку стали толкаться ими. Брызги воды летѣли во всѣ стороны и мочили насъ и багажъ. Страшно было за рабочихъ: того и гляди, упадутъ въ воду. Кое-какъ переправились на ту сторону и послѣ долгой перебранки зимогоры впряглись въ бечевую. Андрей Ивановичъ стоялъ у руля. Крики, пѣсни, сквернословія... Нѣкоторые падали, ругались и опять шли. Черезъ сто шаговъ остановились.

— Андрей Ивановичъ! пора на ночевку: вонъ сколько тутока дровъ!

— Погодите, окаянные! Дайте уйти отъ пьяной деревни.

Опять сыплются градомъ ругательства.

Версты черезъ двѣ, когда ненавистный Усть-Улсъ скрылся изъ глазъ Андрея Ивановича онъ далъ знакъ остановиться на ночлегъ. Еще не успѣли пьяные бурлаки причалить шитикъ и развести огни, какъ обступили со всѣхъ сторонъ своего лоцмана и стали требовать водки. Но А. И. зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Хоть разорвите меня—не получите сегодня, а вотъ завтра въ обѣдъ подамъ.

Крики, шумъ, ругательства.

— Да ты хошь одежу дай намъ, хошь бахилы, што мы босикомъ што-ли по камнямъ пойдемъ!

— Бахилы я вамъ дамъ, и онъ желающимъ роздалъ одежду и обувь.

— Почему-же вы въ деревнѣ имъ не дали этихъ вещей? спросилъ я у Андрея Ивановича.

— Да вы не знаете этихъ людей! Въ прошломъ году самъ хозяинъ съ нами ѣхалъ, такъ испугался, увидамши этихъ оборванцевъ, ему въ диковинку было. Вотъ онъ отъ добраго сердца и приказалъ выдать имъ одежду и обувь. А они что сдѣлали? Сбѣжали въ село, да моментально пропили все съ себя, а на утро опять оборванцами явились. Знаю я ихъ!..

Вечерокъ становился холодноватъ. Отъ Вишеры пошелъ бѣлый туманъ. Даже въ мѣховомъ полушубкѣ было не тепло. Шитикъ ничѣмъ отъ дождя не защищенъ и спать мы должны на землѣ. Андрей Ивановичъ около одного костра разложилъ одѣяльницу, подушки, шубу и пригласилъ меня лечь съ нимъ. Мы потомъ все время спали вмѣстѣ. Я не зналъ еще суроваго характера горныхъ ночей и не былъ къ нимъ приготовленъ и не знаю, что-бы мнѣ пришлось дѣлать безъ моего любезнаго спутника.

Долго еще вокругъ меня шумѣли зимогоры, долго не могъ я освоиться съ новой обстановкой, но усталость взяла свое и подъ утро я забылся благодатнымъ сномъ.

25-го мая.

Роскошное безоблачное утро не могло разогнать мрачнаго настроенія зимогоръ отчаянно страдающихъ муками похмѣлья; куда и дѣвалась вчерашняя оживленность! Молчаніе нарушалось только какимъ-нибудь отдѣльнымъ ругательствомъ недовольнаго бурлака. Утренняя свѣжесть давала себя чувствовать и, пронимаемые дрожью, мы столпились около огня. Зимогоры начали просить опохмѣлиться. Въ особенности настаивалъ на этомъ одинъ, по фамиліи Макаровъ. Онъ родомъ нижегородской губерніи и уже 6 лѣтъ «зимогоритъ» на Вишерѣ. Это длинный мускулистый мужикъ лѣтъ сорока, съ рыжими волосами и опухшимъ лицомъ. Онъ первый началъ:

— Пожалуста, Андрей Ивановичъ, дай опохмѣлиться! въ галавѣ харчитъ!

Но Андрей Ивановичъ уже перемѣнилъ свой тонъ и сурово отвѣчалъ:

— Здѣсь вамъ не Усть-Улсъ! Это вы тамъ, какъ встанете, сейчасъ за водку. Ѣшьте лучше, да пейте чай.

— А чортъ-ли намъ въ чаю! Дай пожалуйста по стаканчику.

Ан. Ив. былъ неумолимъ. Зимогоры начали отчаянно ругаться, грозили уйти, но ничто не могло поколебать рѣшенія лоцмана. На первый разъ онъ позволилъ бурлакамъ прохлаждаться до 10 часовъ утра. Наконецъ, закусивши и напившись чаю, тронулись въ путь. Но плохо спорилась работа! Шли мы такъ: Андрей Ивановичъ стоялъ у руля, четыре зимогора длинными шестами «пехались» съ шитика, а остальные 8 человѣкъ шли бечевой. Видя съ какимъ трудомъ совершается передвиженіе, я все время съ ружьемъ за плечами шелъ берегомъ. Двигались тихо, не болѣе трехъ верстъ въ часъ.

Верстъ черезъ пять была сдѣлана остановка для обѣда. Зимогоры оживились: они знали, что передъ обѣдомъ Андрей Ивановичъ подастъ имъ водки. Не успѣли они хорошенько повѣсить надъ кострами котелки съ солониной и кашей, какъ обступили со всѣхъ сторонъ лоцмана, требуя немедленно водки. Съ какимъ наслажденіемъ они пили ее! Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ она оказала свое дѣйствіе на усталыхъ и голодныхъ зимогоръ: они начали изъ-за пустяковъ затѣвать другъ съ другомъ ссоры, кричать и ругаться самымъ отчаяннымъ образомъ.

— Ну, и народецъ! выпили и сразу зашаяло въ башкахъ. Да замолчите-же, черти этакіе! возмущался Андрей Ивановичъ.

— Ребята, давайте еще по стаканчику просить! Андрей Ивановичъ подастъ, онъ добрый! крикнулъ одинъ изъ зимогоръ.

— Вѣрно, вѣрно! — вторили ему другіе,—ребята, давайте качать Андрея Ивановича!

Насилу тотъ спасся бѣгствомъ, а вина больше, несмотря на ругательства, все-таки не далъ.

Часа два ушло на обѣдъ и пустую болтовню; съ большимъ трудомъ Андр. Иван. заставилъ двинуться дальше.

А какими красивыми мѣстами мы проходили! Да, чудно хороша эта холодная красавица Вишера! Какія скалы, горы! А эта свѣжая зелень, эти распустившіяся березки!.. Солнце съ безоблачнаго неба отражалось въ кристальныхъ водахъ Вишеры, освѣщая дно, усѣянное разноцвѣтными камешками... Но зимогоръ не трогали красоты природы, они шли мрачно и черезъ пять верстъ опять зароптали:

— Не хотимъ больше идти! Водки мало даютъ! Мы не лошади, што бы черезъ силу работать...

Принужденъ былъ Андрей Ивановичъ сдѣлать привалъ на ночлегъ.

Опять задымились костры, повисли надъ ними чайники, котелки. Вокругъ огней рабочіе развѣсили свою промокшую обувь, одежду.

Я внимательно присматривался къ своимъ спутникамъ. Это была самая разнокалиберная компанія. Тутъ находились и молодые и старые, и всѣ съ разныхъ концовъ матушки Руси. Чуть не всѣ губерніи имѣли тутъ своихъ представителей. Большинство, конечно, были крестьяне, но имѣлся одинъ поповичъ, два мѣщанина, а одинъ даже личный гражданинъ. И все это спившійся, потерянный людъ. Особенно

типичнымъ зимогоромъ былъ Макаровъ, о которомъ я уже упоминалъ. Его исторія, похожая на исторію другихъ зимогоръ, даетъ представленіе объ этой категоріи людей.

Около шести лѣтъ тому назадъ Макаровъ прибылъ на Кутимскій заводъ въ качествѣ рабочаго. Въ первый годъ ему удалось скопить изрядную сумму и онъ отослалъ на родину своей семьѣ часть заработка. Ему и на родинѣ жилось не дурно, онъ тамъ имѣлъ свое хозяйство, большую семью, но соблазнился заработками здѣшнихъ заводовъ. Проработавъ годъ, онъ уже хотѣлъ ѣхать на родину, но на свою бѣду попалъ въ Усть Улсъ. Пьяная, разнузданная жизнь этого мѣстечка втянула его и онъ въ нѣсколько дней пропилъ свой годовой заработокъ. Опять пошелъ работать и на этотъ разъ, сколотивъ нѣсколько десятковъ рублей, прямо явился въ развеселый Усть-Улсъ. Денегъ конечно, хватило не на долго и несчастный быстро спился окончательно и превратился въ заправскаго «зимогора», т. е. совсѣмъ въ погибшаго человѣка. Года черезъ два къ нему явилась жена со старшимъ сыномъ, парнемъ лѣтъ восемнадцати. Она, не получая вѣстей отъ пропавшаго мужа, страшно встревожилась и изъ нижегородской губерніи рѣшила ѣхать въ такую даль! Но не на радость она пріѣхала! Нечего описывать ее отчаяніе при видѣ спившагося мужика... А затѣмъ... затѣмъ усть-улсинскій развратъ втянулъ и ее, и вотъ теперь около четырехъ лѣтъ вся эта семейка пробивается въ Усть-Улсѣ и всѣ трое пьютъ отчаянно. Сынъ также вошелъ во вкусъ этой жизни и сдѣлался тоже зимогоромъ и теперь находится въ нашей артели вмѣстѣ со своимъ отцомъ, съ которымъ они постоянно ругаются.

Обогрѣвшись и обсушившись около костровъ зимогоры принялись за ужинъ. Сытый желудокъ привелъ ихъ въ болѣе веселое настроеніе духа и они на время прекратили свои ругательства. Посыпались забористыя, бурлацкія шутки.

— А ты, Андрюха, котору зиму зимогоришь? добродушно спрашиваетъ одинъ зимогоръ другого.

— Да третью ешшо. Все хочу деньжонками подкрѣпиться, да пропиваю, лѣшакъ его возьми!..

Веселый хохотъ покрываетъ это признаніе.

Бѣлая, холодная ночь тихо спустилась въ долины; смолкли разговоры, всѣ спали.

26-го мая.

Какъ непріятно просыпаться на свѣжемъ воздухѣ въ холодное утро! Вылѣзаешь изъ подъ теплой шубы, мокрой отъ росы, дѣлаешь нѣсколько отчаянныхъ сальтомортале и, дрожа, бѣжишь къ костру, гдѣ уже толпятся продрогшіе зимогоры. Сегодня они проснулись раньше. Одинъ разсказываетъ про свой сонъ:

— Видѣлъ я, братцы, быдто домой попалъ. А сынишка у меня уже подросъ и спрашиваетъ у меня: гдѣ это ты, тятька, шлялся столько лѣтъ? А я его какъ хвачу корчагой по башкѣ—онъ и упалъ бездыханно!.. Я испугался и проснулся, давай скорѣй къ огню грѣться!

Но зимогоры не обращаютъ вниманія на его сонъ, они мрачны. Одинъ накинулся на молодого парня, родомъ изъ Усолья.

— Ты, чертовъ сынъ, куды мой топоръ дѣвалъ?

— Никакого лѣшаго я не видалъ. Убирайся!

— Ахъ ты усольскій стрижъ! Да я тебя какъ хвачу!

— Да ты што ругашься здря! Самъ ты чердынскій векшоѣдъ!

— А такъ я векшоѣдъ? наступаетъ онъ на парня.

— Знамо дѣло векшоѣдъ! Всѣ вы чердынцы векшой подавились, проклятые!

— А ты вотъ какъ! и начинается драка; насилу розняли..

Въ путь тронулись въ десять часовъ; все прохлаждались за чаемъ и не слушали упрашиваній Андр. Ив.

Вишера становится все живописнѣе. Видѣнъ вдали «Пропащій» камень со снѣжной вершиной. На пути часто попадаются дамбы, устроенныя инженеромъ Великановымъ. Благодаря имъ русло рѣки углублено достаточно. Какъ бѣшено клокочетъ вода объ эти дамбы!

Все время параллельно рѣкѣ въ лѣсу проложена довольно обширная тропа.

— Это все рабочіе идутъ на золотые пріиски,—объяснилъ мнѣ Андрей Ивановичъ,—они и проторили эту тропу. За

лѣто то ихъ тутъ нѣсколько тысячъ пройдетъ.

Частенько попадали намъ такіе путники, большей частью татары. Идетъ такой бѣднякъ, нагруженный какъ лошадь, идетъ сотни верстъ по пустынному лѣсу и часто возвращается обратно ни съ чѣмъ: рабочихъ на пріискѣ много и для него нѣтъ мѣста!..

Сегодня зимогоры идутъ лучше, видимо втягиваются въ работу. Передъ обѣдомъ имъ опять подали по стаканчику; опять они зашумѣли и начали требовать прибавки. Особенно настойчивъ Макаровъ.

— Ты нищему на паперти не подай,— умоляетъ онъ Андрея Ивановича,—а зимогору вина дай!

Во время обѣда съ сосѣдней горы спустились два всадника; когда они подъѣхали къ намъ, Андрей Ивановичъ узналъ въ нихъ пріисковыхъ служащихъ, посланныхъ для помощи намъ.

— У васъ тутъ лѣто,—удивлялись они, —вонъ травы какія, а тамъ на пріискѣ еще снѣгу въ лѣсу не оберешься!

Наши бурлаки первымъ долгомъ справились, есть-ли на пріискѣ зимогоры.

— Есть, есть!—съ улыбкой отвѣчали вновь прибывшіе,—два человѣка: Яшка Пропащій, да Сенька.

— Вотъ работаютъ же наши,— разсуждали зимогоры,—можетъ и насъ примутъ.

Андрей Ивановичъ началъ разспрашивать какъ идетъ добыча золота.

— Да все ешшо на настоящую точку напасть не могутъ. Хорошенько-то не принимались, торфа пока снимаютъ.

Въ этотъ день прошли немного больше вчерашняго. На ночлегъ остановились въ очень живописномъ уголкѣ, у подножія скалъ. Около костровъ началась обычная суета и долго воздухъ оглашался ругательствами. Наконецъ, усталые рабочіе погрузились въ сонъ и все смолкло.

Но я не могу спать въ эти дивныя, бѣлыя ночи. Я влѣзъ на одну изъ прибрежныхъ скалъ и сталъ любоваться раскинувшейся передо мной картиной. Вокругъ громады горъ высоко подымали свои вершины на встрѣчу свѣтло голубому беззвѣздному небу. Внизу темнѣетъ лѣсъ и Вишера, журча на переборахъ, вьется бѣлой лентой. Чудное зрѣлище! О, великая матьприрода! Какъ часто утомленный житейской борьбой и житейскими невзгодами я прибѣгалъ къ тебѣ разстроенный, мрачный и въ тебѣ одной черпалъ бодрость и силу для дальнѣйшей борьбы за существованіе!..

А вонъ у самаго берега дымится огонекъ потухающаго костра. Вокругъ чернѣютъ фигуры спящихъ зимогоръ. Спите, дѣти несчастія и порока! Спите! Вамъ нуженъ сонъ, чтобы возстановить силы на завтрашнюю тяжелую работу... Я вижу, какъ нѣкоторые изъ васъ корчатся отъ холода подъ дырявыми зипунишками, другіе о чемъ-то вскрикиваютъ во снѣ, то

Сны тяжелые витаютъ
Надъ ихъ безпутной головой!..

Спите-же спокойно! Хотя и погибшія вы созданія, но все же вы люди, вы мои братья! И много надо взять на себя, чтобы кинуть въ васъ камнемъ, что-бы съ презрѣніемъ отъ васъ отвернуться. Пусть такъ поступаютъ фарисеи, а я братски протягиваю вамъ свою руку, ибо увѣренъ, что еще не окончательно погасла въ васъ «искра Божія!.»

27-го мая.

Часто на пути намъ встрѣчаются громадныя площади съ выжженнымъ лѣсомъ. Мѣста эти поросли молодымъ березнякомъ. Андрей Ивановичъ передавалъ мнѣ, что лѣса раньше жгли сами вишерцы, чтобы отогнать подальше кочующихъ инородцевъ, какъ соперниковъ по охотѣ.

Заводская администрація старается захватить по Вишерѣ всѣ мѣста съ признаками рудорожденій, и мы встрѣтили на пути нѣсколько развѣдочныхъ партій. Въ болѣе богатыхъ рудорожденіяхъ заводъ поставилъ дома, къ которымъ проведенъ телефонъ, все время идущій по берегу вплоть до верхняго Чувала. Какая масса дровъ и лѣса заготовлена заводомъ! Заботится заводъ также и о пріобрѣтеніи луговъ и многіе острова теперь очищаются подъ сѣнокосы.

Сегодня передъ нашими взорами появилась знаменитая гора Юбрышка. Словно киль гигантской лодки высоко поднимаетъ она свою круглую, совершенно лишенную растительности, голову къ небу. Сѣроватый цвѣтъ этого гиганта, съ полосами снѣга, ярко выдѣляется на голубомъ фонѣ. Тутъ

мы должны оставить красавицу Вишеру и продолжать путь по стремительному Велсу, при устьѣ котораго расположены постройки бывшаго «Общества привишерскихъ заводовъ». принадлежащія нынѣ французской компаніи. «Общество», оказавшееся мертворожденнымъ, думало начать эксплоатацію юбрышкинской руды и съ этой цѣлью возвело много построекъ для будущаго завода у подножія Юбрышки; выбранное мѣсто по нѣкоторымъ соображеніямъ оказалось неподходящимъ и заводъ думали основать при устьѣ Велса, но построивъ нѣсколько жилыхъ домовъ, амбаровъ, «общество» ликвидировало свои дѣла

Теперь на Велсинской пристани живутъ служащіе французской компаніи—смотритель и телефонщикъ.

Мы съ Андреемъ Ивановичемъ зашли къ смотрителю. Дорогой я могъ убѣдиться, какъ много здѣсь потрудились надъ мѣстностью, чтобы сдѣлать ее обитаемой. Въ скалистомъ берегу были вырублены ступени; нѣсколько скалъ взорвано, а къ Юбрышкѣ вела прекрасная дорога съ канавами по обѣимъ ея сторонамъ. По этой дорогѣ и должна была доставляться руда къ доменнымъ печамъ, мѣсто для которыхъ тоже было выбрано. Болото кругомъ осушено и былъ устроенъ прекрасный кирпичный сарай и распланированъ весь заводъ. Но всѣ замыслы рушились и французы часть построекъ переплавили теперь на Вижаиху, а остальныя разрушаетъ время и непогоды. Кирпичный сарай сгорѣлъ, подожженный, говорятъ, подрядчикомъ, которому отказали въ работѣ... И воцарилась здѣсь «мерзость запустѣнія»...

Изъ окна смотрительскаго дома открывался чудный видъ на окрестности. Внизу, отражая въ себѣ солнечные лучи, змѣилась Вишера среди скалистыхъ береговъ; на той сторонѣ шли лѣсистые холмы, а на горизонтѣ голубѣлъ хребетъ Березовскаго камня, весь покрытый бѣлымъ, блестящимъ снѣгомъ. Картина была такъ чудно хороша, такъ величественна, что не хотѣлось отъ нея отрываться.

Послѣ чаю мы отправились осматривать знаменитую велсинскую пещеру. Начинается она въ долинѣ и входъ въ нее очень просторный. Когда мы зажгли свѣчи, то увидали такую картину: потолокъ, сажени въ четыре вышины, весь усѣянъ кристаллами снѣга, который таялъ и каплями падалъ на полъ, гдѣ опять замерзалъ, и образовывались громадные сталактиты льда. Весь полъ также былъ покрытъ мокрымъ льдомъ, такъ что идти было опасно. Пещера углублялась ниже и мы отправились дальше. Своды все возвышались и корридоръ становился шире. Дальше ужъ не было сырости и полъ весь усѣянъ обломками камней, а большею частью мелкимъ известнякомъ. Дойдя до середины пещеры, мы невольно залюбовались представившимся зрѣлищемъ: потолокъ въ видѣ купола уходилъ далеко кверху; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ спускались до самой земли каменные столбы; полъ былъ чистый и сухой. Вся обстановка напоминала средневѣковый, готическій храмъ. Зрѣлище приняло еще болѣе эффектный видъ, когда мы зажгли факелы. Тысячи огоньковъ заблестѣли въ сталактитахъ потолка... Дальше пещера поднималась выше и мы скоро дошли до ея конца; тутъ образовалась небольшая комнатка съ низкимъ потолкомъ, сплошь испещреннымъ русскими и французскими фамиліями бывшихъ здѣсь туристовъ. Тѣмъ-же порядкомъ вернулись мы на свѣтъ Божій, гдѣ насъ сразу обдало и свѣтомъ и тепломъ. Длина пещеры имѣетъ 103 сажени. Не далеко отъ нея для заводской надобности копали землю и нашли старинную кольчугу и шлемъ. Не служила-ли эта пещера когда-нибудь убѣжищемъ для чуди?

Отдохнувъ немного на велсинской пристани, мы двинулись дальше. Подвигаться по Велсу было въ тысячу разъ тяжелѣе, чѣмъ по Вишерѣ. Тутъ теченіе гораздо быстрѣе, а главное, все дно усѣяно камнями, столкновеніе о которые грозитъ шитику большими опасностями. Но главная бѣда въ томъ, что здѣсь нѣтъ бечевника, какой на Вишерѣ. Кусты часто стоятъ у самой воды и бѣднымъ зимогорамъ надо или перекидывать веревку черезъ нихъ или идти по холодной, какъ ледъ, водѣ. Выбирая более удобныя мѣста, приходилось часто переправляться съ одного берега на другой. При переправахъ насъ быстро сносило внизъ по теченію и опасность разбиться о камни была велика. Андрей Ивановичъ совсѣмъ охрипъ отъ криковъ.

— Поддярживай! Поддярживай! все время безъ устали кричитъ онъ.

Несчастные зимогоры совсѣмъ выбились изъ силъ и только ругательствами отводятъ себѣ душу.

Промаявшись по Велсу версты двѣ, расположились на ночлегъ. Опять костры, опять сушка одежды и опять звонкая ругань разносится въ вечернемъ воздухѣ и эхомъ отдается въ сосѣднихъ горахъ. А съ боку на насъ смотритъ Юбрышка, или вѣрнѣе двѣ Юбрышки, одна большая, а другая малая, очень похожая строеніемъ своимъ на большую. Онѣ, подобно хамелеонамъ, мѣняли въ продолженіе сутокъ свои цвѣта: днемъ сѣрыя, вечеромъ голубыя и синія, синія при свѣтѣ бѣлой ночи...

28-го мая.

Какая холодная ночь! Погода хочетъ портиться. Показались тучи. Сегодня насъ, кромѣ того, безпокоили комары.

Тяжело пришелся этотъ день для бѣдныхъ зимогоръ! Нынче мы сдѣлали всего пять верстъ, да и то удивительно, какъ одолѣли это разстояніе. Постоянно натыкались на мели, которыми богато низовье Велса. Бурлаки должны были соскакивать прямо въ воду и сталкивать шитикъ. Всѣ страшно перезябли и вымокли до костей. Каждый шагъ давался съ бою. Безъ помощи лошадей едва-ли-бы мы могли пройти. Бѣдныя животныя! Онѣ все время тянутъ бечевую и идутъ по колѣна въ холодной водѣ!

Къ вечеру запахло дымомъ. Видимо гдѣ-то лѣсной пожаръ.

Остановились въ избушкѣ сторожа, караулящаго постройки юбрышкинскаго завода. Отъ этой избушки до горы Юбрышки около двухъ верстъ прямой, какъ стрѣла, дороги. Было еще не особенно поздно и я рѣшилъ сдѣлать восхожденіе на знаменитую гору. Дорога до нея прекрасно утрамбована камнемъ, черезъ болота перекинуты мосты, теперь уже не поддерживаемые и разрушающіеся. Не дешево, вѣроятно, обошлась эта дорожка!

Вотъ передо мной показались зданія предполагаемаго завода. Онѣ расположены у самой подошвы горы. Вотъ обширный домъ управляющаго съ проведеннымъ къ нему водопроводомъ, а вотъ десятка полтора домовъ для служащихъ, амбары, бараки. И мертвая тишина царитъ вокругъ. Не видно ни одного живого существа. Мрачный хвойный лѣсъ обступилъ со всѣхъ сторонъ эти безжизненныя жилища, да громада сѣрой Юбрышки холодно и сурово смотритъ на нихъ...

Съ какимъ-то страннымъ чувствомъ безотчетнаго страха бродилъ я между мертвыми домами и невольно въ памяти моей воскресала сказка, читанная мною еще въ дѣтствѣ, о городѣ, въ которомъ, по мановенію волшебника, всѣ живыя существа сразу обратились въ каменныя статуи... И чудилось мнѣ, что вотъ, вотъ я увижу окаменѣлыхъ людей...

Но надо было торопиться восхожденіемъ на Юбрышку. Перебрелъ сначала рѣчку того же имени, каскадомъ низвергающуюся откуда-то съ горы въ долину, а затѣмъ началъ по камнямъ карабкаться вверхъ. Вся гора сплошь состоитъ изъ розсыпи мелкихъ камней и надъ уровнемъ Велса возвышается около 300 саженъ. Руда здѣсь настолько богата, что выступила на поверхность и всѣ плиты издаютъ металлическій звукъ. Раньше до самой вершины здѣсь были устроены ступеньки, но потомъ, при динамитныхъ взрывахъ, ихъ разрушили, а потому подъемъ въ настоящее время очень труденъ. Изъ подъ моихъ ногъ часто обрывались камни и съ шумомъ катились внизъ. Въ впадинахъ горы лежало много снѣгу. Въ ложбинкахъ росли карликовые кедры, сосны, березки. Вѣтеръ и холодъ дѣлались чувствительнѣе. Къ сожалѣнію, времени въ моемъ распоряженіи было мало и я дошелъ всего до половины горы. Дымъ отъ лѣсного пожара скрылъ отъ меня окрестности и пришлось пуститься въ обратный путь.

Юбрышкинскую руду французская компанія въ настоящее время не разрабатываетъ, такъ какъ она очень плохо поддается плавкѣ и заключаетъ въ себѣ титаническій желѣзнякъ; пока у французовъ будетъ въ распоряженіи магнитный желѣзнякъ, до тѣхъ поръ юбрышкинская руда останется въ резервѣ.

На сегодняшнюю ночь мы пріютились въ избушкѣ сторожа и въ первый разъ за наше путешествіе заснули не подъ открытымъ небомъ.

Передъ сномъ сторожъ, весьма мрачный и сосредоточенный субъектъ, разсказалъ

намъ о тѣхъ ужасахъ, какіе онъ испыталъ нынче во время весенняго половодья. Вода тогда сразу поднялась сажени на двѣ и льдины съ страшной силой двинулись на прибрежныя строенія и своротили съ основанія амбаръ. Большая опасность угрожала и домику. Сторожъ съ женой въ испугѣ выскочили изъ дому и такъ какъ была ночь. то не знали, что имъ предпринять. Грохотъ напиравшихъ льдинъ эхомъ разносился по сосѣднимъ горамъ и казалось, что тысячи орудій открыли канонаду...

— Вотъ она какова наша жисть-то тутока! закончилъ нашъ хозяинъ свой разсказъ.

29-го мая.

«Куда какъ упоренъ въ трудѣ
человѣкъ!»

Да, удивительно упоренъ! Кажется невозможно и въ легкой лодкѣ пробраться по этому шумящему водопаду—Велсу, а наши зимогоры, между тѣмъ, тянутъ шитикъ съ 200 пудовъ багажу! Въ часъ мы одолѣваемъ не болѣе версты. Идемъ на двѣ бечевы. Одну тянутъ лошади, а другую зимогоры. Дѣлаются частыя остановки.

— Стой, ребята, покуримъ! чуть не черезъ каждыя сто саженъ раздается крикъ. Андрей Ивановичъ возмущается:

— Да будетъ вамъ, этакъ мы во вѣки вѣковъ до мѣста не доберемся.

— Мы вѣдь не скотины!—протестуютъ бурлаки,—самъ видишь —изъ силъ выбиваемся! останавливаются и курятъ.

Разъ двадцать, по крайней мѣрѣ, наскакивали мы на камни и тогда вся артель съ ругательствами лѣзла въ воду.

Когда сдѣлали привалъ для обѣда, никто не хотѣлъ раскладывать огня: такъ всѣ утомились. Но холодъ ихъ пронималъ въ мокрой одеждѣ и нѣкоторые зимогоры начали кричать на своихъ товарищей:

— Эй вы, несогласна артиль, добывайте огонь, мерзнуть мы че-ли будемъ!

— А вы сами, варнаки, што не раскладываете? Кричать-то всякъ умѣтъ!

Кое какъ развели огонь и навѣсили чайники, котелки; тутъ-же на прутьяхъ стали сушить мокрую одежду. Когда выпили свою порцію вина, то окончательно озвѣрѣли и ругательства посыпались градомъ. Одинъ зимогоръ имѣлъ неосторожность уронить въ общій котелъ со щами свою портянку. Боже, какой поднялся шумъ!

— Ахъ ты чертъ одноглазый!—наступали на него,—да тебѣ и другой глазъ надо выткнуть! Вѣдь ты шти наши испоганилъ! Ребята! давайте бить его стервеца!

Пришлось вмѣшаться Андрею Ивановичу. Но послѣ обѣда они опять пришли въ благодушное настроеніе и начали шутить.

Сегодня сдѣлали всего 8 верстъ и пораньше расположились на ночлегъ: надо было дать вздохнуть и людямъ и животнымъ.

Къ нашей стоянкѣ подъѣхали на душегубкѣ двое заводскихъ рабочихъ. Они везутъ хлѣбъ для развѣдочной партіи, работающей по Велсу.

Рѣка на нашихъ глазахъ все прибываетъ и прибываетъ; видимо въ верховьяхъ идутъ дожди и таетъ снѣгъ.

30-го мая.

Утромъ мы были разбужены въ четыре часа отчаяннымъ крикомъ. Когда я открылъ глаза, то въ первую минуту не могъ сообразить, что такое творится вокругъ меня. Во-первыхъ, меня поразила бѣлая пелена, покрывшая и землю и всѣ окружающіе предметы, а во-вторыхъ, какіе-то крики тамъ у рѣки. Когда я выскочилъ изъ-подъ шубы, то почувствовалъ страшный холодъ: за ночь напало съ вершокъ снѣгу. Скорѣе побѣжалъ къ костру, гдѣ толпились нѣсколько дрожащихъ зимогоръ

— Кто это такъ отчаянно кричалъ? спросилъ я.

— Да вчерашніе-то лодочники. Просто смѣху подобно что съ ими случилось!

Оказывается, что лодочники были такъ безпечны, что ничѣмъ не прикрыли свои ковриги хлѣба и не озаботились вытащить лодку подальше. За ночь рѣка прибыла и весь ихъ хлѣбъ смокъ. Всѣ труды, которые они употребили на подъемъ, пропали даромъ. Они чуть не плакали, а вокругъ зимогоры громкимъ хохотомъ и насмѣшками выражали имъ свое сочувствіе...

Трудности пути все болѣе и болѣе увеличиваются. Сегодня отцѣпили отъ шитика большую лодку и сложили въ нее часть багажа; лодку эту ведетъ отдѣльно одна лошадь.

Я все время иду пѣшкомъ, часто удаляясь въ стороны въ надеждѣ встрѣтить какую-нибудь дичь. Но птицы всѣ теперь сидятъ на яйцахъ и мои охотничьи рекогносцировки безуспѣшны. За все время пути я застрѣлилъ только двухъ чирковъ!

Теперь мы дѣлаемъ еще болѣе частыя остановки. Хорошо, что на пути часто встрѣчаются избушки бывшихъ вишерскихъ охотниковъ. Къ сожалѣнію, большинство этихъ избушекъ предается зимогорами безжалостному истребленію. Ихъ жгутъ вмѣсто дровъ, а иногда и просто изъ удовольствія разрушенія. Зимогоры сами въ этомъ сознаются и глубоко возмущаютъ Андрея Ивановича.

— Вѣдь выспится, обогрѣется, стервецъ, въ такой избѣ, а потомъ запалитъ ее, а того не понимаетъ, что самому еще можетъ пригодиться...

Погода сегодня насъ не баловала: холодно и мороситъ мелкій дождь.

31-го мая.

Прекрасное утро, прохладный солнечный день были намъ наградой за вчерашнее непогодье. Но масса комаровъ отравляетъ впечатлѣніе хорошаго дня.

Ну и путь! Подводные камни еще чаще, мели еще опаснѣе. Оказалось невозможнымъ тащить тяжело нагруженный шитикъ и мы часть багажа оставили на берегу, а потомъ вернемся за нимъ.

Зимогоры сегодня все время почти работаютъ въ холодной водѣ, а потому расположеніе духа у нихъ самое прескверное и ссоры на привалахъ становятся чаще и опаснѣе. Мнѣ кажется, что еще дней пять такого пути и дѣло безъ катастрофы не обойдется. Андрей Ивановичъ положительно смучился съ ними. Да, не легко ему приходится. Я положительно удивляюсь, глядя на него: оказывается, что онъ прежде никогда не былъ лоцманомъ и въ первый разъ нынче ведетъ посуду, да еще по такимъ рѣкамъ и какъ умѣло ведетъ!

— Да какъ-же вы рѣшились взяться за такое дѣло, Андрей Ивановичъ? удивился я.

— Хозяева приказали, а ослушаться нельзя.

— Вотъ она удивительная приспособляемость русскаго человѣка! «Прикажутъ —завтра-же будетъ акушеромъ!» припомнился мнѣ разсказъ нашего незабвеннаго сатирика...

1-го іюня.

Наконецъ, сегодня въ десять часовъ дня добрались до устья рѣчки Почмога (праваго притока Велса), по которому пролегаетъ нашъ дальнѣйшій путь. Тутъ мы должны оставить шитикъ и багажъ будетъ перевозиться по частямъ въ большой лодкѣ при помощи лошадей.

Мѣстность здѣсь очень красивая. Какіе богатѣйшіе луга тутъ можно расчистить.

Сдѣлали привалъ и начали разбирать вещи.

Большинство нашихъ бурлаковъ рѣшило идти до пріиска, гдѣ Андрей Ивановичъ обѣщалъ имъ работу, а нѣсколько человѣкъ, получивъ разсчетъ (по 1 руб. въ день), мечтаютъ объ удовольствіяхъ Усть-Улса и отправляются обратно.

— Что же вы пѣшкомъ пойдете? спросилъ я.

— Пошто пѣшкомъ-то! Мы вотъ изъ сухопостоя изладимъ плотикъ и поплывемъ, внизъ-то хорошо!

Лѣсу здѣсь гибель и такой способъ передвиженія практикуется очень часто.

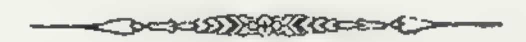
Отъ устья Почмога всего шесть верстъ до избушки Алина и мы пѣшкомъ отправились къ ней. Путь пролегалъ живописной мѣстностью. То мы шли прекраснымъ боромъ черезъ холмы и скалы, то спускались къ громко шумящему и пѣнящемуся Почмогу. На пути по берегу встрѣчались старыя чамьи, памятникъ былыхъ охотъ вишерцевъ. Чамьи эти уже давно не видятъ оленьяго мяса и постепенно разрушаются.

По Почмогу много разныхъ рудорожденій. Такъ, напримѣръ, каменка Алинской избы сложена изъ прекраснаго желѣзнаго блеска, подобраннаго по близости. Теперь на томъ мѣстѣ сдѣланы заявки. Кромѣ того, Алины-же окрыли здѣсь присутствіе мѣдной руды и намѣрены заняться ея разработкой. Вообще, эта рѣка богатаго будущаго.

Сегодня позволили себѣ продолжительный отдыхъ и почуемъ въ избѣ, отъ которой до пріиска 12-ть верстъ сухого пути.

2-го іюня.

Грустное пробужденіе: ручьи воды текутъ сквозь худой потолокъ на наши грѣшныя тѣла! Небо кругомъ окутано тучами и дождь видимо зарядилъ на долго. Грустно. Но надо трогаться въ путь. Андрей Ивановичъ уѣхалъ верхомъ, онъ торопится попасть скорѣе на пріискъ. Зимогоры пока остаются въ избѣ ждать прихода лодки. Я одинъ отправляюсь въ путь. Тутъ тропа одна и заблудиться трудно. Къ своему несчастію, я забылъ въ шитикѣ кожаный плащъ и скоро на мнѣ не было сухой нитки. Тропа шла сначала боромъ, а потомъ спустилась къ Почмогу, который предстояло перейти въ бродъ. Рѣчка вздулась отъ дождя и страшно клокотала Я съ палкой въ рукѣ пошелъ осторожно впередъ. Быстрота и сила теченія были такъ стремительны, что я съ трудомъ устоялъ на ногахъ, но все-таки переходъ совершилъ благополучно, только зачерпнулъ полные сапоги воды. Но на это не стоило обращать вниманія. Я бодро двинулся дальше и черезъ три часа весь измокшій, страшно усталый и голодный достигъ Алинскаго пріиска, гдѣ былъ радушно принятъ управляющимъ г. В.

VI.

На золотыхъ пріискахъ.

...Сюда-то жадный человѣкъ
За золотомъ идетъ!
Оно лежитъ по русламъ рѣкъ,
Оно на днѣ болотъ.
Трудна добыча на рѣкѣ,
Болота страшны въ зной...

Некрасовъ.

Золотопромышленное дѣло на чердынскомъ Уралѣ имѣетъ за собой болѣе древнюю исторію, чѣмъ чугуннолитейное. Какъ только въ концѣ 50-хъ годовъ правительство открыло Уралъ для частной золотопромышленности, такъ тотчасъ-же дѣло это здѣсь и развилось. Въ первое время оно вступило въ фазисъ серьезнаго и солиднаго предпріятія, но спустя нѣсколько времени стало быстро падать и въ настоящее время кое-какъ держится. Причинъ упадка его много. Одной изъ главныхъ является отдаленность края, отсутствіе рабочихъ и сопряженная съ громадными хлопотами и затратами доставка на пріиски съѣстныхъ припасовъ.

Первые золотоискатели наткнулись на очень удачныя розсыпи, лежащія по рѣчкѣ Сайменкѣ (лѣвый притокъ р. Кутима), вершина которой пересѣкала богатую розсыпь золотоносныхъ песковъ. Пріискомъ этимъ завладѣлъ крупный золотопромышленникъ Б. Добыча песку производилась имъ тремя способами: открытымъ разрѣзомъ торфа (глубины 1—2 сажени), ортами изъ разрѣза и, наконецъ, посредствомъ шахтъ. Золото было крупное, богатое. Б. сдѣлалъ здѣсь себѣ большое состояніе. Но потомъ у него вышли недоразумѣнія съ его управляющимъ К. и хозяинъ вздумалъ его разсчитать, обвиняя въ неблаговидныхъ поступкахъ. К. не снесъ позора и застрѣлился подъ однимъ изъ громадныхъ кедровъ, который вишерцы и въ настоящее время показываютъ любопытнымъ Б, считая себя виновникомъ смерти К., прекратилъ свое дѣло по Сайменкѣ и навсегда удалился изъ чердынскаго края Послѣ того, другіе золотопромышленники принимались было за разработку этого пріиска, но неудачно: пески были потеряны, а для нахожденія ихъ требовались серьезныя затраты, на что не имѣлось средствъ.

Но по рѣчкѣ-же Сайменкѣ нашлось золото и въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ того, найдено было золото въ верховьяхъ Кутима, а потомъ по притокамъ Велса: Почмогу, Маржайкѣ, Буртымкѣ, Чуролу и Шудьѣ. Во многихъ изъ этихъ мѣстъ золото было очень богатое Но уже солидныхъ предпринимателей не являлось и разработка пріисковъ производилась самыми безобразными способами. Большинство пріисковъ не дало и десятой доли того, что могли-бы они дать при разумно поставленныхъ работахъ. И все-же несмотря на это въ 70-хъ годахъ въ разцвѣтъ здѣшней золотопромышленности, въ чердынскомъ Уралѣ добывалось

въ годъ до 16 пудовъ золота. Но потомъ пріиски истощились и дѣло это быстро стало клониться къ упадку. Новыхъ развѣдокъ уже не производилось и большинство разочарованныхъ золотоискателей отхлынули изъ этихъ краевъ ни съ чѣмъ.

Въ настоящее время въ чердынскомъ Уралѣ работаетъ всего пять—шесть золотоискателей, изъ которыхъ нѣкоторые занимаются перемывкой старыхъ эфелей. Въ общемъ, золота добывается не больше пуда въ годъ.

Но несомнѣнно, что при развитіи заводскаго дѣла, когда улучшатся пути сообщенія и доставка предметовъ первой необходимости не будетъ сопряжена съ такими затрудненіями,— золотопромышленность въ чердынскомъ Уралѣ получитъ широкое развитіе.

Алинскій пріискъ, на который я прибылъ, расположенъ по рѣчкѣ Буртымкѣ въ двухъ верстахъ отъ ея впаденія въ Почмогъ. Пріискъ этотъ въ 70-хъ годахъ принадлежалъ нѣкоему Резанову, но былъ потомъ имъ заброшенъ благодаря трагическому обстоятельству. Дѣло въ томъ, что въ первый годъ онъ поставилъ здѣсь работы на лѣто, а съ приближеніемъ зимы рѣшилъ самъ возвратиться домой по Вишерѣ черезъ Усть-Улсъ, а партію рабочихъ въ количествѣ 40 человѣкъ отправилъ черезъ Богословскій заводъ, отстоящій отъ пріиска въ 70—80 верстахъ. Осенью эти рабочіе, нагрузивъ 12 верховыхъ лошадей, тронулись черезъ тайгу и горы по направленію къ богословскому заводу. Но ни одинъ изъ этихъ несчастныхъ не достигъ дому и всѣ они исчезли безслѣдно... Случай этотъ навелъ панику на золотопромышленниковъ и Резановъ навсегда бросилъ свой пріискъ.

Года три-четыре тому назадъ нѣсколько старателей начали здѣсь не безъ успѣха производить свою хищническую работу. Слухъ о золотѣ распространился и, какъ водится, былъ сильно преувеличенъ молвой. Вѣсть объ этомъ достигла Алиныхъ и они вздумали начать эксплоатацію пріиска. Эта фирма, видимо, рѣшила поставить дѣло на разумныхъ началахъ и первое время не скупится на затраты.

Непривѣтливый и въ высшей степени мрачный и дикій видъ имѣетъ мѣстоположеніе пріиска. Лежитъ онъ въ долинѣ отъ поясового Урала верстахъ въ шести. Со всѣхъ сторонъ обступили его высокіе лѣсистые холмы. Болотистая почва, поросшая темнымъ хвойнымъ лѣсомъ, еще болѣе усиливаетъ мрачный колоритъ картины. Среди торчащихъ пней стоитъ нѣсколько строеній, носящихъ временный бивуачный характеръ. Домикъ управляющаго, пекарня, два барака контора, черная баня — вотъ и всѣ постройки. Объ эстетикѣ заботиться здѣсь некогда и кругомъ строеній кучами валяются разные отбросы.

Работы на пріискѣ пока заключаются въ развѣдкахъ и сосредоточены въ двухъ мѣстахъ долины по теченію ключа; между верхними и нижними работами $2^1/_2$ версты разстоянія. На первый, даже неопытный взглядъ, видно, что работы поставлены правильно и направляются опытной рукой. Въ верхнемъ концѣ пріиска, недалеко отъ строеній, пока работаютъ на одномъ вашгертѣ, а въ нижнемъ пока ставятъ «бутару».

Работа на пріискѣ отдается отрядами рабочій можетъ заработать въ мѣсяцъ отъ 25 до 40 рублей на своемъ содержаніи. Надо отдать полную справедливость Алинымъ—они не прижимаютъ своихъ рабочихъ и цѣны на припасы, несмотря на дороговизну и трудность доставки, весьма умѣренныя: хлѣбъ печеный 1 руб. пудъ, масло коровье 30 к. фунтъ, сахаръ 22 к., просо 5 к., крендели 8 к., рыба соленая 13 коп.

Работаетъ здѣсь, между прочимъ, нѣсколько зимогоръ, о которыхъ управляющій г. В. отзывается очень плохо, какъ о негодныхъ работникахъ.

— Неблагонадежный это народъ!—говорилъ В.,—постоянно съ нимъ происходятъ непріятныя столкновенія, да и работаютъ лѣниво. Вѣдь многіе изъ нихъ являются сюда чуть не въ чемъ мать родила, даже зимой. Вотъ такого рабочаго нужно одѣть, потомъ онъ начинаетъ въ долгъ забирать припасы, а тамъ вдругъ прійдетъ ему блажь въ голову, онъ и уходитъ; терять зимогору нечего. Они такъ все время и проводятъ въ путешествіяхъ. Пропьется зимогоръ въ Усть Улсѣ, идетъ на Кутимъ, надоѣстъ тамъ, къ намъ на пріиски, здѣсь наскучитъ—на Чувалъ, а

тамъ на плотикѣ въ свой Усть-Улсъ сплыветъ...

Г. В. прекрасно изучилъ чердынскій Уралъ и его кочующихъ инородцевъ. Онъ совершилъ путешествіе по всѣмъ вершинамъ здѣшняго Урала и сдѣлалъ массу интересныхъ фотографическихъ снимковъ мѣстной природы и жизни. Есть у него снимки оленьихъ стадъ, чумовъ и инородцевъ: самоѣдовъ, остяковъ, вогулъ.

— Остяковъ я хитростью снялъ,—разсказывалъ онъ,—а то они страшно суевѣрны и добровольно ихъ снять ни въ какомъ случаѣ нельзя.

Инородцы частенько осенью и зимой являются на пріиски, куда доставляютъ оленье мясо, а взамѣнъ того берутъ предметы цивилизаціи: ситцы, сапоги, калачи, а главное водку, до которой дикари такъ падки.

В. весьма обязательно показалъ мнѣ всѣ пріисковыя работы и объяснилъ ихъ сущность Рабочіе помѣщаются въ баракахъ; это зданія до 5 саж. длины и 3 ширины, сложенныя изъ бревенъ; по бокамъ, около стѣнъ, идутъ сплошныя нары для 40 50 человѣкъ; два окна у самого потолка освѣщаютъ этотъ сарай. По срединѣ стоитъ громадный очагъ, сплошь уставленный металлическими чайниками. Когда рабочіе возвращаются съ работъ, то свое мокрое платье и обувь развѣшиваютъ около очага для просушки. Въ одномъ баракѣ помѣщаются вмѣстѣ русскіе и татары; послѣднихъ преобладающее количество. Обѣ эти національности, столь различныя и по вѣрѣ и по темпераменту, уживаются прекрасно. По всей вѣроятности, этому способствуетъ отсутствіе на пріискѣ спиртныхъ напитковъ.

— Мирна живемъ!—говорили мнѣ татары,—вина нѣтъ - дѣлять намъ нечего. Только вина надо-бы въ недѣлю по сороковкѣ, это пьяна никогда не дѣлаетъ...

— А Магометъ то что скажетъ?

— Эта работа бульна тяжела безъ вина. Магометъ молчать будетъ

А работа, дѣйствительно не легкая. Сначала снимается слой торфа, подъ которымъ лежитъ золотоносный песокъ. Торфъ встрѣчается глубиной болѣе сажени. Послѣ торфа копаютъ пески, которые везутъ для промывки къ вашгерту. Работать, особенно пески, приходится въ сырыхъ канавахъ, иногда по колѣна въ водѣ. Тяжело достается также катаніе тяжелыхъ тачекъ съ пескомъ. За кубъ снятаго торфянника рабочій получаетъ 3 р. 50 к., а за песокъ 4 р. 50 коп. Двое сильныхъ и умѣлыхъ рабочихъ въ день могутъ вынуть торфу 1 кубъ, а песковъ—$^2/_3$ куба.

У вашгерта, большей частью, работаютъ женщины. Эти несчастныя, я видалъ и беременныхъ среди нихъ стоя чуть не по колѣна въ холодной водѣ, цѣлый день перебираютъ лопатами землю, подставляя ее подъ струю воды.

Работа на пріискахъ начинается очень рано, часа въ 4—5, а кончается въ восемь вечера. Можно себѣ представить до чего утомляются рабочіе! Но всѣ лихорадочно работаютъ, всѣ надѣются наткнуться на самородокъ, за который выдается награда.

Каждый вечеръ г. В. дѣлаетъ «снимку» золота. Рабочіе къ этому времени обыкновенно кончаютъ работу и ему никто не мѣшаетъ. На деревянной и наклонной доскѣ, перегороженной планочками, лежитъ куча мелкихъ галей, все, что осталось отъ промывки, быть можетъ, нѣсколькихъ кубовъ земли Среди этихъ-то галекъ и заключается золото. Его надо осторожно выдѣлить. Пускается небольшая струя воды; гальки отодвигаются рукой и подставляются подъ струю. Песокъ уносится тихонько водой, а золото, вслѣдствіе своего удѣльнаго вѣса, остается внизу съ болѣе крупными гальками; кучка уменьшается до ничтожества: ее можно помѣстить въ горсть. Но неопытный глазъ все еще не увидитъ золота, развѣ ужъ встрѣтятся самородки золотника въ два. Кучку эту надо еще промыть нѣсколько разъ. Наконецъ, остается черный порошокъ - это шлихи, а среди него желтѣютъ какія то крупинки—это золото. Въ эту кучку кладется немного ртути, около которой группируются шлихи, а золото желѣзной лопаточкой тихонько сгребается. Я былъ изумленъ, когда увидалъ въ первый разъ такую ничтожную частицу «презрѣннаго металла!» И для такой-то ничтожной кучки нуженъ каторжный трудъ чуть не ста человѣкъ, нужно перерыть нѣсколько кубовъ торфа, песковъ!..

Такъ какъ работы на Алинскомъ пріискѣ пока имѣютъ развѣдочный характеръ, то и золота добывается очень мало. Г. В. жаловался, что залеганіе песковъ здѣсь крайне неспокойное и идетъ валунами; но все-же онъ не теряетъ надежды наткнуться на болѣе богатое золото.

Мы много говорили съ нимъ о положеніи пріисковыхъ рабочихъ. Я выразилъ мысль, что для нихъ было-бы гораздо удобнѣе жить на хозяйскомъ содержаніи ибо на приготовленіе пищи у рабочаго уходитъ много времени, располагать которымъ ему нельзя. Но В. возсталъ противъ моихъ словъ:

— Я изъ личнаго опыта знаю, что хозяйское содержаніе повлечетъ за собой массу недоразумѣній и недоразумѣній, могущихъ окончиться плохо. Судите сами: мы у себя пробовали кормить рабочихъ на свой счетъ Тогда у меня ихъ было 20 человѣкъ. И насмотрѣлся я тутъ безобразій. Напримѣръ, варятся щи изъ свѣжаго мяса, а въ общій котелъ кладется его по 1½ фунта на человѣка, наваръ прекрасный, но зимогорамъ что-то не понравилось и они вылили щи тутъ-же на полъ казармы. Или пекутъ хлѣбъ хорошій, имъ покажется плохъ. Они плюютъ на ковриги, бросаютъ ихъ подъ нары, словомъ, бунтъ настоящій Я велѣлъ стряпкѣ подобрать хлѣбъ, обтереть его и положить завтра къ обѣду. А потомъ спрашиваю: хорошъ-ли хлѣбъ? Они въ одинъ голосъ кричатъ: «седни хорошій, не то что вчера!» Вотъ и подите съ ними. Нѣтъ, мы отказались навсегда кормить ихъ на свой счетъ...

Въ пяти верстахъ отъ Алинскаго пріиска по р. Мартайкѣ расположенъ дѣйствующій пріискъ Н—на. Во время моего здѣсь пребыванія явился къ намъ отъ Н—на фельдшеръ. На каждомъ пріискѣ по закону должна быть аптечка и фельдшерскій пунктъ. Съ этимъ фельдшеромъ, весьма молчаливымъ и несообщительнымъ субъектомъ, я отправился на Н—кій пріискъ. Тропа шла глухой пармой; въ лѣсу, несмотря на іюнь мѣсяцъ, еще снѣгу было достаточно. Когда кончился лѣсъ, то передъ моими глазами открылся чудный видъ на Мартайскій камень, одинъ изъ числа самыхъ значительныхъ въ чердынскомъ Уралѣ. Его сѣрый массивъ, увѣнчанный бѣлымъ, сверкающимъ снѣгомъ, какъ-то легко поднимался кверху и царилъ надъ окрестностью. Пониже начался лѣсъ, на краѣ котораго и расположился пріискъ, около котораго бурлила Мартайка, вливающая свои воды въ Велсъ.

Н—нъ одинъ изъ старѣйшихъ золотопромышленниковъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Кромѣ пріиска у Мартайскаго камня, у него есть еще другіе недалеко отъ Кутимскаго завода. Нѣкоторые изъ своихъ пріисковъ онъ сдалъ старателямъ, а самъ занимается пока на одномъ. Нельзя сказать, что на его пріискѣ работы поставлены образцово. Напротивъ, изъ всего видно, что хозяинъ старается затратить какъ можно меньше средствъ. Конечно, отъ этого онъ много теряетъ.

Хозяйскія работы у Н—на ведутся на два небольшихъ вашгерта, какіе употребляются только при развѣдкахъ. Видимо, что больше всего для него имѣютъ значеніе старательскія работы Старатели моютъ золото на маленькихъ ручныхъ станкахъ. Мартайскій пріискъ эксплоатируется давно и, по всей вѣроятности, истощится въ недалекомъ будущемъ. Въ настоящее время онъ даетъ хозяину отъ 20 до 30 фунтовъ золота въ годъ.

Постройки здѣсь болѣе убогія, чѣмъ у Алина и казармы рабочихъ едва-ли удовлетворяютъ требованіямъ гигіены. Среди рабочихъ, которыхъ во время моего посѣщенія было 45 человѣкъ, много женщинъ и дѣвушекъ. Служащихъ у Н—на немного: всего два человѣка: «смотритель»—бойкій мальчикъ, лѣтъ 18, да молчаливый фельдшеръ, играющій роль запасчика Видимо, что здѣсь царитъ принципъ какъ можно большаго сбереженія денегъ.

Самъ Н—нъ помѣщается въ убогой избѣ и бываетъ на своемъ пріискѣ не больше 2 хъ мѣсяцевъ въ годъ. Я засталъ его за утреннимъ чаемъ, послѣ котораго онъ отправился слѣдить за работами, пригласивъ меня отобѣдать чѣмъ Богъ послалъ. Въ моемъ распоряженіи оказывалось свободныхъ 6 часовъ и я рѣшилъ употребить ихъ на восхожденіе на Мартайскій камень. Пройдя версты двѣ лѣсомъ и вспугнувъ на пути рябчиковъ, я достигъ подножія гиганта чердынскаго Урала. Вблизи онъ имѣетъ еще болѣе величественный видъ.

Пепельнаго цвѣта каменныя громады, въ видѣ отдѣльныхъ сопокъ, царятъ надъ окрестностью. У самаго подножія камня бурлитъ рѣчка Мартайка, которую мнѣ съ трудомъ удалось перейти.

Я началъ восхожденіе. Саженъ 50 шелъ лѣсъ; какъ поздно наступаетъ здѣсь лѣто! Въ долинахъ Вишеры, когда мы шли шитикомъ, все цвѣло и благоухало, а тутъ еще только почки на березахъ распускаются, травы почти не поднялись, въ каждой впадинѣ снѣгъ. Лѣсъ кончился и пошла обычная розсыпь. При отсутствіи инструментовъ я не могу съ точностью указать высоту камня, но, приблизительно, надъ уровнемъ Велса онъ возвышается около версты. Какъ труденъ подъемъ! Главное, какъ обманчива эта гора! Вы поднимаетесь и видите передъ собой вершину: сейчасъ конецъ, думаете вы, не тутъ-то было! Поднимаетесь на видимую высшую точку и опять передъ вами вершина и опять тотъ же обманъ... Чѣмъ выше взбирался я, тѣмъ становилось холоднѣе, а вѣтеръ усиливался. Что бы, по возможности, избѣжать острыхъ камней, обсыпающихся съ шумомъ за мною, я старался идти тѣми немногими площадями мха и снѣга, которыя встрѣчались на пути. Часа два длился этотъ трудный подъемъ. Сердцебіеніе усилилось и я выбивался изъ силъ, тѣмъ болѣе, что съ утра ничего не ѣлъ. Но вотъ еще нѣсколько шаговъ и я на высшей точкѣ Мартайскаго камня... Чудное, не поддающееся описанію, зрѣлище было мнѣ наградой за мою настойчивость. Очарованный, словно заброшенный въ сказочное царство, безмолвно созерцалъ я эту дивную картину... Я попалъ въ самую середину горъ. Вокругъ меня со всѣхъ сторонъ стремились къ далекому небу исполины Урала. Какія формы и очертанія, какія краски и тона! То въ видѣ круглыхъ шапокъ, то острыми пиками, то конусами то самыми фантастическими башнями всѣ эти вершины выдѣлялись на голубомъ фонѣ неба Ближнія изъ нихъ были сѣраго, пепельнаго цвѣта, болѣе отдаленныя голубаго, а еще болѣе далекія совсѣмъ синяго. Въ особенности сказочной красотой своей привлекалъ взоры Тулынскій камень, съ острой, въ видѣ гребня, вершиной. Онъ почти весь покрытъ бѣлымъ снѣгомъ, отражающимъ лучи солнца. А въ долинахъ чернѣли лѣса; казалось что они взбѣгали на эти горы, но, не достигнувъ и половины ихъ, порѣдѣвъ и измельчавъ, останавливали свой дерзкій бѣгъ... Отведя очарованный взоръ отъ горъ, я началъ разсматривать долины. Съ трудомъ нашелъ я игрушечныя, крохотныя строенія Н—го пріиска. Какъ ничтожны казались сверху эти сѣренькія пятнышки! Среди лѣса вилась тоненькая серебряная ленточка: то былъ Велсъ.

Поверхность Мартайскаго камня, состоящая изъ трехъ отдѣльныхъ сопокъ, пересѣкаемыхъ долинами, составляетъ площадь приблизительно въ 15 кв. верстъ. Вся она поросла мхомъ и кочевники нерѣдко пасутъ здѣсь стада оленей.

Часа четыре бродилъ я по плато. Тутъ были и тундры и сухія мѣста. Въ одномъ мѣстѣ пріютилось небольшое озерко, съ чистой, кристальной водою. Вокругъ царило полнѣйшее безмолвіе. Вдругъ изъ-подъ моихъ ногъ вспорхнула бѣлая куропатка и, усѣвшись въ нѣсколькихъ шагахъ, смотрѣла на меня съ удивленіемъ. Это было единственное живое существо, единственная обитательница камня. Она показалась мнѣ его таинственнымъ духомъ и какъ-будто спрашивала меня: «дерзкій человѣкъ! зачѣмъ ты забрался въ это царство снѣга и камня?»..

Усталый и голодный началъ я спускаться съ камня. Дѣло не легкое. Я избралъ себѣ лощину, сплошь покрытую снѣгомъ, и началъ по ней свой спускъ. Снѣгъ отвердѣлъ и надо было его продавливать, чтобы не скатиться внизъ съ этой импровизированной катушки, длиною саженъ въ 500.

Солнце скрылось за горами, когда я возвратился подъ кровъ Н—на, обезпокоеннаго моимъ долгимъ отсутствіемъ.

За ужиномъ, гдѣ главную роль играли пельмени изъ солонины, у насъ завязалась бесѣда о золотопромышленности. Н—нъ сильно жаловался на здѣшнихъ рабочихъ, приписывая имъ, главнымъ образомъ, упадокъ золотопромышленности.

— Неудивительно, что золотое дѣло въ чердынскомъ краѣ приходитъ въ упадокъ,— говорилъ онъ,—съ рабочими здѣсь возня большая. Старательскія работы здѣсь не-

возможно поставить на правильную ногу, какъ въ среднемъ Уралѣ. Тамъ, обыкновенно, золотопромышленникъ объявляетъ на своемъ пріискѣ такую-то площадь открытой для старательскихъ работъ и назначаетъ извѣстную цѣну за золотникъ. Сейчасъ же является масса желающихъ и начинается работа. Хозяину о рабочихъ заботиться нечего, его дѣло только принимать золото. Здѣсь-же совсѣмъ другія условія. Сюда рабочій является чуть не нагишомъ и его надо одѣть, да давать ему въ долгъ припасы; онъ влѣзетъ у хозяина въ долги и, такимъ образомъ, держитъ его въ своихъ рукахъ. А потомъ повздоритъ съ нимъ и безъ всякаго разговора уходитъ или на Чувалъ, или на Кутимъ гдѣ повторяетъ ту-же исторію. А то еще такія вещи откалываютъ: наберется на пріискѣ много рабочихъ, сбавишь имъ цѣну, вотъ тѣ, которые похитрѣе, станутъ другихъ смущать: «дескать здѣсь плохо, а на заводѣ хорошо», дураки повѣрятъ и уходятъ, а оставшіеся бунтуютъ и требуютъ повышенія заработка...

— А какъ у васъ великъ заработокъ рабочихъ?

— Дѣльный рабочій можетъ исполнить свой урокъ, у меня здѣсь обыкновенно задаются уроки, часамъ къ 2 дня и заработать до рубля, а потомъ можетъ заняться старательской промывкой и заработать столько же. За лѣто нѣкоторымъ приходится до 100 рублей. У меня нѣсколько лѣтъ работаетъ одна семья, состоящая изъ мужика, бабы и дѣвки и имъ въ лѣто приходится до 150 рублей; когда они благополучно минуютъ Усть-Улсъ, то всѣ деньги приносятъ домой въ камышловскій уѣздъ

— А случается, что и не приносятъ?

— Да, бываетъ. Они въ прошломъ году застряли въ Усть-Улсѣ и неутерпѣли: стали пить. Въ нѣсколько дней прокутили и деньги и одежду, какая была, и пришлось имъ на зиму вернуться опять на пріискъ. Много здѣсь такихъ случаевъ бываетъ.

Старателямъ Н—нъ платитъ за золотникъ 2 р. 50 к., между тѣмъ рядомъ на Алинскомъ пріискѣ за золотникъ объявлена цѣна 3 руб. 50 коп. Конечно при такихъ условіяхъ большую часть золота старатели укрываютъ и сбываютъ въ Усть-Улсѣ, гдѣ уже завелись хищники. Да и рабочимъ невыгодно показывать много золота хозяину: добычное мѣсто онъ отниметъ у старателя и поставитъ свои работы...

Между старателями есть спеціалисты въ дѣлѣ воровства золота. Мнѣ на пріискѣ г. Шайдурова (около Кутимскаго завода) показывали на одного хохла, про ловкость котораго сложились цѣлыя легенды. Наружность этого знаменитаго вора ничего особеннаго не представляетъ: старикъ, лѣтъ шестидесяти, согнутый съ хмурымъ лицомъ и хитрыми, бѣгающими глазками, онъ не останавливаетъ на себѣ вниманія А, между тѣмъ, это артистъ въ воровствѣ золота. Масса разсказовъ ходитъ про его подвиги. Разъ онъ верхомъ на лошади возвращался съ пріиска. У рѣки Лямпы его нагоняетъ стражникъ съ понятыми, чтобы секвестровать украденное золото Начинаютъ обыскивать. Но самый старательный обыскъ не приводитъ ни къ какимъ результатамъ. Сконфуженный стражникъ отпускаетъ хохла. Онъ спокойно переплываетъ шумящую рѣчку и на томъ берегу, въ глазахъ своихъ преслѣдователей поднимаетъ хвостъ у лошади, показываетъ привязанный къ хвосту мѣшечокъ съ золотомъ и кричитъ:

— Что взяли, дьяволы! и ускакалъ.

Въ другой разъ его стали обыскивать послѣ дневныхъ работъ на пріискѣ. Приказали ему раздѣться Онъ снялъ съ себя фуражку и даетъ ее стражнику со словами:

— Подержи пока фуражку, да не изомни: новая

Опять ничего на немъ не нашли. Онъ одѣлся, взялъ изъ рукъ полицейскаго фуражку и удалился. Потомъ оказалось, что нѣсколько золотниковъ песку у него было спрятано въ фуражкѣ за околышемъ...

Одинъ инженеръ, пріѣхавшій сюда для ревизіи пріисковъ, заинтересовался этимъ субъектомъ и, наблюдая его работу за вашгертомъ, спросилъ:

— Можешь ли ты украсть золота сейчасъ на моихъ глазахъ, чтобы я не замѣтилъ?

— Съ полнымъ удовольствіемъ, ваше высокородіе!

Инженеръ обѣщалъ ему дать 10 рублей, если тотъ украдетъ незамѣтно. Прошло ми-

нутъ пять, хохолъ отдѣлялъ въ это время золото отъ шлиховъ.

— Ну что—укралъ?

— Такъ точно! и къ великому изумленію инженера ловкій воръ выплюнулъ изо рта нѣсколько крупинокъ золота. Оказывается, что отмахиваясь отъ комаровъ, онъ успѣлъ незамѣтно сунуть его въ ротъ. Инженеръ пожалъ плечами и выдалъ свой проигрышъ...

Такъ какъ на пріискахъ работаютъ женщины и дѣвушки, то романы между рабочими здѣсь не рѣдкость. Н—нъ передавалъ мнѣ, что почти всегда, уходя съ пріиска, рабочій уводитъ съ собой и предметъ своей страсти, часто противъ воли послѣдняго Но въ пустынѣ право на сторонѣ сильнаго и женщинѣ приходится покоряться. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ она тихонько говоритъ своимъ пріятельницамъ:

— Вотъ дойду со своимъ варнакомъ до широкаго мѣста да и убѣгу отъ подлеца тамока!

«Широкимъ мѣстомъ» здѣсь зовется всякій населенный пунктъ, а главное Усть-Улсъ Послѣ дня каторжнаго труда, засыпая на жесткихъ нарахъ, почти каждый рабочій мечтаетъ объ этомъ широкомъ мѣстѣ Въ его воображеніи рисуется рядъ заманчивыхъ картинъ, ожидающихъ его съ заработанными деньгами въ Усть-Улсѣ, этомъ Эльдорадо пьяницъ.—«Ужъ попирую-же я тамъ, всласть отдохну!» и во имя этой мечты несчастный работаетъ, какъ волъ, ведетъ жизнь полуголодную, мокнетъ подъ дождемъ, ежится отъ холода, дышетъ зловреднымъ воздухомъ зловоннаго болота...

VII.

На оленяхъ по Уралу.

> По этимъ тундрамъ блуждаютъ номады со своими стадами оленей. О, прелестная, свободная жизнь! Когда захочется кочевнику, онъ разставитъ палатки и соберетъ вокругъ себя оленей, а надоѣстъ -пойдетъ дальше. Я почти завидовалъ ему: никакой цѣли, никакой заботы, только живи! Я почти желалъ пожить такой жизнью номада, пожить въ свое удовольствіе, не связанный ничѣмъ...
>
> *Фритіофъ Нансенъ.*

Какъ самъ сѣверный поясовой Уралъ, такъ и вершины его отроговъ представляютъ изъ себя, по большей части, болотистую тундру, поросшую въ изобиліи ягелемъ. На этихъ-то вершинахъ кочующіе инородцы Европы и Азіи пасутъ свои стада сѣверныхъ оленей Въ зимнее время эти возвышенныя тундры представляютъ то преимущество, что на нихъ животнымъ легче отыскивать себѣ мохъ, чѣмъ въ долинахъ, такъ какъ вѣтры выдуваютъ здѣсь снѣгъ. Конечно, морозы въ горахъ свирѣпствуютъ ужасные, но кочевники и ихъ стада не боятся холодовъ

Собственно въ чердынскомъ Уралѣ вершинъ съ большими тундрами немного кочуетъ здѣсь не больше семей 10—15 инородцевъ, въ составъ которыхъ вошли слѣдующія племена: остяки, вогулы, самоѣды и, въ послѣднее время, ижемцы.

Желая увидѣть вблизи жизнь чердынскихъ кочевниковъ, я еще на золотыхъ пріискахъ собиралъ о нихъ свѣдѣнія. Алинскій управляющій В. сообщилъ мнѣ, что въ эту зиму въ пяти верстахъ отъ его пріиска, на самомъ поясовомъ Уралѣ, кочевала семья остяковъ со стадомъ головъ въ 500. Но остяки мѣсяца два уже не являлись на пріискъ для продажи мяса и В. не знаетъ, тамъ-ли они теперь. Видя мое страстное желаніе, онъ мнѣ посовѣтовалъ сходить на Уралъ, попытать счастія: быть можетъ, остяки еще не перекочевали въ другое мѣсто.

— Я вамъ и проводника найду, а то такъ отыскать ихъ кочевье трудно

Въ тотъ же вечеръ въ контору пришелъ рабочій Василій, уроженецъ Вишеры, котораго любезный хозяинъ давалъ мнѣ въ проводники. Это былъ маленькій, невзрачный мужиченко, лѣтъ сорока, съ небольшой бородкой, съ угрюмымъ лицомъ, крайне неразговорчивый. Оригинально было его появленіе. Онъ вошелъ какъ-то бокомъ и, устремивъ свой взоръ въ стѣну, медленно и растягивая слова, спросилъ:

— А на што меня звали?—Ему объяснили.

— А гдѣ тапеpя вогуловъ-то найдешь?

— Да ты скажи только, согласенъ-ли вести на Уралъ, а тамъ ужъ не твое дѣло, найдемъ мы ихъ или нѣтъ.

Мужиченко смолкъ. Въ совершенномъ молчаніи простоялъ съ четверть часа, повернулся и ушелъ, оставивъ насъ въ совершенномъ недоумѣніи. Но на слѣдующій день утромъ изъявилъ свое согласіе быть проводникомъ. Захвативъ чайникъ, топоръ и ружье, мы двинулись въ путь.

Утро было прекрасное, солнечное Сначала мы шли долиной рѣки Почнога, небольшими лугами, гдѣ уже распустились травы и пташки весело чирикали въ кустахъ ивняка. Мѣстами возвышались рощицы березъ, осинъ, черемухъ. Затѣмъ начался хвойный лѣсъ и дорога замѣтно пошла въ гору. Черезъ лѣсъ къ Уралу ведетъ, такъ называемая, «вогульская» дорога, какими здѣсь перерѣзаны всѣ лѣса.

Инородцамъ часто приходится переходить со своими стадами оленей съ одного камня на другой и переходы эти приходится совершать черезъ долины, поросшія дремучими лѣсами; съ незапамятныхъ временъ черезъ эти лѣса проложены ими дороги, извѣстныя у вишерцевъ подъ названіемъ «вогульскихъ», такъ какъ вишерцы вообще всѣхъ инородцевъ называютъ вогулами.

При словѣ дорога мы представляемъ себѣ вполнѣ удобный путь, по которому можно проѣхать и на колесахъ. Но вогульскія дороги ничего общаго съ нашими дорогами не имѣютъ. Это просто просѣка, среди дремучаго лѣса, просѣка, на которой торчатъ пни срубленныхъ деревьевъ и которая большей частью пролегаетъ болотомъ, гдѣ оленямъ легче бѣжать. Не дай Богъ цивилизованному человѣку совершить лѣтомъ путешествіе на оленяхъ по вогульской дорогѣ! До сихъ поръ морозъ у меня пробѣгаетъ по спинѣ при одномъ воспоминаніи о прелестяхъ этой дороги, которыя мнѣ довелось испытать... Но я забѣгаю впередъ. Предшествуемый мрачнымъ, молчаливымъ проводникомъ, шагалъ я по болотамъ, перепрыгивалъ черезъ пни на вогульской дорогѣ, поднимался на холмы, спускался съ нихъ. Пытался я заговорить со своимъ спутникомъ, но безуспѣшно. Видимо онъ не понималъ цѣли, съ какой я стремлюсь къ «вогуламъ» и видѣлъ въ этомъ одну пустую затѣю, а потому питалъ ко мнѣ чувство самаго глубочайшаго презрѣнія.

Наконецъ, подошли мы къ подножію Урала и начали подъемъ Скоро кончилась полоса лѣсовъ и мы вступили въ царство камня и мха. Въ этомъ мѣстѣ поясовой Уралъ не особенно высокъ и представляетъ изъ себя плоскую возвышенность, поросшую мхомъ и мѣстами темными пятнами низкорослаго можжевельника. Во всѣхъ ложбинахъ лежитъ снѣгъ. По обѣ стороны Урала раскинулись долины съ темнѣющимъ хвойнымъ лѣсомъ; отроги Урала поднимали свои, увѣнчанныя снѣгомъ, вершины на встрѣчу синему небу... Знакомый, величественный видъ... Находясь на срединѣ кряжа, я стоялъ на рубежѣ Европы и Азіи. По одну сторону разстилался верхотурскій уѣздъ, а по другую — чердынскій.

На верху дулъ вѣтеръ и было очень прохладно.

— Вогулы ушли! сказалъ мой проводникъ.

— А ты какъ знаешь?

— Оленей нигдѣ не видно, значитъ, ихъ нѣту.

Въ самомъ дѣлѣ, на всемъ пространствѣ тундры не виднѣлось ни одного животнаго. Я взлѣзъ на одну розсыпь, болѣе высокую, и съ высоты ея убѣдился, что окрестность пуста По всюду на землѣ виднѣлись признаки недавняго присутствія здѣсь кочевниковъ: валялись обрывки кожи, роговъ, виднѣлись слѣды костровъ, но сами люди отсутствовали... Съ горя вздумалъ чайничать. Нарубили вѣтвей можжевельника и развели небольшой огонекъ; чайникъ набили снѣгомъ и повѣсили надъ огнемъ Товарищъ мой убійственно молчалъ. Я созерцалъ разстилавшуюся передо мной картину. Какое отсутствіе жизни кругомъ! Сѣрый мохъ, сѣрые камни утомляли глазъ своей монотонностью. Вонъ надъ долиной плыветъ облачко Оно достигло Урала и замедлило свой бѣгъ. Бѣлый туманъ на время скрылъ отъ меня окружающіе предметы. Онъ медленно, какъ косматое чудовище, ползъ по землѣ, мѣстами сгущаясь, мѣстами просвѣчивая. Ду-

нулъ вѣтерокъ, видѣніе исчезло и снова «даль голубая видна»...

— Вогулы ѣдутъ! даже испугалъ меня неожиданнымъ возгласомъ Василій.

Я взглянулъ по направленію его указательнаго пальца и замѣтилъ вдали тундры шевелящіяся сѣрыя пятна. Надо было обладать хорошимъ, привычнымъ зрѣніемъ, чтобы угадать приближающихся вогулъ. Но вотъ пятна становятся ближе и я ясно вижу двѣ четверки оленей, запряженныхъ въ двое саней на которыхъ съ длинными палками въ рукахъ возсѣдаетъ по человѣку. Люди одѣты въ совики. Теперь вся окружающая картина приняла осмысленный видъ, она, такъ сказать, оживилась. Эти сѣрые олени, сѣрые совики на дикаряхъ такъ гармонировали съ сѣрыми камнями съ сѣрымъ мхомъ, и составляли со всей обстановкой одно цѣлое. Только теперь мнѣ стала понятна дикая красота уральскихъ тундръ...

Кочевники, конечно, давно замѣтили нашъ огонекъ и подъѣхали прямо къ намъ.

Это были два молодца, одинъ лѣтъ 30, а другой 20, съ лицами славянскаго типа, обрамленными небольшими бородками. Я сразу узналъ въ нихъ ижемцевъ и не ошибся. Мы поздоровались. Я пригласилъ гостей почайничать и вновь прибывшіе привязали оленей кормиться мхомъ. Бѣдныя животныя видимо устали и тяжело переводили дыханіе.

Старшаго ижемца звали Изосимомъ; онъ былъ хозяиномъ а младшій, Алексѣй у него работникомъ. Изосимъ, съ легкимъ зырянскимъ акцентомъ бойко объяснялся по-русски и показался мнѣ человѣкомъ пронырливымъ и хитрымъ. Его глаза быстро бѣгали по сторонамъ и какъ то недовѣрчиво выглядывали изъ подъ бровей. Алексѣй почти не говорилъ по-русски и больше молчалъ. Его дѣтское лицо, съ самой простодушной, дѣтской улыбкой свидѣтельствовало о мягкомъ характерѣ и незлобіи.

Изосимъ объяснилъ мнѣ, что его отецъ кочуетъ на Пропащемъ камнѣ со стадомъ въ 1,000 головъ оленей, а самъ онъ со своей семьей и съ 500 оленей перебрался на Чувальскій камень.

— Куда-же вы теперь ѣдете?

— Мимо насъ остякъ шелъ съ оленями изъ моего стада 15 штукъ пропадало, остякъ воровалъ. Ѣду къ нему отнимать. Остяки насъ грабятъ. Мы недавно здѣсь, они съ насъ дань просятъ, говорятъ мѣста ихнія. Пріѣхало въ прошлый мѣсяцъ ихъ 20 человѣкъ а насъ четверо и отняли у насъ много шкуръ... Остякъ тутъ долженъ быть, ты его не видалъ.

Я объяснилъ ему, что тоже отыскиваю остяковъ и не могъ ихъ найти.

— А тебѣ на что остякъ? спросилъ Изосимъ.

— Хочу проѣхать по Уралу.

— Найми меня. Я провезу по всѣмъ горамъ. Мнѣ надо въ свой чумъ ѣхать на Чувалъ. Свезу. Деньги дай.

Такому предложенію я обрадовался и мы съ нимъ быстро условились. Къ вечеру онъ обѣщался заѣхать къ «Владиміру» (г. В.) въ «строеніе», какъ кочевники зовутъ всѣ золотые пріиски, и взять меня съ собой.

— На Чувалѣ у насъ весело,—продолжалъ говорить Изосимъ,—тундра большой. А внизу подъ горой строеніе построили французскіе люди желѣзо ковыряютъ. Я былъ у француза. Глупый человѣкъ: совсѣмъ по-русски не пониматъ, какъ остякъ...

Напившись чаю, ижемцы быстро направили оленей, махнули палками и скрылись изъ виду отыскивать остяка.

Намъ оставалось возвратиться домой. Возвращеніе было печальное: поднялся туманъ, крапалъ дождикъ; шли почти ощупью, рискуя заблудиться. На пріискъ пришли подъ вечеръ и промокли до нитки. Но я былъ доволенъ, что достигъ своей цѣли, что увижу бытъ чердынскихъ кочевниковъ.

Вскорѣ послѣ насъ прибыли на пріискъ и ижемцы. Они не могли отыскать остяковъ.

Весь слѣдующій день Изосимъ гостилъ у В. и дѣлалъ разныя закупки. Я, между тѣмъ, въ подробности разсматривалъ экипажъ, въ которомъ мнѣ надлежало совершить путешествіе. Это были высокія сани, длиной до двухъ аршинъ, а шириной аршинъ. Отъ сидѣнья до земли было аршина полтора, чтобы можно было безпрепятственно ѣхать по пнямъ. Упряжь оленей еще при-

митивнѣе: на шею надѣто подобіе хомута изъ оленьей кожи и къ этому хомуту привязаны ремни по одному на каждаго оленя. Ремни прикрѣпляются прямо къ санямъ;—вотъ и все. Вмѣсто плетки олени понужаются палкой, длиною около сажени и носящей названіе «харей».

Олени поражали своей худобой: пищи теперь мало, да и большіе переѣзды ихъ истомили.

Къ вечеру все было готово. Нашъ багажъ уложенъ въ сани, крѣпко перетянутъ ремнями и покрытъ сверху оленьей шкурой Я распрощался съ гостепріимнымъ В. и усѣлся бокомъ на заднія сани. Но ко мнѣ подошелъ Алексѣй и безъ церемоніи перекинулъ мою ногу и усадилъ верхомъ. Самъ онъ сѣлъ впереди меня съ хареемъ въ рукахъ. Изосимъ тронулъ свою четверку. Алексѣй сдѣлалъ какую то манипуляцію хареемъ и наша четверка рванулась впередъ

Мор силъ мелкій дождь. Плащъ мой распахнулся; закрыть его было некогда: обѣими руками я изо всей мочи держался за ремни, рискуя каждую минуту вылетѣть. Брызги грязи обдавали меня съ ногъ до головы. Ноги отъ постояннаго напряженія отекли совершенно. Сани наши, ударяясь о пни и кочки, подпрыгивали какъ мячикъ. Въ болотахъ несчастныя животныя увязали по брюхо въ грязи и кое какъ выкарабкивались. Въ лѣсу было еще хуже: сани скакали въ разныя стороны и ударялись о деревья. Каждую минуту приходилось слѣдить за цѣлостью своихъ ногъ и прятать ихъ... Въ моемъ измученномъ и напряженномъ мозгу зародилась зловѣщая мысль: не много ли я взялъ на себя? Въ состояніи ли я перенести эту пытку? Но стыдъ мѣшалъ мнѣ заговоритъ объ этомъ съ ижемцами которые бодро переносили дорожныя невзгоды и были совершенно спокойны Я призвалъ на помощь весь запасъ энергіи, всю силу воли и твердо рѣшилъ выйти побѣдителемъ изъ этого положенія.

Алексѣй частенько оборачивался ко мнѣ и добродушной своей улыбкой старался поддержать во мнѣ бодрость. Иногда Изосимъ съ переднихъ саней по-ижемски справлялся у Алексѣя, какъ я переношу путь, и оба они смѣялись. Ломанымъ русскимъ языкомъ Алексѣй старался разсказать мнѣ про свою жизнь.

— Моя отца въ Ижмѣ четыре ста оленей, объяснялъ онъ —моя мать пропадалъ, отецъ другая баба брала. Баба то мнѣ сказалъ: пошелъ! Я теперь работникъ. Плоко мнѣ! и все это передавалось съ самой дѣтской, съ самой чистой улыбкой безъ всякой злобы Счастливое дитя!..

Но много разговаривать было нельзя: надо слѣдить за дорогой. Дождикъ все усиливался. но ночь была совершенно свѣтлая Наконецъ, въ 11 часовъ, наша пытка кончилась: мы достигли старой Алинской избушки на берегу Почмога и рѣшили въ ней заночевать. Когда я слѣзъ съ саней, то въ первую минуту прямо сѣлъ на мокрую землю: ноги отказались служить. Мои спутники смѣялись надо мной и говорили, что это «ничего!» Кое какъ добрался я до избушки. Тамъ стояла желѣзная печка. Изосимъ приказалъ своему работнику нарубить дровъ. Черезъ минуту веселый огонекъ освѣтилъ закоптѣлыя стѣны избушки и наполнилъ ее живительнымъ тепломъ Эта лѣсная, грязная изба, въ настоящую минуту показалась мнѣ краше всякаго дворца Не могу описать наслажденія, съ какимъ я протянулъ на лавкѣ свои усталые члены! Дрова весело трещали, печка накалилась до красна въ чайникѣ бурлила вода. . Алексѣй тѣмъ временемъ привязывалъ на ночь оленей и убиралъ сани отъ дождя.

Изъ дорожнаго мѣшка появился хлѣбъ и мы принялись за чаепитіе, послѣ котораго моментально погрузились въ сонъ.

На другой день утромъ веселые лучи солнышка привѣтствовали наше пробужденіе. Я быстро вскочилъ со своей лавки; усталости какъ не бывало. Я растворилъ дверь избушки и передъ моими взорами предстала очаровательная картина проснувшагося, безоблачнаго дня. Но слѣды вчерашняго дождя еще были на лицо: на деревьяхъ, на травѣ «повисли перлы дождевые». На лужайкѣ паслось восемь оленей, привязанныхъ ремнями къ деревьямъ. Бѣдныя животныя! Какъ они плачевно выглядятъ!

Отъ рѣчки подымался туманъ и застилалъ собою темный хвойный лѣсъ, обступившій насъ со всѣхъ сторонъ. Изосимъ и

Алексѣй возились около саней: онѣ сильно пострадали отъ вчерашней ѣзды и требовали серьезной починки. Ижемцы добродушными улыбками привѣтствовали мое пробужденіе.

— Чай будемъ пить! сейчасъ печка затопимъ, сказалъ Изосимъ, направляясь въ избу.

Я пошелъ къ рѣчкѣ умываться. Несмотря на солнце, было довольно прохладно. Прежде чѣмъ добрался я до воды, промокъ насквозь въ сырой, высокой травѣ. Но на такіе пустяки въ путешествіяхъ нечего обращать вниманіе.

Послѣ чаю ижемцы запрягли оленей и мы опять двинулись въ путь. Дорога стала еще ужаснѣе. Черезъ полчаса скачки по пнямъ и кореньямъ я почувствовалъ себя окончательно разбитымъ. Особенно страдали ноги которыя ежеминутно подвергались опасности раздробиться, сплющиться о стволы деревьевъ. Только собравъ всю свою силу воли, я не издавалъ стоновъ. Тучи комаровъ еще болѣе ухудшали наше бѣдственное положеніе. Отмахиваться отъ нихъ было некогда: обѣими руками я крѣпко держался за ремни саней и кровожадные варвары безпрепятственно сосали кровь на моемъ лицѣ. Наши олени страшно устали Они опустили головы къ землѣ и тяжело, шумно дышали. Надо удивляться ловкости, съ какой они лавировали своими вѣтвистыми головами среди свѣсившихся вѣтвей елей и сосенъ.

Наконецъ, я не выдержалъ и предпочелъ идти пѣшкомъ, увязая по колѣна въ болотѣ. Все-таки во время ходьбы хоть немного отдыхали ноги и возобновлялось въ нихъ кровообращеніе.

Къ полудню достигли подножія Мартайскаго камня и выѣхали на долину рѣчки Мартайки, гдѣ сдѣлали привалъ на берегу. Тутъ въ изобиліи росъ ягель и олени могли подкрѣпить свои силы. Несмотря на усталость я не могъ не любоваться видомъ окружающей природы. Съ одной стороны сѣрѣлъ массивъ Мартайскаго камня съ полосами снѣга; передъ нами журчалъ ручей, за нимъ разстилалось обширное болото, примыкающее къ горамъ; хвойный лѣсъ и вершины снѣговыхъ камней на горизонтѣ. Птахи весело распѣваютъ въ кустахъ. Въ ложбинахъ долины еще лежитъ снѣгъ, хотя рядомъ съ нимъ цвѣтутъ цвѣты и поднимаются травы. Солнышко начало сильно пригрѣвать.

Съ наслажденіемъ валялись мы на мягкомъ бѣломъ мху. Ижемцы расшалились, какъ дѣти, и начали бороться, толкаться и бросать другъ въ друга камнями мокраго снѣга. Ихъ задушевный смѣхъ эхомъ разносился надъ пустыней Солнышко ихъ согрѣло, они были сыты и всей душой отдались веселому настроенію, не заботясь о завтрашнемъ днѣ... Счастливцы!..

Когда олени насытились, мы двинулись дальше. Снова лѣсъ, снова пытка ужасной вогульской дороги!.. Вдругъ Изосимъ съ переднихъ саней обернулся къ намъ и крикнулъ:

— Вонъ остякъ съ оленями!

И въ самомъ дѣлѣ намъ преградили путь двѣ четверки оленей, стоящихъ въ упряжи около саней. Животныя подняли отъ земли свои вѣтвистыя головы и въ недоумѣніи смотрѣли на насъ. Черезъ дорогу лежало упавшее дерево Два остяка старались перерубить его и очистить путь Мы остановились Изосимъ быстро заговорилъ со старшимъ остякомъ на ихъ гортанномъ языкѣ. Я тѣмъ временемъ съ любопытствомъ разсматривалъ дикарей. Это были видимо отецъ и сынъ. Ихъ одѣяніе состояло изъ облѣзлыхъ совиковъ, подпоясанныхъ кожанымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ножъ съ ручкой изъ оленьяго рога. На ногахъ надѣты «гамаши» —родъ котовъ изъ оленьей кожи. Гамаши надѣваются на шерстяные чулки, обвязанные до колѣнъ ремешкомъ. Головы ничѣмъ не покрыты. Черные волосы заплетены въ нѣсколько косичекъ съ красными лентами. На лицѣ отца не было и признака растительности. Глаза съ косымъ разрѣзомъ, маленькій носъ не придавали этимъ дѣтямъ пустыни особенной красоты, а морщины, избороздившія даже лицо мальчика вдоль и поперекъ, дѣлали ихъ похожими на обезьянъ. По русски они не знали ни одного слова.

— Зовутъ его Петромъ —объяснилъ мнѣ Изосимъ,—онъ пастухомъ служитъ. У него оленей 80 головъ и пасутся теперь на Молебномъ камнѣ, весь мохъ поѣли, онъ хочетъ перевести стадо на Мартайскій камень и дорогу чиститъ. Спрашиваетъ

водки нѣтъ ли у тебя—оленя за водку отдастъ.

Но мнѣ пришлось разочаровать дикарей —водки у меня не было.

— Шибко остякъ водка пьетъ,—продолжалъ Изосимъ—все за водку отдастъ, отца родного.

Дикари, между тѣмъ, продолжали рубить дерево Нельзя сказать что они ловко дѣйствовали топорами это не ихъ спеціальность. За то охотники они хорошіе и не побоятся вступить въ единоборство съ медвѣдемъ, а лыжами управляютъ не хуже вишерцевъ. Но печать вырожденія лежитъ уже на этихъ несчастныхъ, а ворвавшаяся сюда цивилизація не замедлитъ стереть ихъ съ лица земли. Съ грустью смотрѣлъ я на этихъ «послѣднихъ могиканъ» нашихъ лѣсовъ. Дѣти двадцатаго вѣка уже не встрѣтятъ человѣка въ его первобытномъ состояніи...

Лѣсъ скоро кончился кончилась и вогульская дорога. Передъ нами возвышалась стѣна поясоваго Урала, по которому слѣдовалъ дальнѣйшій путь. «Слава Богу!—думалъ я,—наконецъ-то поѣдемъ мы по ровному мѣсту и я хоть немного вздохну»!

— Теперь бѣда худой дорога будетъ! и съ этимъ сообщеніемъ Алексѣй обернулся ко мнѣ съ добродушной улыбкой на своемъ дѣтскомъ лицѣ.

Да я убѣдился, что именно тутъ-то и началась «худой дорога», передъ которой блѣднѣютъ ужасы вогульскаго пути Мы скакали по розсыпи мелкихъ камней. Сани ежеминутно подпрыгивали и отскакивали въ разныя стороны. Не буду описывать, что я испыталъ... Но если плохо приходилось сѣдокамъ, то не лучше было и бѣднымъ оленямъ. Ижемцы безъ пощады подбадривали ихъ хареями. Нѣсколько разъ животныя ложились на камни, тяжело переводя духъ, но удары харея ставили ихъ на ноги. Къ довершенію несчастія разразилась гроза. Дождь потоками хлынулъ на насъ. Мы ѣхали по гребню Урала и тучи неслись низко, низко надъ нами. Ежеминутно сверкали молніи и ужасный громъ эхомъ перекатывался въ горахъ. Но грозовое облако какъ быстро появилось, также быстро исчезло и вновь окрестность купается въ лучахъ животворящаго солнца. Какіе ручьи образовались отъ дождя!

Мы спустились съ Урала и передъ нами бурлилъ Велсъ, который мы должны переѣхать въ бродъ. Отъ дождя онъ сильно вздулся и ижемцы въ нерѣшительности остановились передъ этимъ потокомъ. Но Изосимъ рѣшился.

— Ничего! сказалъ онъ думая меня подбодрить.

Мы съ ногами усѣлись на верхъ санокъ; я крѣпко старался держаться за ремни. Вотъ Изосимъ на переднихъ санкахъ крикнулъ на оленей и бѣдныя животныя нерѣшительно ступили въ холодный стремительный потокъ. Мы двинулись за Изосимомъ. Сани оказались недостаточно высокими и я тотчасъ-же ощутилъ холодную влагу. Вокругъ насъ бурлила, пѣнилась вода, ударяясь о камни и осыпая насъ брызгами. Ижемцы громкими криками понужали оленей. Насквозь промокшіе, мы съ трудомъ выбрались на противоположный берегъ. Развели огонь и немножко обсушились. Мнѣ особенно было жаль ружья, сильно пострадавшаго при переправѣ.

Въ дивную бѣлую ночь достигли мы Пропащаго камня, на тундрѣ котораго пасется 1,000 оленей отца Изосима. Опять начался утомительный подъемъ и скоро мы оказались въ царствѣ камня, мха и снѣга, толстымъ пластомъ лежащаго въ каждой разсѣлинѣ. Два оленя изъ нашей четверки легли на землю и совершенно были неспособны продолжать дальнѣйшій путь.

— Надо искать новый олень! сказалъ, почесывая въ затылкѣ, Изосимъ

— А гдѣ-же ты теперь ихъ найдешь? спросилъ я.

— Тутъ у моего отца много. Вонъ сколько быковъ.

Дѣйствительно, между камнями показались вѣтвистыя головы оленей. Изосимъ вынулъ изъ саней длинную веревку—съ петлей на концѣ—лассо и началъ осторожно подходить къ животнымъ. Шагахъ въ двадцати отъ одного быка онъ быстро махнулъ своимъ лассо надъ головой и веревка опутала рога оленя. Такимъ-же образомъ былъ поймавъ и второй. Больныхъ мы оставили на мѣстѣ и продолжали дальнѣйшій путь

Вершина Пропащаго камня громадна, я думаю, не менѣе 30-ти квадратныхъ верстъ,

и представляетъ изъ себя настоящій хаосъ. Тутъ есть долины, есть розсыпи, сопки, вывѣтрившіеся столбы сланца... Никогда я не забуду одного мѣста на этомъ камнѣ Мы въѣхали въ расщелину, наполненную снѣгомъ и идущую горизонтально въ срединѣ отвѣсной скалы. Наклонъ былъ градусовъ въ 60. Слѣва подъ нашими ногами зіяла пропасть. а справа каменная стѣна Я пѣшкомъ ни за что-бы не рѣшился тутъ пройти, а олени мчали насъ во весь махъ. Одинъ невѣрный шагъ, небольшое пространство обледенѣвшаго снѣга—и мы стремглавъ полетѣли бы въ пропасть... На днѣ долины, среди кустиковъ можжевельника, можно было видѣть группы пасущихся оленей. Наконецъ, ужасный путь кончился и передъ нами открылась обширная тундра, среди которой бѣлѣлъ чумъ.

— Пріѣхали! радостно воскликнулъ Изосимъ.

Мы остановились. Картина была въ высшей степени оригинальная и дикая Кругомъ высились исполины Урала со своими снѣжными вершинами самыхъ разнообразныхъ формъ. На обширной тундрѣ сотни оленей, загоняемыхъ людьми и собаками. Маленькіе оленята съ хрюканьемъ бѣгаютъ за своими матерями, быки съ великолѣпными, вѣтвистыми рогами—всѣ бѣгутъ отъ собакъ и попадаютъ въ кругъ. Люди въ совикахъ забрасываютъ лассо на быковъ, а важенокъ и олешковъ выпускаютъ изъ круга. Восемь оленей поймано и охота прекращается.

Собаки, оставивъ оленей, кинулись привѣтствовать насъ лаемъ. Къ намъ подошелъ ижемецъ—отецъ Изосима. Его лицо, съ рѣдкой растительностью, очень красно, особенно носъ. Онъ привѣтливо здоровается со мной за руку и приглашаетъ въ чумъ. По-русски говоритъ онъ очень хорошо. Зовутъ его Иваномъ Фотѣичемъ, но по ижемскому обычаю изъ вѣжливости слѣдуетъ ставить отчество впереди собственнаго имени. Ижемцы очень хорошіе семьянины и этимъ обычаемъ доказываютъ свое уваженіе къ старшимъ.

Мы вошли въ чумъ; онъ, какъ лѣтнее помѣщеніе, сдѣланъ изъ бересты, искусно сшитой олеными жилами, и имѣетъ конусообразную форму. По срединѣ на камешкахъ тлѣетъ огонь. Сверху спускаются палки съ крючками на концахъ, куда привѣшиваются чайники и котелки. Вокругъ очага разостланы въ изобиліи оленьи шкуры и разложены подушки. Противъ входа на сундукѣ придѣланы полочки, на которыхъ стоитъ нѣсколько иконъ.

Иванъ Фотѣеичъ любезно усадилъ меня на самое почетное мѣсто и придвинулъ ко мнѣ сундукъ, долженствующій играть роль стола. Вся его многочисленная семья собралась въ чумъ. Кромѣ Изосима, у него еще два сына, юноши-погодки, 17—18 лѣтъ, крѣпкіе, румяные, и двѣ дочери-дѣвицы, 15—16 лѣтъ. Жена его, еще свѣжая и довольно красивая женщина, все время безъ умолку что-то говорила. Вслѣдъ за людьми въ чумъ вползли собаки и, умильно помахивая хвостами, улеглись у входа. Въ котлѣ готовился ужинъ—похлѣбка изъ соленой оленятины. Для меня повѣсили чайникъ.

Ужинъ скоро поспѣлъ. Хозяйка передъ всѣми поставила деревянныя миски и вилкой вынула изъ котла мясо, которое раздѣлила на куски по числу присутствующихъ; потомъ большой ложкой начала разливать по мискамъ сѣраго цвѣта похлебку. Всѣ ижемцы передъ ѣдой прочитали молитву. Похлебку начали пить прямо изъ чашекъ безъ помощи ложекъ. Я былъ очень голоденъ и послѣдовалъ ихъ примѣру. Похлебка оказалась сильно приправлена мукой. Мясо ѣли прямо руками. Иванъ Фотѣичъ началъ со мной бесѣду:

— Волки насъ нонича сильно безпокоятъ! Страсть, какъ пакостятъ. Сегодня мы нарочно быковъ приготовили—хочу послѣ ужина ѣхать караулить.

Надо замѣтить, что эти волки не мѣстнаго происхожденія, а большіе, бѣлые волки сѣверныхъ тундръ, откуда они прибыли сюда вслѣдъ за перегоняемыми стадами оленей.

— Нынѣшній годъ очень плохой,—продолжалъ мой хозяинъ,—медвѣди тоже насъ одолѣли. Да вотъ еще орлы, эти разбойники прямо съ неба налетаютъ на маленькихъ олешатъ и заклевываютъ ихъ. Просто совсѣмъ житья не стало. Вотъ въ этотъ мѣсяцъ орлы у насъ 40 олешатъ заклевали, а медвѣди да волки больше 20 большихъ задавили. Все приходится караулить,

при человѣкѣ они не смѣютъ близко къ стадамъ подходить.

— Привольныя у васъ здѣсь мѣста. Тундры большія, много оленей можно пасти, сказалъ я.

— Теперь намъ здѣсь тѣсно становится. Остяки и самоѣды выживаютъ насъ Вотъ мои олени съѣдятъ на Пропащемъ мохъ, куда я пойду? Вездѣ занято: на Чувалѣ мой сынъ, на Мань Юру—остякъ, на Уралѣ—остякъ, на Муравьѣ—остякъ, вездѣ остякъ...

— А остяки хорошій народъ?

— Всякіе есть. Есть одинъ, Василій, онъ около Алинскихъ строеній на Уралѣ—шибко худой: отца убилъ. Его спрашиваютъ: зачѣмъ убилъ? а онъ говоритъ: «стара была, куда (худа) была, водку пила!» Онъ, если спорить зачнетъ, ружьемъ стрѣляетъ. А мы его боимся. А вотъ самоѣды, тѣ лучше. Тутъ есть Арсеній, у него нынче баба пропадала, вина опилась. Сюда вогулы пріѣхали изъ березовскаго уѣзда и водки привезли 10 ведеръ, по рублю бутылку продавали и на оленей мѣняли. Арсеній боченокъ купилъ и все пилъ, и баба пилъ. Арсенію жалко стало, онъ легъ спать и обнялъ боченокъ, а дыру пальцемъ затыкалъ. А баба другой дыра вертѣлъ и все тянулъ, все тянулъ, тутъ и пропадалъ.

— А у остяковъ много оленей?

— Нѣтъ, мало! Оленей по 80 бываетъ, имъ все равно, сильно оленей не нужно. Они охотой живутъ, лосей стрѣляютъ, медвѣдей, куницъ. Одинъ остякъ въ этотъ годъ убилъ 50 лосей, три медвѣдя, до 80 куницъ. Деньги выручаютъ, да пропиваютъ или шайтану отдаваютъ Они хоть и крещеные есть, а идолопоклонники. У нихъ здѣсь, вонъ на томъ камнѣ, Молебнымъ зовется, моленія бываютъ и идолы есть. Они купятъ въ строеніи лошадь, надо чтобы пестрая или бѣлая была, и заколютъ тамъ. Нынче одинъ русскій изъ Алинскаго строенія идола у нихъ укралъ и въ Чердынь увезъ, они его убить хотятъ. Въ потайныхъ мѣстахъ они шайтану деньги кладутъ, золотыя и серебряныя, ижемцы находятъ эти мѣста и берутъ деньги. Я самъ сколько разъ находилъ.

Тѣмъ временемъ чай поспѣлъ и Иванъ Фотѣевичъ принесъ мнѣ топленаго масла, до котораго кочевники большіе охотники и пьютъ его съ чаемъ. Ласково угощалъ меня хозяинъ, приговаривая:

— Ю, ю! (пей, пей!).

Съ особеннымъ удовольствіемъ принялся я уничтожать калачи, видимо сибирскіе: бѣлые, разсыпчатые.

— По Ивделю въ строеніи покупалъ ихъ, объяснилъ Ив. Фот.

Ему не хотѣлось самому ѣхать караулить стадо и онъ съ этой цѣлью отрядилъ одного изъ своихъ сыновей, который тотчасъ и скрылся. Становилось поздно. Ижемцы стали готовить постели. Я зажегъ свѣчу и принялся за свой дневникъ. Иванъ Фотѣичъ положилъ для меня нѣсколько шкуръ и получилось мягкое ложе. Передъ сномъ опять всѣ усердно молились. Скоро водворилась тишина: люди спали. Воздухъ въ чумѣ безъ огня сталъ холоденъ, но подъ шкурами было тепло. Ночью нѣсколько разъ съ меня слѣзала одѣяльница, но добрый Иванъ Фотѣевичъ укутывалъ меня снова.

Утромъ я былъ разбуженъ страннымъ шумомъ: казалось, что возлѣ меня кто-то сыпалъ дробь на деревянный полъ, кромѣ того, раздавалось какое-то своеобразное хрюканье. Я вылѣзъ изъ чума и увидѣлъ стадо удаляющихся оленей. Это стучали копытами о камни и производили слышанный мною шумъ. Хрюкали-же маленькіе олененята. Я отправился за одну розсыпь и сталъ умываться снѣгомъ. Чувствую, что по тѣлу ползаютъ какія то насѣкомыя. Когда я освидѣтельствовалъ бѣлье, то оказалось, что оно сплошь покрыто паразитами, захваченными мною во время ночевки въ чумѣ! Кое-какъ освободился отъ нихъ.

Утро было великолѣпное, солнечное. Тундра Пропащаго камня была видна вся, какъ на ладони. Съ одной стороны высилась длинная розсыпь, а съ другихъ—шли скаты къ долинамъ. Кругомъ высокія горы...

Скоро проснулись обитатели чума. Иванъ Фотѣичъ первымъ долгомъ справился у меня—хорошо-ли я спалъ? Я поблагодарилъ его, умолчавши о паразитахъ...

Началось чаепитіе. Тутъ я имѣлъ случай наблюдать способъ приготовленія хлѣба кочевниками. На дно большого чугуна,

смазаннаго масломъ, положили лепешкообразное тѣсто, приготовленное безъ дрожжей прямо изъ муки и воды и котелъ подвѣсили недалеко отъ огня. Минутъ черезъ десять лепешку перевернули на другую сторону и хлѣбъ былъ готовъ, прѣсный, низкій, закалистый.

Около чума стоитъ нѣсколько саней. съ придѣланными къ нимъ ящиками въ видѣ саней. Въ этихъ ящикахъ, запирающихся замками, заключается все богатство кочевника, всѣ его припасы. И чѣмъ богаче семья, тѣмъ больше такихъ саней вокругъ чума. Ящики окрашены краской, по большей части охрой.

Послѣ чаю Изосимъ и Алексѣй запрягли двѣ четверки оленей и мы распростились съ гостепріимнымъ хозяиномъ Иваномъ Фотѣичемъ и его семействомъ.

Дорогой Изосимъ началъ объяснять мнѣ, что онъ недавно отдѣлился отъ отца и что отецъ этимъ его поступкомъ недоволенъ. Но Изосиму подъ началомъ жить не хочется.

— Только вотъ оленей у меня мало,— говорилъ онъ,—отецъ давалъ сто штукъ, обидѣлъ меня. Я хочу ѣхать къ лопарямъ. Тамъ, говорятъ, хорошо. Здѣсь тѣсно.

И онъ началъ меня разспрашивать, какъ пробраться въ Лапландію по желѣзнымъ дорогамъ и сколько это будетъ стоить. Онъ еще ни разу въ жизни не видалъ города, даже въ Чердыни не былъ.

Теперь ѣхали мы все время по тундрѣ, частью мхомъ, частью по снѣгу и незамѣтно добрались до Чувала. У подножія его, съ восточной стороны, беретъ начало притокъ Вишеры, рѣчка Мойва, на берегу которой мы увидали остяцкую юрту. Я велѣлъ Изосиму приворотить къ ней. Она теперь пуста: остяки тутъ живутъ зимой, когда охотятся на звѣрей. Юрта срублена изъ тонкихъ бревенъ, кое-какъ проконопачена. Дверь высотою всего одинъ аршинъ и влѣзать туда надо на четверенькахъ. Внутри это помѣщеніе представляетъ изъ себя квадратъ, сторона котораго не болѣе 1 сажени. Два крохотныхъ окошечка по $^1/_4$ аршина; въ одномъ углу первобытный очагъ. Изба эта изъ себя представляетъ minimum человѣческихъ потребностей. На полкѣ я нашелъ двѣ четвертныхъ бутыли изъ-подъ водки. Этикетъ на нихъ гласилъ, что пріобрѣтены онѣ изъ казенныхъ складовъ пермской губерніи.

Мы начали подниматься на Чувалъ. Снѣгу здѣсь очень много. Чувальская тундра необозрима и мѣстами поросла карликовыми деревцами и темными, ровными кустиками можжевельника.

— Вонъ мои олени! крикнулъ Изосимъ.

Едва разсмотрѣлъ я движущіяся фигуры животныхъ. Подъѣзжаемъ къ нимъ ближе. Около животныхъ я вижу человѣческую фигуру въ совикѣ, съ ружьемъ въ рукахъ.

— Товарищъ мой,—объяснилъ Изосимъ, —мы вмѣстѣ съ нимъ пасемъ, у него тоже штукъ сто есть олешковъ.

Мы подъѣхали къ нему. Это человѣкъ съ длинной бородой, лѣтъ подъ сорокъ. Лицо его напоминаетъ нашихъ великорусскихъ мужичковъ. Такъ и кажется, что это ряженый. Изосимъ остановилъ оленей и заговорилъ съ товарищемъ по-ижемски, видимо обмѣниваясь новостями.

Черезъ нѣсколько времени на большой равнинѣ передъ нами забѣлѣлъ чумъ Изосима съ сундуками на саняхъ вокругъ него. Нѣсколько собакъ привѣтствовали насъ лаемъ. Изъ чума выбѣжали два мальчика 6—7 лѣтъ и съ радостными криками бросились къ отцу.

— Тятя, вай каячъ! (тятя дай калачъ) звонкими голосами кричали они.

Изосимъ подхватилъ ихъ на руки и принялся цѣловать. Это были здоровые, румяные ребятишки, оригинально выглядывающіе изъ своихъ крохотныхъ совичковъ. Скоро въ ихъ рукахъ оказались калачи и они съ веселымъ щебетаньемъ скрылись въ чумъ Вышла жена Изосима, молчаливая женщина съ привѣтливымъ лицомъ, за ней показалась еще другая женщина съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ; это была жена товарища Изосима. Въ одномъ чумѣ здѣсь тѣснилось двѣ семьи.

Мужчины распрягли оленей и отпустили ихъ на волю. Женщины начали выгружать изъ санокъ покупки Изосима и прятали ихъ въ свои сундуки-сани. Изосимъ пригласилъ меня въ чумъ, гдѣ весело горѣлъ огонекъ. Внутри чума было очень грязно, такъ какъ очень ужъ много народу въ немъ помѣщалось.

Въ чайникъ положили снѣгу и повѣсили

надъ огнемъ. Вскорѣ послышался дробный стукъ копытъ о камни и хрюканье молодыхъ оленятъ: стадо пригнали къ чуму, гдѣ оно и расположилось на ночлегъ. Такъ какъ у Изосима и его товарища стадо немногочисленно, то они его не оставляютъ безъ призора ни на минуту; ночью и днемъ, когда приходятъ обѣдать, стадо пригоняется къ чуму, около котораго и располагается. Собрать такое стадо при помощи собокъ очень не трудно. Жизнь кочевника только и проходитъ въ присмотрѣ за оленями и, такимъ образомъ, безъ особеннаго труда онъ ведетъ вполнѣ обезпеченную, привольную жизнь. Я уже на столбцахъ «Перм. Вѣд.» въ очеркахъ своихъ «Поѣздка на Печору» объяснялъ, насколько выгодно оленеводство, какъ это занятіе, не требуя особенныхъ трудовъ и расходовъ со стороны оленеводовъ, обезпечиваетъ имъ матеріальное довольство и независимое существованіе...

Чай скоро поспѣлъ. Изосимъ называлъ меня гостемъ и видимо гордился передъ товарищемъ, что принимаетъ у себя въ чумѣ жителя города. Милыя ребятишки вертѣлись около меня, щупали мое платье, съ изумленіемъ смотрѣли на мой дорожный мѣшокъ. Когда-же я одѣлилъ ихъ калачами и сахаромъ—восторгу ихъ не было границъ. Они показывали подарки матерямъ и громко щебетали что-то на своемъ нарѣчіи. Милые дикарята!

Передъ закуской насъ всѣхъ разсмѣшилъ Алексѣй, вздумавшій вслухъ прочитать молитву; онъ перекрестился и проговорилъ:

— Отца во имя и духа!

— Не ладно говоришь! поправилъ его Изосимъ, всѣ весело засмѣялись и окончательно сконфузили бѣднаго Алексѣя.

За чаепитіемъ застала насъ ночь. Тихо спустилась она на горы, свѣтлая, бѣлая, беззвѣздная, холодная.

Изъ боязни паразитовъ я рѣшилъ ночевать на открытомъ воздухѣ, хотя гостепріимные хозяева приготовили для меня заманчивое ложе. Не далеко отъ чума находились скалы, образовавшія изъ себя нѣчто вродѣ навѣса. Я захватилъ съ собой чайникъ, топоръ, одѣяло и шубу. Эту ночь мнѣ хотѣлось провести въ совершенномъ уединеніи, лицомъ къ лицу съ природой.

Въ верстѣ отъ чума я намѣтилъ сопку —высшую точку Чувала и съ высоты ея мнѣ хотѣлось бросить взглядъ окрестъ. Сложивъ свое имущество подъ навѣсомъ скалы, я зарядилъ ружье и направился къ сопкѣ. Тихо прошелъ мимо спящаго чума, вокругъ котораго лежали олени, пережевывая жвачку. Собаки, уже ознакомившіяся со мной, привѣтливо махали мнѣ хвостомъ. Я шелъ по тундрѣ при волшебномъ освѣщеніи бѣлой ночи. Разстояніе оказалось гораздо больше, чѣмъ я предполагалъ. Но вотъ и розсыпь. Громадныя глыбы известняка въ хаотическомъ безпорядкѣ навалились другъ на друга. Съ трудомъ взобрался я на вершину.

Свѣтло-голубое небо обливаетъ бѣлымъ свѣтомъ окрестность. Всюду высятся причудливыя верхушки каменныхъ гигантовъ. Снѣгъ на ихъ вершинахъ теперь искрится голубоватымъ свѣтомъ. *Вонъ Тулымскій камень*, красавецъ чердынскаго Урала! Гребень его остроконечной вершины такъ рельефно выдѣляется на небѣ. Вонъ Маль Юру или Молебный камень, камень священный *для дикарей. Онъ*, въ *видѣ пирамиды* со снѣжной вершиной, *одиноко стоитъ въ сторонѣ. Вонъ Муравей, вонъ Курыксоръ и десятки другихъ великановъ.* А въ долинахъ чернѣютъ лѣса... Внизу подъ моими ногами тундра Чувала, на которой мѣстами разбросаны темныя пятна—то кустики можжевельника Въ сторонѣ бѣлѣетъ, затерявшійся въ этой пустынѣ, чумъ; около него спящіе олени. И тихо, тихо вокругъ..

Боже! Изъ какой волшебной феерiи взяты эти дивныя декораціи!.. Только одна всемогущая мать-природа могла подобрать эти краски и въ чудной гармоніи сочетать ихъ съ этой сказочно прекрасной обстановкой!....

И только въ такой обстановкѣ, передъ лицомъ Всемогущаго Бога, начинаешь проникаться сознаніемъ, что жизнь не есть «даръ напрасный, даръ случайный» и что всякое явленіе, происходящее передъ нашими глазами, имѣетъ глубокое, разумное значеніе. И только при видѣ такихъ картинъ природы невольно размягчаешься сердцемъ и становишься добрѣе, лучше. Не даромъ благороднѣйшіе умы человѣчества всегда преклонялись передъ красотой, и

болѣе цивилизованные народы возводили ее въ культъ..

Я былъ готовъ всю ночь простоять на розсыпи, но холодъ заставилъ меня вернуться къ моимъ скаламъ. Спать мнѣ не хотѣлось. Я развелъ огонекъ и началъ чайничать. Къ великому моему горю, со стороны Тулыпа поднялся туманъ, обратившійся въ тучи, застлавшія собою небо. Началъ накрапывать дождикъ. Я забрался подъ навѣсъ и скоро заснулъ на жесткомъ ложѣ изъ камней.

Въ семь часовъ утра меня разбудилъ Изосимъ.

— Вставай чай пить!

Шелъ дождь и мнѣ не хотѣлось вылѣзать на холодъ изъ своей норы. Я лежалъ и слѣдилъ за туманомъ, за его прихотливыми измѣненіями. Мѣстами начало проглядывать голубое небо, обѣщающее хорошую погоду. Ребятишки подбѣжали ко мнѣ и громкими голосами крикнули:

— Зонма, локъ таче! (парень, иди сюда)!

Какіе они здоровые, краснощекіе!

Наконецъ, небо прояснилось и я направился къ чуму, гдѣ для меня вскипятили чайникъ. Я сталъ пить чай на свѣжемъ воздухѣ. Опять ребятишки столпились около меня и съ любопытствомъ дикарей слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ. Олени подходили ко мнѣ и обнюхивали меня. Я сталъ кормить ихъ хлѣбомъ. Ребятишки послѣдовали моему примѣру. Какъ граціозны эти животныя! Быки съ великолѣпными рогами степенно щипали мохъ, важенки съ маленькими рожками играли другъ съ другомъ, становились на заднія ноги и брыкались передними, рядомъ съ ними рѣзвились малютки оленята въ своихъ свѣтло-коричневыхъ шубкахъ. Нельзя было не залюбоваться на эту идиллію тундры.

Изъ чума вышелъ насытившійся Изосимъ и его товарищъ. Въ рукахъ они держали лассо.

— Сейчасъ быковъ станемъ ловить.

Ижемцы стали осторожно ходить среди стада, держа лассо на готовѣ. Олени отбѣгали отъ нихъ. Иногда имъ удавалось близко подойти къ намѣченному быку, они вертѣли веревку надъ головой и она надала на вѣтвистую голову оленя, котораго тотчасъ привязывали къ санямъ. Иногда бывали промахи и вообще ловля оленей требуетъ навыка и ловкости. Ребятишки подражали старшимъ и играли въ ловлю оленей: у нихъ въ рукахъ было по маленькой веревкѣ и они накидывали ихъ на оленятъ и другъ на друга.

Черезъ нѣсколько времени двѣ четверки запряженныхъ оленей уносили насъ отъ гостепріимнаго чума. Дорога была хороша; мы ѣхали по мягкому мху, а мѣстами по снѣгу. Къ вечеру достигли конца Чувальской тундры. Камень кончался здѣсь обрывомъ, по которому предстояло спуститься до рудниковъ пѣшкомъ.

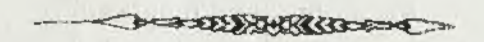
Внизу извивалась серебристая ленточка воды между лѣсистыхъ холмовъ, то была Вишера. Среди лѣса можно было разсмотрѣть, точно игрушечные домики Чувальскаго рудника. Тонкими струйками вился дымокъ. Тамъ копошился человѣкъ, тамъ цивилизація покоряла природу.

Я бросилъ прощальный взглядъ на горы. Прямо противъ Чувала высился массивъ Мартайскаго камня. Какъ жалки, какъ ничтожны казались затѣи людей передъ лицомъ этихъ двухъ каменныхъ гигантовъ, въ безмолвіи стоящихъ другъ противъ друга. Невольно пришло мнѣ на память прелестное Тургеневское стихотвореніе въ прозѣ «Разговоръ». Помните, читатель?.. «Среди Альпъ высятся двѣ громады: Юнгфрау и Финстерааргорнъ. И спрашиваетъ Юнгфрау сосѣда: что новаго? Проходятъ тысячелѣтія: одна минута и грохочетъ Финстерааргорнъ сосѣду: «чернѣютъ лѣса, среди нихъ копошатся козявки-двуножки, люди». Опять летятъ тысячелѣтія: одна минута. «А теперь?» спрашиваетъ Юнгфрау. Грохочетъ великанъ: «лѣсовъ стало меньше, козявокъ больше!»... Еще минута: тысячелѣтія — «А теперь?» — «Теперь хорошо, опрятно стало, бѣло вездѣ, вездѣ снѣгъ, куда ни глянь. Опрятно, хорошо. Ну, заболтались мы съ тобой, вздремнемъ».. Спятъ громадныя горы спитъ зеленое свѣтлое небо надъ всегда замолкшей землей»....

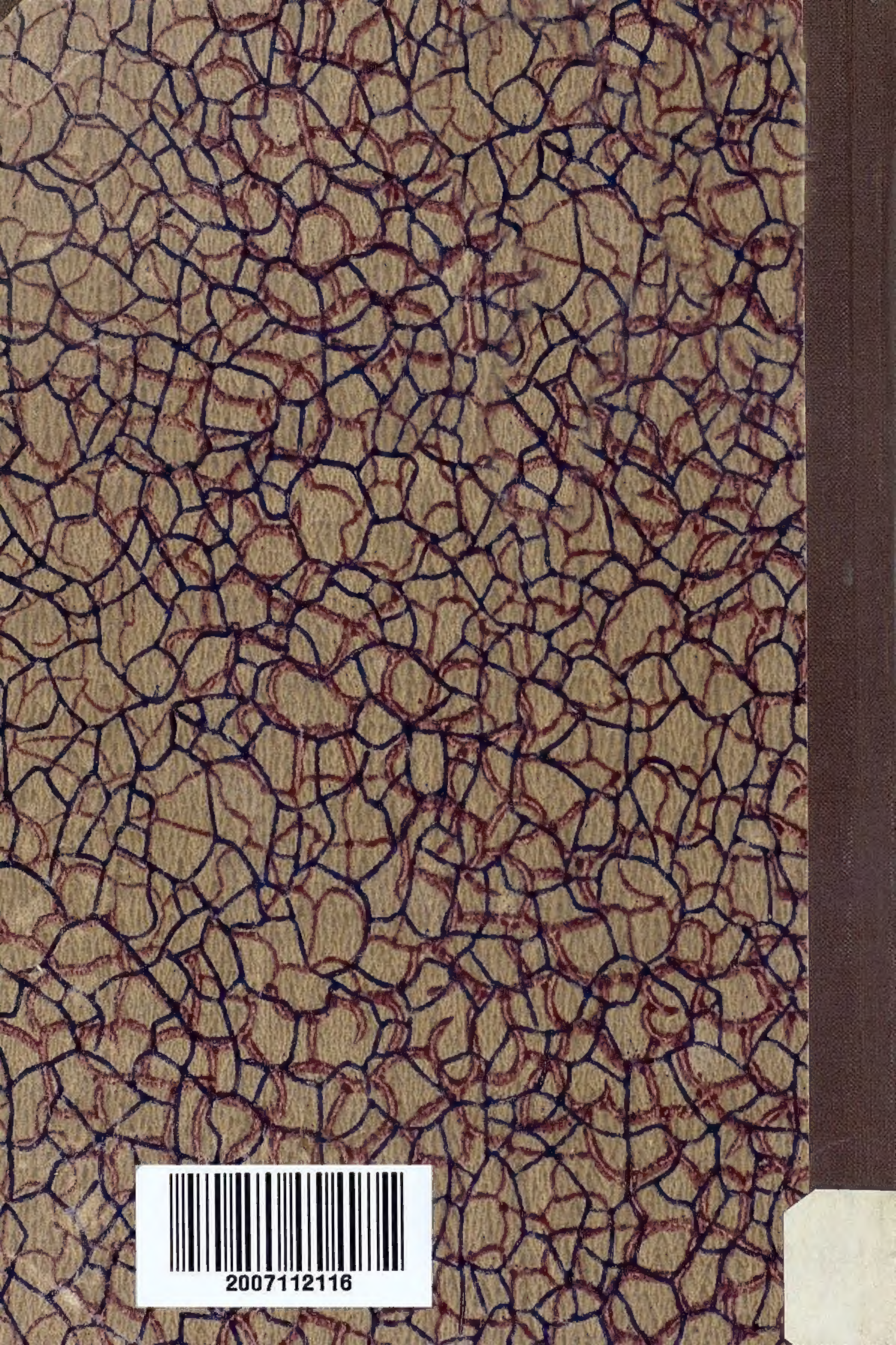
И вы смолкните ничтожныя козявки — люди, гордые въ своемъ самомнѣніи, вы, настроившіе тамъ внизу зданія и дымомъ закоптившіе дѣвственную чистоту горнаго воздуха. Вы съ молотомъ въ рукахъ дерзко прокладываете путь къ сердцу Чувала — но знайте, что всѣ ваши дѣянія ничто

передъ вѣчностью и настанетъ время, когда изчезнутъ съ лица земли ваши дѣла, исчезните вы сами, а Чувалъ, по прежнему, будетъ гордо выситься надъ землей — бѣлой и чистой подъ снѣжнымъ покрываломъ!....

Николай Белдыцкій.

Извлечено изъ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1899 года.

2007112116